

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

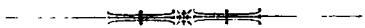
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

годъ седьмой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12

1897

Печатано по распоряженію Императорскаго Спб. Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Киселевскіе цыганы.

Главное мѣсто жительства цыганъ Смоленскаго уѣзда—сельцо Киселевка Прудковской волости.

Мѣстоположеніе Киселевки довольно живописно: деревушка эта раскинулась на берегу Хмары, извиистой, прозрачной, усѣянной кустами, крутобережной рѣчки. Къ Киселевкѣ, съ югозападной, южной и восточной стороны, примыкають лѣса, которые тянутся къ Мстиславскому уѣзду Могилевской губерніи и Рославльскому уѣзду Смоленской губерніи.

Въ двухъ верстахъ отъ Киселевки, вверхъ по теченію рѣки Хмары, деревня Фицовка, а въ двухъ верстахъ или немного менѣе внизъ по теченію той же Хмары, деревня Хмарское; въ деревняхъ этихъ живетъ нѣсколько цыганскихъ семействъ.

Главное занятіе цыганъ — воровство; особенно они вradуть лошадей и барановъ.

Если переѣзжая Хмару, спросишь, отчего это такъ много бараныхъ копытниковъ валяется на днѣ рѣки, отвѣчаютъ мѣстные жители: это работа цыганская; лѣтомъ съ Петрова дня барановъ вradуть, а копытники въ Хмару бросаютъ.

Рано утромъ, до разсвѣта, цыганскіе парни, молодежь, ѣдутъ кормить лошадей своихъ. Располагаются они большею частію на опушкѣ лѣса, лежатъ (на брюхѣ) подлѣ огня, пекутъ картофель, жарятъ сало и баранину, о чемъ то балакають на своемъ нарѣчій.

Не всегда они стоятъ лагеремъ открыто: когда заставляетъ необходимость, прячутся въ густыхъ березникахъ и ельникахъ, прикручиваютъ лошадей къ деревьямъ, сами же укрываются гдѣ-нибудь въ сторонѣ; а иногда цыганы съ лошадьми стоятъ, недавно украденными, только на большой сторожѣ; даже поводъ въ рукахъ держа, кормятъ ихъ, чтобъ, въ случаѣ нападенія, быстро сѣсть и уѣхать.

Иногда видишь, какъ мчится цыганъ, все оглядываясь подозрительно назадъ, словно чуя погоню, и лошадей за собою гонитъ,—и, въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени бредутъ печальные мужички и спрашиваютъ прохожихъ о своихъ конникахъ.

Во время обысковъ выручаетъ цыганъ необыкновенная находчивость и способность искусно притворяться.

Дѣло было въ Ельнинскомъ уѣздѣ.

Идетъ урядникъ по пятамъ за ворами-цыганами, и видятъ цыганы, что приходитъ имъ бѣда неминучая. Тогда они обрядили старую цыганку какъ бы на смерть, положили ее на столѣ, а подъ нею добро и пригрозили старухѣ:

— Смотри жъ ты, старая: дохни только—тутъ тебѣ и юбъ будить: до смерти закатаемъ.

Вытянулась старая цыганка, даже поблѣднѣла—лежитъ, словно мертвая, бѣлая какъ сватерть.

Идутъ съ обыскомъ въ хату, а цыганы плачутъ—заливаются и причитываютъ:

— Зачѣмъ сиратами заставила ты насъ горя гарювать, наша радѣтилка ¹⁾!..

Вошедшій урядникъ видитъ свѣчи горять, и на столѣ покойница.

— Ваша благодарія, не прогнѣвайтесь вы, не व्यшпята,—намъ таперъ ни до чога: у насъ бальшоя гора. Ишпята, идѣ знаята!

Урядникъ искалъ повсюду, а покойницу не рѣшился беспокоить: «мертвого костей не тревожь»—и, разумѣется, ничего онъ не нашель.

Жидъ идетъ къ цыгану отыскивать пропавшаго гуся.

— Господинъ урядникъ, мой гусь въ печкѣ жарится — оттуда даже жаренымъ гусемъ пахнетъ.

— А, такъ тебѣ поросятины захотѣлось!—грозно прикрикнулъ цыганъ на жиду; съ этими словами онъ заслонку отхватилъ у печи, быстро выхватилъ гуся и торнулъ его жиду прямо подъ носъ:

— На, ѣшь поросенка—подавись имъ!

— А ну, ну, ѣшь ты самъ—а ну, тебя къ чорту!

Жидъ совсѣмъ стушевался.

Замысловаты и приемы цыганской кражи.

Иногда цыганы надѣваютъ сапоги или лапти на ноги украденной скотины, чтобы отмѣнить слѣдъ.

— «Привяли цыганы карову къ Ярашу. Харошая карова, дворницкая, абутая у лапти. Поставили яе у пуню, у салому; тамъ корова стояла дни два, пока поиски акончились. Вичаромъ прѣхали два цыганы, выпустили карову на дворъ. Карова икъ стала гулять, брыкать, галавою крутить. Ярашovy усѣ хахатали, утишались, што карова дужа хараша.

¹⁾ Радѣтилка—мать; слово часто употребляется въ цыганскомъ нарѣчїи.

— Ты таперь яе ни паймайшь!—гаварили мужики и бабы на цыгана. А цыганъ у валенкахъ якъ прыгнить къ карови и прѣма схватѣть ѣе за роги, да якъ крутнѣть яе вѣвыла сябе: ана и бахъ са усяхъ нохъ—и завалилася. Другой жа цыганъ подскачилъ съ касою, шарпъ па горлу и зарѣзалъ. Садрали шкуру; трибухи, легкія, ноги атдали Ярашу и мяса нямвога яму дали, а карову пупаламъ разрубили. Каждый палажилъ сваю часть на сани и паѣхали дамой».

Амбарушки цыганы поднимають вагами, потомъ выбираютъ какое есть добро, и опускають на мѣсто.

Цыганы хвалятся своею приспособленностью къ кражѣ:

— «Гамі, есть у насъ и данкрѣты».

Если конюшни съ крѣпкими замками, цыганы разбирають крыши и веревками вытягивають наружу лошадей.

— Отчего, Ивва, сани у тебя подбиты холстомъ? Сдѣлалъ бы ты себѣ красивыя яеновыя сани!..

(Ивва—старый зажиточный виселевскій цыганъ).

— Гаму ¹⁾, видишь ты: въ этихъ саняхъ тихо, какъ въ лодочкѣ проплывѣшь: яны и ни стучать.

На первую ночь цыганы собаку отравятъ, а на другую вдвоемъ или втроемъ подбираются въ баранамъ. Для кражи выбираютъ ночи темныя, осеннія. Крадутъ и послѣ Петрова дня, потому что послѣ вывозки навоза легче подкопаться, а подкапываются острыми лопаточками, въ родѣ сѣчекъ, чаще всего подъ стѣну, рѣдко подъ заборъ.

Два цыгана или одинъ стоятъ на сторожѣ подлѣ лошади; вооружаются кольями, дубинами, рѣдко ружьями. Амбары обирають со свѣчкой; овецъ ловятъ въ темнотѣ. Говорятъ, что цыганъ и въ потьмахъ не возьметъ худую овцу:

— «Жирная овца, видишь ты, пѣшетъ дѣжа» ²⁾).

Крадутъ цыганы овецъ и съ поля у неопытныхъ пастушковъ: дѣти, видя барановъ, испуганно убѣгающихъ изъ лѣса или изъ кустовъ, никакъ не предполагають присутствія цыгана, ловящаго ихъ: имъ думается, что волкъ «попудилъ» овецъ.

Застигнутый на мѣстѣ преступленія малолѣтними сосѣдами, цыганъ овцу бросаетъ, а самъ удаляется во svoей безъ особеннаго впрочемъ конфуза.

Кража овецъ для цыгана—это уже дѣло второстепенное, а главнымъ

¹⁾ Гамі—гаму—бѣлорусское «паніа»—данкрѣтъ—орудіе для поднятія тяжести.

²⁾ Пѣшетъ дѣжа—тяжело дышитъ.

образомъ, онъ крадетъ лошадей, потомъ мѣняетъ ихъ на ярмаркахъ или по деревнямъ, обыкновенно взимая съ мужиковъ придачу всякаго хлѣба по четверткѣ:

— «Гамй, съ естыга я бьюсь»!

Чуть не съ колыбели и во снѣ и наяву цыгану грезятся кони. Спросите у цыгана, чѣмъ онъ занимается.

— Лошадьми барышничая!— отвѣтитъ онъ вамъ.

Бабка или мать крестника пробуетъ ушко у маленькаго, едва народившагося цыганенка:

— «Давай-ка, попробую ушко, вырастетъ ли мой крестникъ.

Ушко крѣпенькое у него—вырастетъ; и мало того, по всему видно, что будетъ барышникъ, коневникъ, — будетъ, какъ батька, заниматься лошадьми (тэ залэлэ грэнцэ).

Цыганята любятъ изображать лошадокъ мѣломъ на стѣнѣ, или карандашемъ на бумагѣ, или на пескѣ пальцами.

Священникъ, отецъ Полубинскій, преподававшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Даньковской школѣ, передавалъ мнѣ, что цыганята учились не хуже другихъ мальчиковъ. Замѣтилъ онъ однажды разсѣянность цыганятъ: не слушая его объясненій, они съ необыкновенною сосредоточенностью чертили что-то на партахъ—лошадокъ!

Цыганъ любитъ ѣздить быстро, сѣчетъ лошадь не жалѣя, стараясь упадать кнутомъ по ногамъ, немного ниже ляшекъ, отчего и самая лѣнвая лошадь прибавляетъ шагъ.

Народныя поговорки: ѣздить какъ цыганъ, ѣзда цыганская, т. е. быстрая, ухарская. По цыганскому выраженію, на сѣдлѣ цыганъ сидитъ ловко, какъ червякъ,—муживъ, тотъ сидитъ коликкомъ.

Рѣдко цыганъ пристращается къ лошади, временно же любитъ поѣздить на быстромъ конѣ, испробовать какогонибудь борзаго иноходца.

Разъ цыганъ укралъ неукротимую лошадь, но не переставалъ долго на ней ѣздить: «гамй, руки сабѣ павывихнулъ». Испортивъ порядочно добраго коня, цыганъ сбываетъ его, а впрочемъ онъ самъ коноваль, самъ лѣчитъ лошадей капустнымъ разсоломъ, яйцами и купоросомъ,—это ужъ обычный цыганскій рецептъ ¹⁾.

Продавая украденную лошадь, цыганъ указываетъ предѣлы, въ которыхъ можно безопасно ѣздить на проданной лошади.

¹⁾ Если лошадь ѣдетъ плохо, цыганъ суётъ ей палкою въ ротъ теплыя кишки, вырванныя изъ живой курицы.

Нечего грѣха таить. Въ доброе старое время и помѣщики любили поговорить съ цыганами объ иноходцахъ, а иногда давали цыгану неблаговидное порученіе привести иноходца или рысака.

Бывали и такіе случаи. На ярмаркахъ и другихъ бойкихъ мѣстахъ владѣльцы узнавали своихъ лошадей—крестьяне горячо отстаивали свою собственность и заставляли лицъ, купившихъ краденыхъ лошадей «слѣзать съ чужаго коня среди грязи долой».

Хожалыя цыганки.

Цыганки часто шляются съ мѣшками за колядой, при чемъ старательно высматриваютъ, гдѣ бы имъ что-нибудь стаянуть, и на будущее время замѣчаютъ, въ какой дворъ легче забраться цыганамъ для воровства; онѣ, такъ сказать, наводятъ справки о мужицкомъ хозяйствѣ.

Филипповымъ постомъ мужикъ запасаетъ себѣ скоромную пищу для будущаго мяса — по амбарамъ и по клѣткамъ развѣшивается говядина (баранина, свинина). «Скороминка» — предметъ цыганскихъ помысловъ, цыганской зависти: цыганы и выпрашиваютъ ее и стараются украсть, что, при крестьянской безпечности и неосмотрительности, часто удается. Цыганъ хвалится: «филиппоўками мужикъ постуеть, а мы лупимъ мясо, какъ рѣпу».

Цыганки большія «кѣнькалы»: онѣ душу вынимаютъ своими просьбамъ, жалуются на худолѣтье, на бѣдность, щедрымъ хозяевамъ сулятъ счастье и добро. Но, Боже сохрани, обидь ихъ: не дай имъ коляды, скороминки, оскорби ихъ дерзкимъ словомъ, онѣ обѣщаются это припомнить, — станутъ ворчать себѣ подъ носъ: «зазнались-де совѣымъ мужики, забылись,—они хуже зазнаются, когда у нихъ не крадешь, балуешь ихъ: надо къ нимъ воровъ заслатъ».

Угрозы эти оказываютъ дѣйствительное вліяніе на мужика. Думаетъ онъ самъ себѣ: «а кто ихъ знаетъ, что на умѣ то у нихъ! Знаю дѣло, и Бога не серди и урага не гнѣви». Почесывая затылокъ, выноситъ мужикъ коляду хожалымъ цыганкамъ.

Обычная форма цыганской просьбы такая:

— «Матушка хозяйчика, дай скороминки, дай и крупкы, дай и маслица: галоўку нада помаслить, дай и яечикъ, дай и салца; хазяичка матушка, дай и смитанки съ поўныга гарлачика—и табѣ Богъ дастъ съ биригами роўна; какъ ячки круглы, съ биригами роўны, какъ ихъ много,—чтобъ, съ моею логкѣй руки, у тебе усяго бы стала много, кругла и съ биригами роўна.

Бурмистиха-вайтиха, ни жалѣи ли мяне, дай цѣлый мяшечикъ, штобъ усяго было много. Дай пасматрю на тваю ручку погадаю—ую судьбу тваю табѣ расскажу; покажи, покажи свайго дитѣнычка—па ушку узнаю ти живѣ юнѣ будить, ти счастливѣ, толька ты ни жалѣи дли мяне ничаво»

Хозяйка колады даетъ лубочку овса, лубочку ржи (гарца два, три), иногда сальца, скороминки.

Зазѣвавшаяся курица, поросенокъ попадають въ мѣхъ хожалой цыганки; курей онѣ ловять ловко, иногда на удочку; одной рукой коладу принимаютъ, а другую руку не прочь запусить въ хозяйское добро, стянуть яичко или изъ кубла вынуть сальца кусочекъ.

Эти самыя ходяки являются гадалками, смотрять на руки, шупають уши дѣтой, судьбу предвѣщаютъ.

Гадають цыганки и такъ: изъ четырехъ скрученныхъ попарно нитокъ образуютъ крестикъ; плюють на крестообразно сложенные нитки, при этомъ пищать, и спрашиваютъ таинственно у суевѣрной крестьянки:

— Слышишь ли, пищить что то.

— Да что то пищить—отвѣчаетъ со страхомъ крестьянка.

— Какъ эти нитки крутятся, чтобъ у враговъ твоихъ кишки крутились.

И баба остается очень довольна, что изведутся ея враги,—выносить гадальницѣ коладу.

Цыганки не ограничиваются шатаньемъ по дворамъ и мелкой кражей,—наиболѣе смѣлыя изъ нихъ сопровождаютъ супруговъ въ ихъ воровскихъ походахъ. Жена Фицовскаго Васьки неотступно слѣдуетъ за мужемъ, когда онъ ѣдетъ воровать; самое малое, что она дѣлаетъ,—стоитъ на сторожѣ съ лошадыю. Анютка Ивкина зло крада и любила съ цыганами «у воры ѣздить».

— «Ни разу ни прапустить, штобъ ни паѣхать. Сама проситца, во-выла лошадей стаять. Разъ воыла Ельни забрались цыганы въ кабакъ: яны набрали разныхъ товаруѣ, сѣли на каней и уѣхали, а Анютка усе капайтца у шелвахъ. И ужъ агонь запылалъ у хаты, тольки агонь примѣтивши, ина движкомъ, движкомъ вывалилась изъ хаты,—и тады товаруѣ на бросила, а съ ахапкый бягомъ бѣгла да показанныга мѣста вяреты двѣ».

Крестьяне давно привыкли смотрѣть на цыганскія кражи, какъ на дѣло обыкновенное, а у цыганъ выработалось грубое, доходящее до цинизма безстыдство и нахальство.

Ходили цыганки по милостинѣ; идутъ и видять, что клѣтъ Кузьмина

¹⁾ «Лубочка»—липовое лукошечко.

отперта—наверху два трибуха висятъ. Пошли въ хату—ихъ подарили; стали онѣ просить скоромины.

Кузьма отказалъ:

— Идѣ вамъ надаестья ¹⁾ скоромины!

Цыганки обозлились:

— Гаму, нѣту, а нѣту! Какъ у тебѣ скоро нѣту!

Пришли домой и давай говорить:

— Видали два трибуха висятъ; кубилъ сала есть.

Пріѣхалъ ночью цыганъ и все побралъ. Черезъ нѣсколько времени хозяины собрались въ кузницѣ: подошли воръ-цыганъ и Кузьма. Давай цыганъ «ляпнуть прاما у глаза» Кузьмѣ:

— «Што ты, Кузьма, надѣлалъ? Ты абтравилъ насъ! Я на тебе на судъ подамъ! Да хго жъ такъ трибухѣ ²⁾ солить? Мае дѣти вады паабплились: какъ приляжутъ, приляжутъ къ рѣчкѣ, слова поросаты»...

Дѣлать нечего, чтобъ умиротворить расходившагося цыгана, Кузьма отсулилъ ему пѣтуха и поросенка.

Съ хозяевами цыганками крестьяне не особенно церемонятся, особенно если онѣ одинокія, безродныя и, слѣдовательно, беззащитныя. По этому поводу крестьянская дѣвушка передавала мнѣ слѣдующее:—«Шла кривая цыганка Татьяна съ дачкой да Самахотовки. А у маей тетки была рушная курица. Скажите тетка курицѣ: сѣлухна, сѣлухна ³⁾! курица и садитца. Паглядить мая тетка послѣ цыганкы: нѣту курицы. Дабѣгла за цыганками до лины: содять старая цыганка курицу у мяшокъ.

Тетка узсерчала: выхватила у яе курицу, а самое цыганку за рукавъ тащить: пайдѣмъ са мною, а то къ уряднику. Пайдѣмъ, пайдѣмъ: я табѣ ничога на здѣлаю. Пупялась ⁴⁾ цыганка, иднакажъ ⁵⁾ панла.

Марья, Марья!—гукѣить ⁶⁾ тетка сасѣдку: насы-ка, Марья, чипялу: да цыганку па галавѣ чипялѣй. Дачка плачить, бѣгаить:

— Соўника мае, довольна, довольна—будить: ни забей маю матухну!.. Таперь эта кривая къ намъ у домъ никада ни заходить»...

Застигнутые въ ночной кражѣ, цыганы отчаянно защищаются—задержать ихъ довольно трудно.

¹⁾ Надаестья—надаешься.

²⁾ «Трибухъ»—желудокъ животнаго; «трибухъ» свиньи чинится мясомъ и солится.

³⁾ Сѣлухна—крестьянское обращеніе къ курицѣ—сидь, сидь.

⁴⁾ Узсерчала—разсердилась.

⁵⁾ Иднака—однако.

⁶⁾ Пупялась—оказала сопротивленіе, привадумалась исполнить требованіе.

⁷⁾ Гукѣить—зоветъ.

Разъ зимою ихъ окружили извозчики, цыганамъ удалось на быстрыхъ лошадяхъ, запряженныхъ въ легкія савочки, пробиться, почти перескочить черезъ обозъ. Нѣкоторые цыганы были задержаны; чтобы выручить товарищей, остальные напали на мужиковъ съ кольями. Уловка удалась. Пользуясь переполохомъ, плѣнники ушли, и всѣ цыганы довольно благополучно отдѣлались отъ преслѣдованія.

Ближайшіе сосѣди цыганъ, уличивъ ихъ въ воровствѣ, иногда не обращаются на нихъ съ жалобой на судъ, а взыскиваютъ убытки по взаимному соглашенію.

— «На одну ночь цыганы сабаку абтравили, на другую ночь іѹцу¹⁾ узяли. Пойманы были; заплатили три рубли за іѹцу и два рубли за абтравленную сабаку».

Медвѣдовцы (Медвѣдовка въ двухъ верстахъ отъ Киселевки), мужики богатые, развитые и страстные охотники, объявили киселевскимъ цыганамъ, чтобы они ночью не разѣзжали около Медвѣдовки:— «неравно съ ружжѣмъ упадемъ». — Цыганы Медвѣдовцевъ совсѣмъ не трогаютъ.

У отдаленныхъ крестьянъ цыганы крадутъ особенно дерзко.

Раза два Киселева горѣла; говорятъ, ее поджигали изъ мести сльнинскіе мужики: ужъ сильно разобидили ихъ киселевскіе цыганы.

У Краснинцевъ, Ельнинцевъ киселевскіе цыганы пользуются заслуженно недоброю славою, и боятся жъ они попасться на судъ, въ коемъ засѣдаютъ могилевскіе или краснинскіе присяжные изъ крестьянъ — «и бывши правъ у нихъ у Сибирь угадашь; аблакаатывъ эти присяжные на дужа-то слухаютъ, а гаварятъ: виновинъ цыганъ, па усимъ статьямъ виновать, пацады яму никакой—во и всё тутъ».

Въ народныхъ сказкахъ, легендахъ и пословицахъ цыганы изображаются профессиональными ворами, съ умомъ дерзкимъ и насмѣшливымъ.

Одинъ помѣщикъ (это уже было давно) спросилъ у цыганъ, отчего они исключительно занимаются воровствомъ.

Отвѣтъ такой былъ:

— «А это ужъ такъ издревле ведется отъ отцевъ».

Одинъ цыганъ встрѣтился съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ. Георгій Побѣдоносецъ ѣхалъ на дивномъ конѣ, подкованномъ золотыми и серебряными подковами. И сталъ цыганъ горько жаловаться ему, Георгію Побѣдоносцу, на свою горькую участь.

¹⁾ Іѹца—овца.

Георгій отнесся къ жалобѣ цыгана съ большимъ вниманіемъ и передалъ ее Богу.

Богъ внимательно выслушалъ жалобу Георгія Побѣдоносца, потомъ сказалъ:

— Народъ этотъ—воръ, такимъ онъ былъ, такимъ и останется, и не стоитъ за него заступаться. А гдѣ жъ подкова на твоей лошади? Вѣдь ты разжалобившись и не замѣтилъ, какъ цыганъ ее снялъ во время разговора.

Въ одной народной сказкѣ цыганъ събилъ съ мужикомъ деньги.

Посѣявъ небольшое количество денегъ, каждое утро они находятъ свой капиталъ съ нѣкоторымъ нарощеніемъ, чему мужикъ душевно радуется.

Разъ посѣяли они большую сумму, и ужъ не нашли ничего.

Мужикъ сталъ печаловаться цыгану, зачѣмъ онъ посовѣтывалъ «сбѣять деньги»; цыганъ ему отвѣтилъ: «а никто таму ни виновать, что сегодняшнее утро сухорось была».

Мужикъ кучу вѣвить, а цыганъ жалѣ кучи ¹⁾ руки грѣвить, говорить народная пословица.

Правда цыганская!

Цыганы принимаютъ косвенное, но живое участіе въ сельскихъ выборахъ. Прямого участія въ выборахъ они принимать не могутъ, во-первыхъ, потому, что большинство числится мѣщанами; во-вторыхъ, нѣкоторые изъ нихъ крестьяне, судившіеся за воровство, навсегда лишены избирательнаго права.

Въ своихъ интересахъ цыганы являются сильными сторонниками нѣкоторыхъ лицъ, выбираемыхъ въ старшины.

А чтобы лучше подѣйствовать на избирателей крестьянъ, они пускаютъ въ ходъ разнообразныя средства; напр., запугиваютъ воровствомъ робкихъ и неразвитыхъ деревенскихъ обывателей:

— Гамй, вашихъ бараныѹ усихъ пакрадимъ, если ня выбиритя такого волостнаго.

Болѣе развитые изъ нихъ отлично понимаютъ, въ чемъ должны состоятъ обязанности судей, волостнаго, имѣютъ правильныя гражданскія свѣдѣнія, но они пользуются своимъ знаніемъ, только въ отрицательную сторону, то подсмѣиваясь надъ мужицкою неразвитостью, то стараясь извлечь изъ нея для себя пользу. Ивка, одинъ изъ самыхъ умныхъ старыхъ киселевскихъ цыганъ, любитъ присутствовать на крестьянскихъ судахъ, а потомъ онъ со смѣхомъ рассказываетъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ, лежа за перегородкой въ волости, «какъ у него, былс, пунки порвалсѣсь отъ смѣху».

Сельскіе даютъ большую потачку односельчанамъ цыганамъ, не желая

¹⁾ Калѣ кучи—около кучи.

ссориться съ ними, не желая нажить себѣ опасныхъ враговъ въ одной деревнѣ, и потому то обыски, которые дѣлаются при помощи сельскихъ, часто не достигаютъ своей цѣли: сельскіе, если отъ нихъ зависятъ, укрываютъ и бѣглецовъ и краденныя вещи.

Не всегда и урядникъ держитъ въ рукахъ цыганъ.

Урядникъ слабохарактерный, по мужицкому выраженію, «несамовитый», ничего съ ними не подѣляетъ.

Если же урядникъ становится съ цыганами, какъ говорится, на одну ногу, если цыганы замѣтятъ слабость урядника или къ вину или прекрасному полу, то они не преминутъ воспользоваться ею, при случаѣ даже побить урядника, всачески же унизить его.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проживалъ въ Прудковской волости урядникъ, который положительно сдерживалъ воровскія наклонности цыганъ: не давалъ имъ красть и у сосѣдей и въ мѣстностяхъ отдаленныхъ.

У урядника Н... была натура русская, крѣпкая, коренастая, умъ имѣлъ онъ провицательный.

Н... обходился съ цыганами строго, провинившихся въ воровствѣ нещадно билъ ногойкою, доводя до лихорадки; при обыскахъ Н... былъ очень хладнокровенъ, остороженъ и имѣлъ постоянно въ рукахъ револьверъ.

Такъ какъ цыганы — народъ очень горячій, положительно не помнящій въ азартѣ, на что рѣшается, лица, ѣздящія къ нимъ въ обыскѣ за своимъ добромъ, во избѣжаніе всевозможныхъ худыхъ послѣдствій, должны быть хорошо вооружены—даже во время крѣпостнаго права цыганы позволяли себѣ причинять насилія сыщикамъ, кто бы они ни были, хотя впоследствии обидчикамъ доставалось за это.

Цыганы крѣпки тѣмъ, что образуютъ воровскую общину: вмѣстѣ крадутъ, вмѣстѣ укрываютъ, по согласію распредѣляютъ между собою похищенное добро; если жъ на нихъ падаетъ вина, они указываютъ, кто долженъ за нее нести отвѣтственность, и виновна ли извѣстная личность или нѣтъ, или въ какой степени она причастна содѣянному преступленію,— все равно,—она подчиняется общественному приговору.

Нѣкоторые изъ цыганъ отличаются сепаратизмомъ; тѣ не любимы и держатся особнякомъ.

Еще крѣпки киселевскіе цыганы своею солидарностью съ ельнинскими и рославльскими цыганами; тѣ и другіе часто рождаются посредствомъ браковъ.

У киселевскихъ цыганъ есть глава, человекъ разумный и опытный, который имѣетъ на нихъ вліяніе.

Ивка, такъ зовется главный цыганскій заправило и вожакъ, опредѣ-

ляетъ цыганскія отношенія къ сосѣдямъ, т. е. къ кому ѣздить въ воры и къ кому не ѣздить, кого трогать и кого нѣтъ; иногда, по требованію ближайшихъ помѣщиковъ или властей, Ивка велитъ цыганамъ возвратить владѣльцу похищенныхъ у него лошадей, и Ивкѣ повинуются: будто совершенно случайно въ указанномъ мѣстѣ потерпѣвшее лицо находитъ свою собственность.

Управляя цыганами, старый Ивка слѣдуетъ какой-то политикѣ; Ивка ручается исправнику или уряднику, что въ продолженіе извѣстнаго времени въ такомъ-то районѣ цыганы ни подъ какимъ видомъ не побезпокоятъ мѣстное населеніе своими кражами; и чтобъ обязать цыганъ къ повиновенію, Ивка отбираетъ у нихъ присягу.

Цыганы увѣряютъ, что такая присяга тяжела, и производитъ на нихъ самое удручающее впечатлѣніе: во время присяганья они плачутъ; что такая присяга неотразима: ея прямой смыслъ нельзя обойти ни какими ухищреніями и изворотами ума, никакими уловками, какъ-де дѣлаютъ иногда мужики со своей присягой; что такая присяга ненарушима: тутъ же дѣти присутствуютъ, — цыганы клянутся передъ Богомъ самымъ дорогимъ для нихъ предметомъ — дѣтьми. Сверхъ того, такая присяга общеобязательна, обязательна для всѣхъ цыганъ извѣстнаго округа.

Однако очень недавно цыганы нарушили свою присягу.

Въ Прудковской волости что то часто стали проявляться кражи; урядникъ началъ ѣздить въ обыскъ къ киселевскимъ цыганамъ. Цыганы ему говорили:

— Не тревожьтесь напрасно, господинъ урядникъ: мы присягали не воровать по близности.

— А, всё-таки, воруете, замѣтилъ урядникъ: у такого-то цыгана сегодня мы нашли пропавшаго гуся.

— Это у того?

— Да, у того.

— На немъ не взыщита: онъ совсѣмъ, совсѣмъ дуракъ, ваша благодардія.

Нѣкоторые мѣстные крестьяне сдѣлались, по примѣру цыганъ, отчаянными ворами, и темпераментъ у нихъ выработался вешпыльчивый и въ рѣшительную минуту отчаянный.

Удивительно, какъ при этомъ не пострадали ихъ рабочія качества: киселевецъ слывѣтъ хорошимъ работникомъ.

Цыганка, вышедшая за мужика, становится трудолюбивою работницею, вполне пригодною для крестьянскаго быта; крестьянка, вышедшая за цыгана,

становится лютяйкою, веряхою; теряет то доброе, что крылось въ ея правѣ и способностяхъ, и усваиваетъ цыганскую распушенность.

— Ана насъ окоснѣла!—говорятъ цыганы о такой оцыганившейся бабѣ.
Народная пословица:

Больше бойся прицыганкы, нежели цыганъ.

Въ Киселевкѣ и въ сосѣднихъ деревняхъ встрѣчается у крестьянъ типъ, приближающійся къ цыганскому: смуглый, черноволосый, изрѣдка курчавый, стройный, способный поднять крестьянскій трудъ, умный, ловкій и расторопный,—это типъ смѣшанный ¹⁾.

Цыганы не особенно любятъ конкурентовъ въ воровствѣ, и потому они являются шпионами и выдатчиками.

Они славолюбивы, и не прочь заслужить славу и получить денежную награду. Отчаянные разбойники и воры, наводившіе страхъ въ губерніи, были пойманы при ихъ помощи, благодаря ихъ смѣлости и ловкости. Мужиковъ даже своей деревни они не боятся и при случаѣ, при сеорѣ, обнаруживаютъ ихъ плутни.

Ивка ловить Прокуду ²⁾.

(Разсказъ цыгана Ивки).

Пракуда хатѣлъ напасть на Кашкинскій футыръ (хуторъ). У тымъ футыри жилъ богатый прикащикъ. Прикащикъ, дазнаўшись, што яму ни сдобрать, што Пракуда збирайтца иминна яго аграрить, увидали исправника. А исправнику захотѣлось бизпримѣнна накрыть Пракуду на Кошкинскомъ футыри, патаму што Кашкинская гаспажа была знатная Питанбургская барыня, и яму была дужа лестна ей угадить. Исправникъ сталъ прасить миня памочь паймать Пракуду, патаму што я дужа харашо зналъ, идѣ прибивайтца Пракуда са свасой шайкы; и какъ я за имъ слядилъ, такъ зналъ упарѣдъ, што іонъ сабирайтца дѣлать.

Я свѣлъ дружбу съ Драздомъ, разбойникымъ изъ Пракудинной шайки; онъ мнѣ обѣщался помочь паймать Пракуду.

Я и съ самимъ Пракудымъ азнакомился; предлагать мнѣ съ нимъ заодно итти на Кашкинскій футыръ.

— Тысячъ пятьдесятъ вазьмёмъ.

¹⁾ Смуглые, черноволосые мужики въ Прудковской волости часто называются «цыганками».

²⁾ Прокуда разбойничалъ, а больше воровалъ въ Краснинскомъ уѣздѣ и былъ пойманъ при помощи Ивки цыгана, о чемъ идетъ рѣчь въ предлагаемомъ разсказѣ.

— Есть?

— Есть. Какъ ня быть?! Када ня будить тысячъ пятьдесятъ, мене забейте.

— Ну, тыкъ вотъ что: идите подъ воскресенье: прикащикъ у баня памитца, будить спать пакрѣпче.

— Пайдешъ зъ нами?

— Пайду зъ вами; а если ни пайду, такъ мы, цыгани, васъ прибригать будимъ: сматрится жъ, штобъ и намъ часть была. И свѣчку мы вамъ дадимъ; ана стардинавая бутта, а у самымъ дѣли изъ челаваѣчискыва сала: якъ запалите ету свѣчку, спать будутъ прѣмиртва ¹⁾.

Сяводни сказыли бъ, а заўтри бъ идить нада. Мы ударили ету штуку ²⁾ паскарѣй, штобъ вѣрнѣй дѣла абгудувать ³⁾.

Съ вечера на Кашкицескинской футуръ прѣѣхаль и какой-та чиновникъ съ панятыми. Чиновникъ спрятался съ свайми людьми недалеко отъ дома, исправникъ сталъ подли сундука съ диньгами, бытта для бирежѣнности ⁴⁾ при имъ ривальверъ абъ шасти выстрилахъ, а я у тѣй жа втарой комнати сталъ оглы дверей—двери расчинѣлись ня ў комнату, а вонъ изъ комнаты; у другой двери спрятался мой братъ—цыганъ. Мы сабрались хапать Правуду съ таварышимъ, якъ будутъ они идить къ сундуку.

На печку забрался прикащикъ са сваймъ сямействомъ, и къ яму паняты для иво ⁵⁾ Нивалаа Ивграфъича бирежѣнности, и сидѣлъ тамъ Нп-калай Ивграфъичъ ни живъ, ни мертвъ атъ страху, дарымъ што мы были около няво. Собакъ запѣрли ⁶⁾ и ни вялѣли выпускать лишній народъ изъ дому. Долга мы ждали вароў. Якъ пиривалила за полначъ, паслышалась «дрыннъ, дрыннъ»! Бамбѣнки ⁷⁾ стали вакошки вымать ⁸⁾.

Якъ паслышалась ета «дрыннъ, дрыннъ», исправникъ атъ страху зака-лыхаўся—падъ имъ польъ—тыхъ, тыхъ—такъ и ходить хадаромъ.

Вары прашли мима двери, астанавились огли шкапа, нашли тамъ водеу и закуску и абаратились назадъ,—гаварять асталымъ варамъ:

— Мы сабъ нашли водки и закуски, а идитеска вы!

¹⁾ Прѣмиртва—крѣпко.

²⁾ Ударили штуку—заѣляли, цыг.

³⁾ Абгудувать—устроить, обдѣлать.

⁴⁾ Бирежѣнности—бережности, по цыг.

⁵⁾ Для иво—мужц. для или для ягд.

⁶⁾ Запѣрли, цыг.—мужцк. «запѣрли», «зачинили».

⁷⁾ Бамбѣнки—прозвище воровъ шайки Прокудиной.

⁸⁾ Вымать—вынимать.

— А тчаво жъ вы не шли къ сундуку?

— Да, тамъ показалась намъ што та пыхаютъ.

А Дроздъ гаворить:

— Дураки вы! Эта кошка прабѣгла, чаво спужались?! Вы знаята: ать етый свѣчки дымокъ пайдеть у комнату, такъ все замертва будутъ спать— только запусти дымку, и усихъ замиртвѣшь ¹⁾.

Какъ разговоръ етый зашолъ, апять исправника ударила у дрозъ— полъ такъ и затрѣся: трыкъ, трыкъ! (онъ тушинъ ²⁾ былъ дужа, исправникъ).

Самъ Пракуда гаворить:— Ну пайдёмъ, Васька: я съ ружжомъ, а ты съ тапаромъ... Гляди жъ, Васька: Вожа сахрани, если прикащикъ будить стаять, вали тапаромъ са ўсой силы...

Услышаўши етытъ разговоръ, исправникъ яцо болій задрожѣў ³⁾, и мостъ весь закалатіўся. Штобъ прійти у себе, закуріў папиреску— пыхаютъ заріўца ⁴⁾ ать папирески.

Што мы поумѣли ⁵⁾? Нада дать знать, што мостъ калотитца, и што папирески курить ни нада.

Живая смерть ⁶⁾ каждому страшна! прикащика и прикацицу паняття диржать и прибадриваютъ, штобъ съ пугу на крикнули.

Тада я у чулочкахъ тихишка падашолъ, штобъ дупичка уныкнула ⁷⁾ къ гаспадину исправнику и сказалъ:—ни трясися и ни калатися и ни кури цыгарку ⁸⁾ (іонъ то и дѣла вяртять яе и калотитца): ать шуму и примѣтя заріўца, што ты пыканшь, разбойники ни пайдуть у комнату, и не съ кѣмъ намъ будить къ губирнатару показатца...

— Што мнѣ дѣлать? я баюсь, штобы мнѣ чаво не была... Я буду, Ивка, стрелять (курочки узвѣлъ).

— Што ты дѣлаишь, ваша высокоблагородія?! стучишь курками... ты, умѣста разбойникиў насъ усихъ пирибьешь! ⁹⁾ нильзя стрелять! мы, ты ня- бось, ихъ къ табѣ ни дапустимъ... А яму вицо страшнѣй стала послѣ за-

¹⁾ «Замиртвѣшь»—приведешь въ сонное состояніе.

²⁾ Тушинъ—полонь, жирень.

³⁾ Задрожѣў—задрожаль.

⁴⁾ Заріўца—зарезо, отблескъ огня, пожара

⁵⁾ Паумѣли—подумали.

⁶⁾ Живая смерть—насильственная смерть или, какъ мужики гаворятъ еще, на- хальной.

⁷⁾ «Уныкнула»—вернулась.

⁸⁾ Цыгарка—папиреска, сигарка.

⁹⁾ Пирибьешь—по мужицки, пирабьешь.

прящениа стрелять: то думайтца, што ляснуть мне на галавѣ тапаромъ или ружьомъ.

— Нябось жа, ня бось... тее! ваша высокоблагородіе, идуть...

Васька идетъ съ тапаромъ, Пракуда — ружье припаднѣши, и гразитца тихинька: «тыхай, ня тыхай, а мы тебе са ўсяго плеча—атъ аюшка намъ усе видна будить»...

Видя мы, што тутъ бизъ чога ня будить, што сичасъ яны увидають ли сундука стаѣнцага чилавѣка — чуть яны прашли, я брата Ѳедю скубѣ. Цопъ мы ихъ за плечи, стиснули ружье и тапоръ. Галавы у нихъ на бяду стрижиныя: за чубъ никакъ ни ухватиши, апречь вотъ какъ—подъ пахи. Яны рвались, дужа рвались: то мы, то яны падъ исподъ—диваны усе паламали. Исправникъ кричить: агня, агня! А усе баятца: верхніи панятыи баятца лѣзть съ печи—думаютъ, што многа народу, а нижніи панятыи, каторыхъ исправникъ пумястилъ окала дома, тѣ са сваймъ чиновникымъ уваспались—спячь ¹⁾, якъ мужики пняьку прадаѣши. Чѣмъ бы ета кончилась, найзвѣстна: замучились саўсѣмъ, саўсѣмъ прибились. Исправникъ дагадався, сталъ съ писталета стрелять у вако и кричить:

— Свѣчку черти, черти свѣчку!

Сабаки, услышаѣши такую тривогу, такой гамъ, пришли у бальной азартъ, павышибли стекла въ тѣхъ избахъ, гдѣ были заперты и акружили домъ, давай у вакошки залазять; за сабакамъ пришелъ съ агнямъ ²⁾ народъ, атъ гомана ³⁾ праснулись и караульные: весь народъ валить къ намъ. Видить Пракуда съ Васькой, што ихъ дѣла ня выгарѣла, притихли и битесь перестали; асталыне жѣ жулики, што съ ними были, тѣхъ давно и слѣдъ прастыль. Асвятилась комната. Стаять Васька и Пракуда смирна, какъ бараны. Ляжить ружьѣ, ляжить тапоръ, тутъ и асколки стекла битана.

Исправникъ пришоль у бальной гнѣвъ: вынулъ саблю, давай яе вастрить.

— «С. дѣти, разбойники, галавы атшархаю: кайтись!

Я вамъ пакажу, какъ съ ними нада! Вы съ ними долга будитя разгаваривать»... падашелъ къ нимъ: трахъ, трахъ—тыя пупадали. (Исправникъ былъ мущина приздаравенный, галава во какая была, плечи во какія).

— «Теперь вяжитя ихъ! а ты харошъ, гаспадинъ чиновникъ! лежень, мерзавецъ... Падумай сколько ты народу упустилъ... я тебе падъ судъ атдамъ»...

¹⁾ Спячь—спячь; спячь, по особенному цыганскому произношенію.

²⁾ Съ агнямъ—съ огнями; въ произношеніи старыхъ цыганъ творительный падежъ множ. числа сходенъ съ дательнымъ.

³⁾ Атъ гомана—отъ говора.

Чиновникъ бухъ на калѣнки, просить губирнатыру ни данасять.

Сняли съ печи прикащика и прикащицу, ни живы они ни мертвы; имъ са страху небо съ авчинку показалось.

Прикащица долга у себе ни прихадила, —вадою атливали; апомнившись, бухъ на калѣнки предъ исправникымъ:

— «Защититель ты нашъ, гаспадинъ исправникъ! забярѣхъ ты нашу галоўку»!.. ¹⁾.

Вынесли намъ спирту, пашло угашеніе. Прикащикъ съ прикащицей стали гаснажѣ у Питирь письма писать и мяне пумянули; исправникъ тожа прижа-ластная письмо атписалъ.

Билацкій ²⁾.

(Разсказъ цыгана Ивки).

Билацкій былъ харошій панъ—астрохъ яго ни диржалъ, и вандалы ни брали; три раза изъ астроха утикалъ. Я у жупанѣ атъ няво ухадилъ, а исправникъ прятался у статскій адѣжи.

Первый разъ яго взяли въ Уварыви, а утарѣй разъ у Магилеўскій губерніи. Нападеть на господскій гомъ, ни убиваить, а абчисить усѣ; паймаить барышню, павозить, павозить, да и пустить: иди, матушка, во свояси.

Їздилъ онъ на Краснинскимъ уѣздѣ—схадила яму пака; патомъ забрался у Смаленскій уѣздъ, на имѣніе Марья Петровны напалъ.

Марья Петровна знала, што дѣлать. Лянуть прямиа къ губирнатару. Стала пиридъ имъ на калѣнки:

— «Ваша привасхадительста, какъ вы прикажтыя: жить намъ дѣма или кидать домъ, када насъ изъ харомъ тигають?»

Вы думайтя, ана хатѣла унизитца пиридъ губирнатарымъ, штобъ ево разжалобить—ана хатѣла аво пристыдить.

Што жъ губирнатаръ сказалъ? Губирнатыръ сказалъ:— «Будьте пакойны, сударыня».

А ана яму што: — «если ваша милость ни защитите насъ, мы знаимъ, идѣ у царя вароты атваряютца».

¹⁾ «Забярѣхъ галоўку» - сохранилъ жизнь; выраженіе это часто вертится на цыганскомъ языкѣ.

²⁾ Разбойничалъ въ Смоленской губерніи и такой страхъ навелъ на всю губернію, что имъ дѣтей пугали; съ теченіемъ времени Билацкій сдѣлался полулегондарной личностью, въ родѣ капитана Копѣйкина.

Губирнатарь спыхнулъ, спыхнулъ дужа.

— Ваша палиція, говорить, плаха.

Жалобу ¹⁾ губирнатыру задала слаўную.

Исправника припитнѣтъ ²⁾ сталъ. Призываютъ къ себѣ.

— Какой ты испраўникъ, што ня знаишь, што грабежи ва вѣздѣ открываютьца! Штобъ разыскана была дѣла—и дома да тѣхъ поръ ни живи. Черезъ васъ не буду я атвичать. Мнѣ приходится самому разбойника лавить, губерніи начальнику. Разузнайте всё и ни разузнаўши дамой ни пріизжайтя...

Искали, искали и становыя, и испраўникъ, и краснинскій испраўникъ у помачъ яму—ни магли вйдѣ разыскать. Стала быть, прапалъ чилавѣкъ, а праѣзжалъ.

Ѣздють на 12 чилавѣкъ, а идѣ даятца—ни знама идѣ!

И былъ старый у насъ становей Лебидивъ. Здѣлали савѣтъ. Удрухъ прима и гаворить Лебидивъ исправнику (іонъ у новости былъ и мине ни зналъ):

— Хотя мы будимъ искать, мы ничаго ня можимъ здѣлать, а вотъ кали што здѣлаить, ня здѣлаить Йвка.

Пріѣхалъ ка мнѣ исправникъ па савѣту становога и лѣхъ ³⁾:—«што хочишь, то и дѣлай; дай помачи—жить нильзя: вотъ съ какихъ поръ дома ни бываю. Што хочишь, то и бяри» ..

—И дамъ вамъ помачи, если гинираль ⁴⁾ назволить. Вотъ пачаму па-надабилась дазваленіе.

Къ гиниралу пріѣзжалъ Биляцкій, нарядившись купцомъ и привазилъ прадавать двѣ шубы: одна американскихъ мядвѣдей, а другая барашковая.

Гинираль ни зналъ, што шубы крадинныя, аднача ни стаў куплять—пубаялся.

Ухады Биляцкій, (гинираль наканецъ дагадаля, что онъ Биляцкій) сказалъ:

— Если ня будутъ наши цыганы мяне трогать, у васъ все будить цѣла, и я ня буду шкубунѣтъ ⁵⁾ около сосѣдей.

Гинираль сказалъ, штобъ мы яво ня трогали. Исправникъ поѣхалъ къ гиниралу.

Разказалъ исправникъ гиниралу, што надѣлалъ Биляцкій—тада гинираль дужа разсердился.

¹⁾ Жалобу—«заботу», въ данномъ случаѣ.

²⁾ Припитнѣтъ—«прижмать».

³⁾ «Лѣхъ»—упрямо сталъ просить.

⁴⁾ «Гинираль»—помѣщикъ, въ зависимости отъ котораго находились киевскіе цыганы.

⁵⁾ Шкубунѣтъ—«блговаться», воровать.

— Када іонъ сталъ такъ безобразничать, такъ пусть Ивка ловить Биляцкага; только ты гаспадинъ исправникъ, ни абижай Ивку: ты яму за труды заплати харашенька! Ты имѣй въ виду, што Ивка, быть можить, га-лоуѣу натиряить. Гаспадинъ исправникъ, я имѣлъ яго въ виду: вить онъ, Биляцкій, ни што нибудь, штушка паряданная: глаза какъ у волка;—када Аничкинъ ¹⁾ и то пустилъ иво, паймаўши у въ амбарахъ».

— Я абѣщаю Ивки сто рублей.

— А я свидѣтилъ на ета. Сматрится только: вы, можить, паймать ни паймаить, а раздразнитя, што онъ мнѣ жить ни дасть. Мае вакошки плажея: сичасъ улѣзить ка мнѣ, я—чилавѣкъ ни сямьянистый.

Атъ гинирала исправникъ сичасъ ка мнѣ. Вотъ мы пагаварили и атправился я съ имъ у Смаленскъ; а съ Смаленску я пашкомъ пашолъ бытта бродяга няпоминацій ²⁾ и пашоу у Красвинскій уѣздъ.

Я зналъ упрѣдъ, што яны (Биляцкій съ шайкый) пріючуются у сальцѣ Уварови у трехъ верстахъ. Тамъ диржалъ пастаялый дворъ Пярекста ³⁾. Биляцкій снюхался ⁴⁾ съ яво дочкой, и што ни украдуть и што ни заграбить, то къ яму, Пярексти, и нясетъ.

Пришолъ я на пастаялый домъ.

— Здрастуйте вамъ!

— Здрастуй!

— Можна чайку паставить самаваръ?

— Али мозна. Аткуль-за ты?

— Са ўсяго свѣта—няпоминацій. Што ты у мене спрашиваешъ, у бѣд-нава странствующаго челоуѣка?»

— Ну, выпьемъ чайку и познакомимся.

Наставили самаваръ, и ну пить чай. И бытта я въ акошка паглядюю—бажесь, штобъ ни схватили мене; дѣлаю ета, штобъ онъ замѣтилъ, што я бажесь, и ни дагадался, што какой-нибудъ фокусъ.

Разсказать тебѣ, што я ушоўши съ самый Сибири. . такъ вотъ я три гады странствую. Ни купишь бы ты у мене вещи? да, есть у мене вещички, кали бѣ вы у мене ихъ купили...

— А какея али ⁵⁾ у тебе вещи?

¹⁾ Аничкинъ—Аничковъ, богатый соседний помещикъ, давно умершій.

²⁾ «Няпоминацій»—эпитетъ бродяги.

³⁾ Пярекста—перекрестъ.

⁴⁾ Снюхался—слюбился.

⁵⁾ Али—жидовская поговорка.

— Есть у мене пасуда сиребриная; есть и холстъ. Гасподскія шубы есть. Есть у мене дарагея гасподскія адежи, патаму што я у владавѣй набралъ.

— А идѣ жа адежа?

— Схована ¹⁾.

— А кадыжъ ты мнѣ али привязѣшь.

— Скоро.

— Какимъ за родымъ ета намъ здѣлать, штобъ ты мнѣ ету адежу продалъ?

— На такомъ аснаваніи прадамъ, штобъ мала хто зналъ. Када скажита, ета адежа привезетса, всё—и вощи—патамъ я яму пытаю ²⁾:

— Ти нѣту вотычки?

— Сколька али нада.

Падаеть вотку, и сталъ самъ наливать.

— Нутка, пей самъ—азнакомимса.

Удрухъ іонъ выпаваетъ стаканъ водки, наливаетъ и мнѣ—принуждонъ и я выпить. Дочь была у Пирексты красивая, которая зъ Биляцкимъ любилась, и ина зъ нами сѣла. Удрухъ ина начинать:

— Какой слаўный парень, если онъ зъ имъ пазнакомитца.

(А пра Биляцкыга ещо не была рѣчи). Я усе убиваюь у честь—гаварю пра крадинья вещи—явреи ета любятъ.

— Да паринь харошій, када бъ мнѣ мѣстечка нашлось, какъ я есть няпоминашій.

— Нашоў бы я тябѣ мѣстечка, только кали будитя мнѣ пользу давать... Я тебе прилучу къ гаспадину Биляцкыму... ти чуўты пра яго?

— Слышать то слышаў, только видить ни пришлось. Я бы жилалъ, кали бы вы мене прилучили къ ёму ³⁾, патаму што я слышаў, што у няво ухватка маладецкая. Ахъ, маладецъ! Падарыкъ бы харошій палучили бъ атъ мене, еслибъ пріютили.

— Али будишь мнѣ благадарить.

— А какимъ жа родымъ мнѣ яго увидить?

— Али кали ты хочишь?

— Я хачу, када вы скажита, штобъ намъ увидитца.

— Пріѣзжай ты такого-то числа и привази весцы.

¹⁾ Схована—спрятана.

²⁾ «Я му пытаю»—мужицк. «у яго пытаю», т. е. у него спрашиваю.

³⁾ Ему—мужицкому «яму»; цыганскій авцентъ отличается отъ крестьянскаго.

А я ужу яму гаварю:

— Пасмотримъ, какой больши привязеть, ти ты, ти я.

(Я ужу знаю, какъ пріѣхать—съ испраўникомъ съ панятыми)

Я и гаварю:

— Скажи, вѣраатна, када мнѣ бытъ. Я радъ бы видѣть, что Биляцкій увѣрится самъ, что я ловакъ на дѣлѣ, и прану, штобъ сваей рекамендаціей ты сасединилъ насъ. Нипримѣвна нужна намъ видитца.—Падумаль, падумаль, и гаворить, штобъ у двинацатымъ часу такога-та числа, штобъ былъ я—и будить Биляцкій:

— И весци, сматри, ни забудь: привази съ сабою.—Тада уже я поблагодарилъ ево и заплатилъ за то, што прохарчеваль и выпилъ, щедра и сказалъ мнѣ онъ апять: такога-то числа приходи у надѣжу маю—бизпримѣвна увидисеться съ гаспадинымъ Биляцкимъ. Я уже атправился атъ ево пряма у Смаленскъ къ исправнику; прихажу и гаварю:

— Дѣла разыскана!

Дажа папалуваль, дажа узрадувался. Тада савѣтъ мы здѣлали. Спрашнѣть мне, какъ яго узать.—«Губирнатыру нада далажить: а то ни вазьмемъ». Губернатаръ далъ приказъ, штобъ дали намъ салдаты съ Краснаго у помащъ. Сѣли мы на паштовыхъ да и у Красныя, и зѣ нами увялился слѣдоватиль ли пользы сваей.

Какъ пріѣхали у Красныя, то узали мы 50 чилавѣкъ салдаты вааружѣнныхъ. Пришли за дня всѣ въ Уварава сельцо къ дому Пярексты и паставили мы ихъ, усихъ салдаты, кала хлявовъ, када страснѣя, штобъ ни замѣтилъ ништо.

Тада приказали имъ, какъ скажимъ «ур!»), тада всѣ цѣпнымъ кругомъ, и самы были када солдаты.

А Пярексту съ жонкый и дочкый звизали, штобъ ни выхадилы изъ дому и стражу къ нимъ прѣставили, штоба хто ни пріѣдить, ничога ништо ни гавариль.

А аднаво солдата у сняхъ, у скрытнымъ мѣсти паставили: какъ только хто влѣзить въ комнату, то прихватить дверь на клямку.

А другова паставили салдатина — какъ только въ избу вайдуть, такъ на лошадахъ ухадить ихнихъ: въ случаѣ если хто выйдеть изъ дому,— агу¹⁾), пашой астанитца.

Уже пробѣла десять часовъ вечера, и да двинацатыва часу дасѣдили мы—и думалась, што нѣту.

¹⁾ Агу—увы, къ несчастью.

Удрухъ у первымъ часу послѣ двенадцатава валяють яны на пасти лашадяхъ двенадцать чилавѣкъ, на каждымъ по два сѣдаки.

Ну, гаспадинъ Биляцкій фхаль упиради са своимъ кучиромъ Ягорымъ Михайлавымъ. То какъ ани прѣхали въ настоялыму двару, то вдругъ гаспадинъ Биляцкій сдѣлалъ распоряженіе (хитерь онъ былъ, дужа хитѣрь):

— «Праѣзжайте мима усѣ—только мы у дваихъ съ кучирамъ заѣдимъ, а вы мима праѣзжайте и станавитесь у гоньки: а то паѣдитъ хто знакомый и увидить, што насъ шайка—пазнаить».

Удрухъ тыя пакатили и астанавились у варетѣ. Гаспадинъ Биляцкій, какъ ишолъ, пряма у комнату и кучиръ зъ имъ Ягоръ Михайлыу у надѣжи свайго рысака ¹⁾, што іонъ пріушинъ—ни паидеть; нѣкатарыя ружжи были запасныя—остались у санѣхъ ²⁾.

Када ани ухадили у комнату, сичасъ салдатъ дверь прихватилъ. Утарой салдатъ на лошадь сѣлъ и укутилъ у дярѣю. Аставался Биляцкій са своимъ кучирамъ.

Вдрухъ послышался крикъ «ура»!

Сичасъ цѣль салдатъ акружила домъ, а Биляцкій у доми закричалъ: падаитя агонь! А тамъ некому падавать: усѣ звязаны.

Видя Биляцкій, што народъ митусѣтца ³⁾ вокала вакошикъ, тронулся у двери—ни пускають; тронулся къ вакошкамъ салдаты стаять.

Тада, ухватѣмпи стула, брякъ въ акно, а Ягоръ Михайловичъ сибѣ ходъ прабиваить, стулъ брамши. Какъ Биляцкій у вакошка, салдаты изъ ружей пулами стрелять. А Биляцкій, замѣтивъ, что салдаты изъ пулъ стреляють и что ухадитъ нильзя, давай пускать іонъ изъ ривальвера—пускаить и прачитца за стѣну, и Ягоръ пускаить—и тожа за стѣну. А салдаты састигали усю стѣну.

То када начался стрѣлъ етый, видють люди, што нашива главнакомандующига гаспадина Биляцкаго баруть, здѣлали абаротъ, и, ну, пускать изъ ружій, атбивать яво, Биляцкага, и чуть ли ни атбили—пришлось душна.

Што уже гаспадинъ Винаградывъ, слѣдаватиль, сталъ на калѣни зъ етыва пугу и сказалъ:

— «Чаво мне чортъ сюда принесъ?! Што ета, ну праѣди сказать, ни маѣ дѣла: астанутца маѣ дѣти сиратами».

Ну, спраўникъ, хатя урабѣлъ, ну, должнасть яго была такая: на сябо пинять ни прихадилась. Дагадаля: абаратіу салдатъ, и сказалъ:

¹⁾ У санѣхъ—въ саняхъ.

²⁾ У надѣжи свайго рысака—въ надеждѣ на своего рысака.

³⁾ «Митусѣтца»—«снуеть, волнуется».

— «Пускайте у тую кучу—каторыхъ нибудь пупадите. А яны вотъ, вотъ на насъ наступаютъ. Начали пускать у тую кучу и въ нѣкоторыхъ по цастю пупали, абранили; слышинъ былъ крикъ: — «ахъ, Божа мой, абранили!» Абаратились—и давай утискать. Тада скоро и гаспадинъ Биляцкій—ни стала у яго пороху и заряды—вскрикнули скрозь двери:

— Берите мене теперь!

Тада ниhto ни атважился идить къ яму; сагласились двоа салдатъ упередъ идить: ружья взяли напарёдъ пикама, а третій са свѣчой, и ухадили такъ у вомнату.

Гаспадинъ Биляцкій скрестилъ руки и сказалъ:

— Берите!

— А писталетъ гдѣ?

— Эта ни я стрѣлялъ, а эта вы стріляли—и вамъ показалась, што эта я—эта вамъ стрѣль атдавалъ.

А Ягора Михайлыва нашли на печи за трубою. Удрухъ свизали Биляцкыга, такжа и кучира Ягора Михайлыва, таварыша яго.

Тада аружье нашли—падъ пѣчку пупрятана была; деньги нашли тожа падъ пѣчью, а брошки падъ паломъ.

— Ищитя па стріхамъ!—сказалъ я.

Тада аттуда страсли ложки, бакалы. Ни мытѣмъ, такъ катаннимъ мы усё сваего дабьемся: Биляцкій былъ у нашихъ рукахъ. Спрасили, хто онъ такой:

— Я ишоль дарогыю и ничего не знаю. Я—нипомнющій.

Курить ему давали.

Бымши у тюрмѣ, прасилъ Биляцкій, штобъ яму курить давали:

— Гаспадинъ прокуроръ, курить хочитца! знаитя, гаспадинъ пракуроръ, природа луччи чиноў. Хатя я лишонъ правъ, кроў никада ни лишайтца.

Пазволили курить и ў тюрмѣ. Патребовалъ, штобъ прокуроръ зялѣзы ¹⁾ снялъ:

— Я бъ зялѣзы желалъ аслабанить ²⁾, патаму што яны ни польза.

— Какъ такъ ни польза?! жилатильна вамъ скинуть, папробуйтя!

Ударіў нага абъ нагу, зялѣзы урозъ.

Прокуроръ крикнулъ:

— Служитиля, закувать палуччій Биляцкыва — вы двоа палосьтя ³⁾ зялѣзы!..

¹⁾ Зялѣзы—желѣзы, оковы.

²⁾ «Аслабанить»—снять, осводить.

³⁾ Палосьтя—положите.

Закували; апать ударилъ нага абъ нагу—злѣзы урѳъ ¹⁾).

— Я только совість сваю садиржаю, штобъ изъ тюрмы ни убигать.

Билацкій здѣлалъ падкопы и ушоль, съ сабою увель четырехъ сибирявоў.

Када онъ ушоль, дали тилиграму.

Написалъ Билацкій:

— Испраўника убю съ ривальвера, а Ивки языкъ прочь атрѣжу.

Ка мнѣ пріѣзжалъ ночью часовъ въ пять. Спрашиваетъ у хозяйки:

— Идѣ твой хозяинъ?

— Нѣту! у Смаленьску.

Ни няль вѣры ²⁾: зашоль у другой дворъ. У четвертымъ узнала яво цыганка—ана видала яго у замки, када прихадила навищать сродствинниковъ. Када ана сматрѣла въ него, онъ диржалъ падъ палою ривольвѣръ.

Апать пагразился и мнѣ, и испраўнику:

— Испраўника у доми найду, если ня будить вѣдить; я зъ имъ разберусь въ Смаленски.

Пу пріѣзди сталъ я тада бережень,—сталъ себе абиригать. Сичасъ абаратился назадъ: нада спасти исправника. Пріѣхалъ къ нему, рассказалъ, какъ ка мнѣ въ гости пріѣзжалъ гаспадинъ Билацкій.

— Какъ хто пріѣдить, ваша высокаблагородіе, атчиняйтись ³⁾ съ асматрѣніемъ; и, Божа сахрани, ни аглядѣвшись, сами ни выхадитя.

Исправникъ всё лѣта хадилъ у статекий адѣжи. Разъ слышитъ званокъ: пріѣхалъ гость съ кучирамъ.

Дѣвка выбигаетъ и сичасъ атваряить; картачку Билацкыга ана видѣла—сразу дура и взвизгнула:

— Вы—гаспадинъ Билацкій!

Онъ крутъ — патуль и былъ. Такъ мы съ исправникамъ каждый день всё баялись, пака наканецъ ни паймали Билацкыга у Палтави.

Привязли яго намъ на улику и пасадили яго у зимляную тюрму, тамъ онъ и жистъ пакончилъ.

Билацкій былъ русый или, скарѣй рыжий; глаза, якъ кателки, въ образи валчины на кулаку; ламаносый—носикъ у него былъ раздатливый; паходка—важная: видна, баринъ аднѣй криви ⁴⁾ и съ абразаваніемъ; гаварилъ дужа умно и рачиста—нихто атрячить яму ни умѣлъ: уси статьи, законы,

¹⁾ Урѳъ—вровъ.

²⁾ Ни няль вѣры—не повѣрилъ.

³⁾ Атчиняйтись—отворяйте двери, пускайте въ домъ,

⁴⁾ Аднѣй криви—благородный по происхожденію, отъ родителей знатныхъ происходшій.

вишь ты, харашо зналъ, ня хужи прокурора; якъ разгарячитца, ажнѣ кула-
чикамъ пастукиваютъ. На вакошка тряпицу наложить—и акно вынить бязъ
шуму.

Стрилай въ яго якъ хочишь, ни пупадешъ: заговоръ зналъ ать стрѣлу;
свинецъ яго ни бяретъ. Только аднимъ можна убить яго была—мѣднымъ
гүзикамъ ¹⁾. Да ништо ни дагадался, што ать мѣди-та заговору нѣтъ.

Цыганка похищаетъ крестьянскую дѣвочку.

(Разсказъ Авдотьи Тимофеевой семидесятилѣтней крестьянки съ села Рудни, Ельн. у.).

Старый дѣдъ нашъ гналъ деготь ли печи. И стала дачка, малѣхтинь-
кая дѣвочка, къ яму праситца:

— Мамъ, пайду я къ тѣтки. Идѣ юнѣ?

— А бяги, бяги, мая дѣвачка: юнѣ у равочку дѣгать гонить.

Ну, ина пашла туды. Сустрикѣитца ²⁾ зъ ою цыганъ Иванъ Кривзѣй;
быѣ юнѣ зъ аднымъ вочнымъ. А дѣвычка была на четвертымъ гадочку. Вы-
вилъ юнѣ барѣникъ:

— Гаму, дѣвычка, на табѣ етыхъ бараникъ; хади са мною.

Юнѣ узялъ яе за плечи; ина и рада: барѣникъ далъ—ладна; посадилъ
атзаду у хатѣмку и насѣтъ. Ина, якъ барѣнички зѣбѣтъ, ипать закричѣтъ:

— Гаму, дѣвычка, маўчи: фшь бѣлички, фшь.

Юнѣ яе панѣсѣтъ, да и панѣсѣтъ.

Старуха управиласть:

— Што жѣ ета дяўчоначки нашій што-та нячуть? А ина нѣйди ли
печи дѣда, окыла печи.

Ина справиласть у дварѣ; нада жѣ абѣдъ нестѣ, да узнать, тамъ ли
дѣвачка или нѣтъ.

— Василь, а ти тутъ жа наша Надѣжка?

— Дурѣшка! Якая Надѣжка?!

— Да наша Надѣжка.

— «Я Надѣжки и у вѣчи ни видалъ».

— А, Бажуутухна мой, што ты ета свазалъ! Идѣ мнѣ яе найдѣтъ.

Ина ать яго на дареўню бѣчъ скарѣй, у дятой пытать ³⁾. Тутъ на сваихъ
дѣвыкъ закричала:

¹⁾ Гүзикъ мѣдный—мѣдная пуговица, пришивавпаяся въ старое время къ мужиц-
кимъ рубахамъ.

²⁾ Сустрикѣются—встрѣчаются.

³⁾ Пытать—спрашивать.

— Дѣўки, идѣ Надѣжка?

— А, мамычка моя, а пачомъ мы вѣдаимъ идѣ,—мы думали, што ина ли батька.

— Ахъ, вы с... дочки, бягитя сичасъ—ищитя яе па дярѣўни, идѣ ина дѣлася.

Яны пабѣгли па усей дярѣўни искать, усей сямьей, и туды, и туды: ни нашли дѣўки нйдѣ ¹⁾). Яны у Дямешкини спрашивали, ни зайшла ли нойды ²⁾).

У Равыкахъ тетка была рѣдная,—ти ни съ тѣткью пашла; яны сюды—тутъ яе завалѣ ³⁾ нѣту.

Якъ завѣла ⁴⁾ наша баба, пазагулѣ ⁵⁾ усѣ. Тады што тутъ дѣлать? Ина ти ни залилася? Кто кажитъ:—«нада гаршѣкъ узять: кали у вѣзиря, такъ узнаемъ».

Узяли у парожній гаршѣкъ накатили жару, ладану уклали, пустили гаршѣкъ на вѣзира:

— Гаршѣкъ станить на тымъ мѣсти, кали ана залилася.

Гаршѣкъ къ аднаму боку прибѣтца—атпихнѣт яво а іонѣ усѣ ходитъ па вѣзирю; нѣччу приплыванѣ гаршѣкъ къ бѣригу, а яго ипать аттаўханѣт ⁶⁾—и ходитъ, и ходитъ гаршѣкъ, и нима яму уталѣну ⁷⁾: на вѣзиря ни становитца. Прѣняли гаршѣкъ. Матка гудѣт, вѣить.

Ни было яе, дѣвчыки, тринадцѣтъ надѣль. Ина, матка, плачитъ затварѣмшися, што муцины, батька и сыны два брѣнютца ⁸⁾:

— «Ты яѣ ня вѣрнишь»!

И ходитъ—плачитъ, и сядитъ—вѣить. Приходѣютъ старцы:

— Атчинѣсь, матушка! Чаго ты ета вѣишь?

Ина атчинѣла дѣвери, старцыѣ упустила.

Яны ипать пытѣютъ:

— Чаго ты, матушка, такъ ета плачишь?

— Чаму жѣ мнѣ, батюшка, ни плакать? Прапала у мене дѣлѣчка безъ вѣстей и ни слѣху, и ни пѣслыху ⁹⁾. Бохъ вѣдаитъ, идѣ ана дѣлася.

¹⁾ Нйдѣ—нигдѣ.

²⁾ Нойды—иногда, случайно.

³⁾ Завалѣ нѣту—совершенно нѣту.

⁴⁾ Завѣла—заплакала.

⁵⁾ Пазагулѣ—заплакали.

⁶⁾ Аттаўханѣт—оттолкнуть.

⁷⁾ Уталѣну—спокойствія.

⁸⁾ Брѣнются—бранятся.

⁹⁾ Ни слѣху, ни пѣслыху—нѣтъ вѣстей.

— Ахъ, ты, мая матычка, ти ни ваша ета дѣвчыка?!.. Мы табѣ яе укажымъ—ажно за Хаславичами, у Горкахъ, вѣреть дивяноста за Хаславичами у Горкахъ цыганка іость, дятѣй у яе съ ѓтраду не была, а таперъ, какъ мы зашли къ ей, выскачила къ намъ дѣвчыка съ падушикъ. Цыганы якъ закричатъ:—ни камай, ни камай!—Дѣвчыка знѡву ¹⁾ накрылась падушками. Икая твая дѣвчыка?

— А такая—чѣрнянькая, даўганѡсая, курчавая, на лицо тьмѡна.

— Ну, ну! ина, ина—ина и будить.

Давай тады матка тыхъ хадякъ съ Польци прасить:

— Идита назадъ, выслідствуйтя ²⁾ у сасѣдїу, ти свая ина, ти прираждѣнная ³⁾!—Тамъ все распрасили и пришоўши хадяки кажуть:

— Дѣвчыку цыганъ принѣсь.

Тады яны къ управитилю, у кантору. Управитель сичасъ къ становому, за станавымъ забрали судей:

Кажуть матки уси:

— Гляди, ти твья!

— Да, Бохъ жа яе вѣдаить! сказали мнѣ... къ чужей ни признаюсь...

Узяли примѣты: платочикъ яе, ложичку яе. Призжають туды; стана-вѣй, управитель пазабрали судей. Входятъ яны къ цыганамъ, у горницу.

— Здрастуйтя вамъ!

— Здрастуйтя, батыньки, здрастуйтя, милы!

— А ти іость у васъ дѣти?

— «Гаму, батыньки мои, ни зъ роду ни радила—у мяне дятѣй нѣтутї.

А стариць шпартнїль ⁴⁾ Антону управитилю:

— Вы у падушкахъ паящита—ана у падушкахъ ляжить.

(А ина духъ утайла—ни приказали выхадить, пакинули ей тольки щелачку дѣхатъ). Антонъ падашоль къ становому, патиснулъ за руку:

— Атерый падушки!

Станавѣй якъ стау пухавики рыть, ина мордачку сваю вытарнула, якъ дѣти играютъ у пухоўки.

Цыганка спужалась.

— Гаму, батынька, мы смяемся; гаму, ета—наша родная, дитеныкъ,— ета—наша родная!..

Станавѣй гукать матку:—старухъ, пади сюда!

¹⁾ Знѡву—снова.

²⁾ Выслідствуйтя—дознайте.

³⁾ Прираждѣнная—прирожденная.

⁴⁾ Шпартнїль—шепнулъ.

— Баринъ, пагадитя: я примѣты дамъ. Кали мая дакъ ина пайдеть ка мнѣ.

Ина сичасъ зъ-за пазухи платочикъ:

— Надѣжка, пагляди, чей платочекъ.

— Мой, мой!..

— А, батюшки, мая дѣвачка!

(Дѣвочка узила платочекъ). Падбигаить цыганка, дѣрхъ зъ рукъ дѣвочки платочекъ; дѣвачка и скипѣла:

— Мой, мой!

Тады матка:

— Якъ вамъ угодна, ета мая дѣвачка

Вашоу старикъ, батька яе:

— Надежка, Надежка, ти признаешь ты свайго тату?

— Татъ, татъ!..

А цыганка впилаь у Надежку руками и ни выпускаить яе. Увайшоль большій братъ Надежинъ:

— Надежка сястрица!

Сичасъ цапъ яго за шню:

— Братъ мой!

Цыганка за дѣвычку у драку съ Надежинымъ братымъ. Станавѣй гаворить:

— Атыиди, дрянъ, свинья: чужога дитенка къ сабѣ ни привѣрнишь; пречъ, прочъ—а то въ уха брѣзну!..

А цыганка завалилаь абъ землю и гудеть:

— Гаму, ета мая рѣдная! Соўника мае, рѣдныѣ маѣ, золыта маѣ! отняли у мене дѣчерку маю ¹⁾!

Разсердившись гаварить:

— Кали идѣ найду, такъ стану на адну нагу, и раздяру!..

Станавѣй гаворить:

— «Ну, пайдѣмте. Нярушь паказить усимъ у дварѣ, каму икая ²⁾ ложка. Пусть ложки параздасть и усихъ людей пупризнать»...

Паказали ей перва, на перва вукылву—абрадалалась дужа ей точно радному; вричить:—мая, мая!

Паставили пирадъ ней миску и падали ложки; ина сичасъ давай разбирать ³⁾ ложки и власть пу мистахъ:—«маткина ложка, ета—таткина ложка»...

¹⁾ Дѣчерку мою, цыг.—крестыинск. дачку маю.

²⁾ Икая ложка—какая ложка.

³⁾ По крестьянскому обычаю. у каждаго члена семьи бываетъ своя ложка.

Станавэй тотъ и глядять. Тада паклала брата радныга ложку:

— Эта Матвѣева ложка, а эта Улькина ложка, эта Марьи нашей ложка, эта Гапкина ложка...

Ну падала усимъ людямъ ложки. Дѣла акончилась бизъ усяныга сумлѣнія. Тольки прирмянилась, дужа прирмянилась Надѣжка. Стала дужа диклѣва: стала хуватца атъ людей. Астанитца зъ маткью, матка хату тапить,— займѣтца и другими дѣлами.

— Надѣжка, Надѣжка!..

А Надѣжка падлѣзить падъ пастель, закидайтца трѣпнымъ; а то у кутокъ забярѣтца: ни гляди яе никто.

Прашиѣтца дѣвычка, матка на яе кажить.

— «Надѣжъ, хади я табе памью».

Памѣить, павѣрнитца:

— Давай, Надежъ, я табѣ Богу пумалю...

А Надѣжки ужъ и слѣдъ и прастыль. У ихъ возира нидалѣча—матку страхъ бярець, ходить вокыла озира и гувѣить:

— Надѣжъ, Надѣжъ!

Гдѣ жъ Надежка? У дварѣ, у дровы схувалась.

— Засяку, с... дачка! идѣ ты диваисѣтя!?

Грозить матка и дужа грозить баитца, кабѣ саѣсѣмъ ни ўвашла. Пайдуть бабы у поля жать и съ сабою Надѣжку вазьмутъ. Ина напарѣдъ па межички пубягить, какъ жѣвараныгъ или чаица паливѣя, да у жита, спрячитца, личика руками закрьить и къ зямли припадетъ. Матка къ ней.

Кричить Надежка:

Ни камѣй, ни камѣй!

Када баитца, усѣ такъ вричить.

Станить матка жать, ипать Надежка якъ сквозь землю провалилась.

Во цыганская выпраўка: ни на минуту ни кидай дѣўки.

Дятей Надежка звала:

— Кумъ, вумъ!

Мала пу малу агѣлталась дѣўка, стала людѣнить; стала людей слухать:

— Ни хувайся, дѣвычка, такъ дрянъ, такъ нихарашо, слова звѣрь дикая...

Распрашивали мы яе часта, якъ яе цыганъ браў—усѣ помнить:

— Несъ мяне дядька съ аднымъ вочкымъ кала стѣпыгъ (обрубы гробовъ кладбища), тиризъ ряку Хмару, тиризъ Дамешкинской ручей, идѣ бабы бялѣ мьють. Панѣзъ у лѣсѣ па раву. Даваль барѣникъ. Якъ паѣмъ я бараникъ—закричу, ипать даѣтъ:—Маўчи, маўчи, дѣвычка! Якъ привѣзъ, нянь-

чуть мяне уси, изрижають, якъ лѣлку, шіють сарафанчики, кормють пирогами, бараньками. Якъ я заплачу, сичась утишають:—Ни плачь, ни плачь, дѣвичка!

Разъ мы пошли на постъ и съ сабою узяли Надежку; падохють къ ей двѣ цыганычки:

— Ты признаешъ ты насъ? ты—наша систра, пайдѣмъ зъ нами.

— Кали бъ вапа систра я былѣ, я была бъ у васъ. Иная я ваша?

— Гаму, ты наша родная!

Тѣщуть яе за рукавъ, завуть съ сабою.

— Идята вы къ чорту. Икая я ваша радная? што вы мяне раднитя?

Бывала, хочишь рассердить Надежку, назави яе цыганкью.

Пица цыганъ.

Пица цыганъ почти та же, что и мужиковъ; однако есть небольшая разница въ способахъ готовли. Цыганы наблюдаютъ, чтобъ въ баранинѣ не было «залѣзочки». Около шиворота и задней лопатки попадаютъ шарики съ орѣховое зерно; такіе шарики цыганы называютъ «залозочками», и еще по своему «паркотина». «Залѣзочки» вырѣзаются потому, что съ ними говядина крѣпкая и воняетъ.

У мужика-де привычка: какъ убьеть барана и начнетъ мыть его, такъ и давай лаптемъ вишки тереть. Рѣдкій мужикъ, зарѣзавши курицу, отрѣжить гузку, зобъ, дюбку (влювъ); отъ мужицкой пици у цыгана «ребра идутъ нарозъ».

Цыганъ передавалъ:

«Разъ меня съ волостнымъ угощаль мужикъ. Зажарилъ курицу, и носъ у курицы цѣлъ, а затронешъ вилкою зобъ, зернята сыплотся—волостной трезожить вилкою курицу около боковъ, а я ѣсть довольно».

Цыганъ щепетилень, — онъ и къ бабѣ деревенской придирается: баба идетъ за водою и будто въ это время ведетъ себя невѣжливо «кхандѣла».

Со вчерашней водою цыганы кушанья не готовятъ; горшки не доливаются.

Яичница мужицкая крѣпкая, такъ что ее ножомъ можно рѣзать, а яичница цыганская жидкая.

Говядину баба перевариваетъ, а цыганъ ѣсть мясо сырцомъ въ соку.

Мужики ѣдятъ грибы недоваренными, а цыганы непременно то переварятъ, то пережарятъ ихъ.

Цыганы пекутъ рака, покамѣтъ онъ «въпикитца», тоже дѣлаютъ и съ рыбою; а мужики, только рыба перестанетъ трепетать, уже считаютъ ее готовою; перестанетъ ракъ копошиться,—довольно его печь.

Цыганки обладаютъ умѣньемъ на скорую руку и довольно хорошо готовить кушанья.

Баба такъ не изготовитъ кашу въ печи, какъ цыганка въ сѣняхъ, въ жарку.

Цыганы любятъ веренину, называютъ ее «хвѣцомъ».

Веренина—крестьянское кушанье; готовится она такъ.

Когда варъ закипитъ бѣлымъ ключемъ, вынимается изъ печи; а между тѣмъ «передъ подлымъ» (передъ пламенемъ) мука поджаривается, пока она «засмѣгнитъ», станетъ красна. Мука сыплется въ варъ и держится въ печкѣ съ полчаса—тогда вынимай ее и ѣшь. Вотъ и веренина. Кто любитъ ее, маслитъ, а кто не любитъ, ѣстъ съ толчеными коноплями, «съ комочками».

Цыганы ѣдятъ веренину съ коровьимъ масломъ; кладутъ въ горшокъ масла фунта три, четыре, пять.

Мужичьи пирожки отличаются отъ цыганскихъ.

Какъ поспѣетъ картофель, мужикъ печетъ пироги «съ картошкой»; около Пречистой ѣдятъ пироги съ «морквой», со сметаной, позже осенью—съ горохомъ, «чучевницей» (чечевицей), а то дѣлаютъ пироги съ гороховыхъ блиновъ, изрубивъ для начинки блины на мелкіе части.

Цыганы пекутъ небольшіе пирожки съ яйцами и творожкомъ и называютъ ихъ жирѣги.

Пищу цыганы солятъ несравненно болѣе, нежели мужики.

Цыганъ хвалится, что ѣстъ вкуснѣе мужика:

«У насъ будѣнный день лучши вашего праздника».

«Филиппыѣцъ лучши вашего мисаѣда; якъ рѣпу, дупимъ гавадину.»

«Мы ни на вашиму: ня будимъ дожидать жорына у годъ, а дорага синичка у ротъ».

Только сада не всегда хватаетъ:

— «Якъ былъ бы я цѣримъ, ѣлъ бы я сада, салымъ на саду и саламъ ба памазау».

Когда не удастся вража цыгану, голодастъ и онъ, надъ чѣмъ въ свою очередь смѣется мужикъ:

— «Цыганъ—палавѣй дварянивъ, цыганъ ни паганъ, только тѣда закаптѣла; въ середу лягушку зѣѣлъ».

Цыганская одежда.

Цыганка завязывает платокъ иначе, нежели крестьянка: подвязываетъ платкомъ санки челюстей; платокъ завязывается не гладко, а отзади виситъ «словно кукишекъ», а спереди висятъ словно крылья; платокъ лежитъ кругомъ головы, словно у жидовки.

Сарафаны цыганки носятъ съ коймами, пестрые.

Цыганы ходятъ въ пальтишкахъ и сапогахъ, какъ дворовые люди. По примѣру послѣднихъ, они любятъ сапоги съ гармоникой, съ морщинами или обручами. Пояса у цыганъ хорошіе. Чехоль на конѣ льняной, хорошій. Вожжи дѣлаются изъ тесемъ; на подпругахъ тоже тесемы.

Тесемы врадуются у мужиковъ; заготовляются онѣ мужиками для ношенія въ праздничные дни, а у мужиковъ вожди веревчатая, пеньковая.

Лѣто и зиму цыганъ въ шарфахъ ходитъ; дѣтишки и тѣ носятъ шарфы.

Шубы шьются, какъ у дворовыхъ людей. Мужичья шуба шьется на вилочкахъ, съ выемкой на спинѣ, а у цыганскихъ шубъ только сзади рубецъ.

У мужика шуба вшивается въ тѣло; а у цыгана оттопыривается.

Цыганская присяга.

(Записано отъ Киселевскаго цыгана Ивви, шестидесятилѣтняго старика. Цыганская присяга, описанная мною, совершается и теперь).

Цыганы вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ клянутся, что опредѣленное время въ извѣстномъ округѣ воровать не будутъ.

— «Цыганская присяга дѣлается вотъ какъ: пиридъ вобразымъ западимъ свѣчку; образъ одинъ поставимъ на сталѣ; поставимъ ведро пустоя, ка черьгу зелѣзную, гнутую. Тутъ же эта все на сталѣ стоять.

Тада цыганъ беретъ сына, дѣвчонку или мальчика, и становится юнъ на калѣняхъ и придъ сабою ребенка етыва становить, и мальчикъ тожа на калѣняхъ стоять и падыманть руки кверху.

И произносить цыганъ тья слова:

— «Если я ни сполню клятвы, то ни видать мнѣ свайго ребенка, ка-
торый мнѣ дарожѣй усяго, и пахаранить мнѣ его, и лишиться мнѣ его, если я ни исполню клятвы.

Какъ эта вадро пуста, то запустѣй домъ мой, и выпусти мужиства мае, и скорчи мне такъ, какъ эта качирьга, и прапади я на три тарары».

Со слизами клянутся:

— «Што я ни пахичу сына сваяго, а сынъ должонъ отца ни пахитить (сынъ должонъ отца выдать, а отецъ должонъ сына выдать).

Съ кавей страны выйдить ни ўправидливости или съ атцовскій или съ сыннїй или мизъ друзья ¹⁾, што ни наестъ пахититца, должонъ тады выдать уси, уси устрянуть.

Абращаитца адна вратная присяга на усѣхъ, што каждый ни пада-ражить сваймъ близкимъ раднымъ.

Нѣтъ силъ измѣнять егый присяги; затымъ тольки яе дѣлають на три гады. Атець плачить и мальчикъ плачить, душа замираить; если хто будить стаять, заплачить тѣй, и пайдеть.

Мужикъ енагда клянетца, а другоя думайть, а тутъ схитрить нидзя у виду свайго ребенка.

В. Добровольскій.

Не скоро.

Ай да са-ры свѣ - ты _____ свѣ-ты вы-чїй ом-мѣ ой да ма-ко

сва - то _____ сва-то за-чїй ом-мѣ ой да тѣ спа - си-бо _____

я - да-лѣ сва - то-скѣ Ай да соў по - ря - дки-ци лы - жі - я.

¹⁾ Мизъ друзья, цыг.—мужикъ. мизъ друзьѣу.

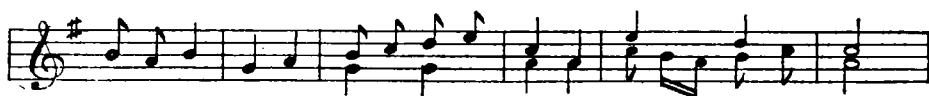
Умѣренно.

Бѣ - жа - ла тѣр-нѣль дѣв - чон — ка да-рож -

кой ли тѣр - нѣ да стѣл - - бо - жьвой Го —

ло - - сомъ тер - нѣ ври - ча-ла кри - - ча - ла,

Ай го — ло — су да не слы - хать.

Ту чай - о - ри да го - - жень-ко да по - хо - дѣи по

мод-нень-ко Ихъ та да ли-ли-ли да ти - - ли - ли

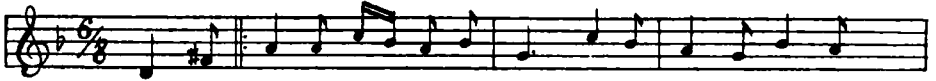

да по-хо - дѣи-по да мод-нень-ко

оуаіа.

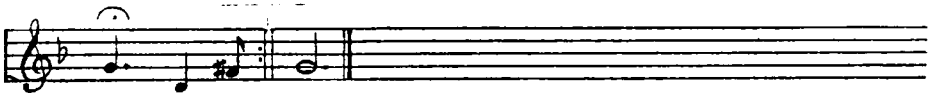
Умѣренно.

Ты зи - ма ми - ри — зи - ма ты зи - ма ми - ри зи -

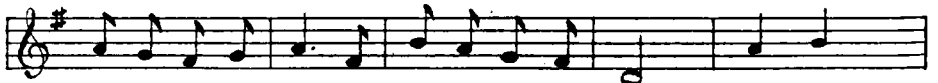
ма тѣ змра - яя вѣр - днѣ нѣ нѣ - э ту - - -

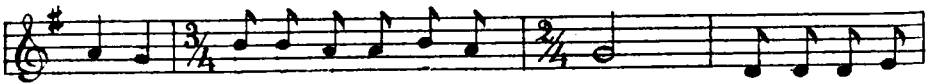
Allegretto.

Бі - ян - дя ман - тѣ - нѣ - э - дай та ни дѣй - я мѣн - ге да

до - - - ой да ма - нге - дой Бі - ян —

да э да и та ни да - ла дой Бі - ян - дя же —

- ля дой тѣ - на - да - я - ли дой.

О происхожденіи Псково-Печерскихъ полу- вѣрцевъ.

Прямыхъ историческихъ указаній о происхожденіи Псково-Печерскихъ полувѣрцевъ не имѣется; даже не встрѣчается въ актахъ упоминанія слова «полувѣрцы». Поэтому приходится судить объ ихъ происхожденіи лишь на основаніи косвенныхъ данныхъ. Таковыя данныя можно найти въ актахъ Псково-Печерскаго монастыря. Они заключаются въ прозвищахъ, именахъ и народности части жителей Псково-Печерскаго края въ XVI и XVII вв.

Высказанное мною ранѣе (см. «Живую Старину» г. I, кн. I) мнѣніе объ исконности всѣхъ полувѣрцевъ въ Псково-Печерскомъ краѣ не имѣетъ достаточныхъ основаній. Рѣзкая разница между мѣстными географическими названіями Псковскаго и Варроскаго уѣздовъ свидѣтельствуетъ объ исконной разности народностей этихъ уѣздовъ, а искаженныя русскія названія полувѣрческихъ деревень или переводы русскихъ названій полувѣрцами убѣдительно подтверждаютъ предположеніе о позднѣйшемъ переселеніи ихъ сюда. Остается, слѣдовательно, рѣшить вопросъ о времени ихъ переселенія. Насколько приблизительно извѣстно, названія важнѣйшихъ центровъ даннаго района нынѣ тѣ же, что были въ IX в., когда въ Изборскѣ княжилъ Труворъ.

Начиная съ историческихъ временъ, мы не имѣемъ основаній предполагать переселеніе изъ Лифляндіи въ Псковское княжество до потери эстонцами самостоятельности и окончательнаго порабощенія ихъ въ XIV в. Эстонцамъ вѣроятно было не менѣе привольно жить на своей прадѣдовской землѣ, чѣмъ русскимъ въ Псковскомъ княжествѣ при вѣчевомъ управленіи въ Шорховѣ. Да и самая граница между эстами и русскими рѣка Пивжа оставалась неизмѣнною, начиная съ IX вѣка впредь до нашихъ дней. Къ западу отъ р. Пивжи простиралась древняя область Эстонцевъ Ужунія, которая уже въ XII в. граничила съ Псковскою областью. Католическая миссія въ началѣ XIII в.

простиралась именно до р. Пивжи «in Walgatabalwe versus Plesecowe. гдѣ «in extremis villulis illis» въ 1221 г. завершилъ крещеніе угаунскихъ эстовъ католическій священникъ Генрихъ Латышскій Chronicon Heinr. XXIV 6). Название Walgatabalwe не встрѣчается болѣе въ лифляндской исторіи, но въ грамотѣ Іоанна Грознаго въ 1561 г. между дер. Ласва и дер. Тапино, нынѣ им. Laswa и дер. Tobbina въ Нейгаузенскомъ приходѣ) въ уѣздѣ (Новаго Городка упоминается рядомъ нѣсколько деревень и пустошей подъ именемъ Вакопаль, которое несомнѣнно тождественно съ названіемъ Walgatabalwe XIII в. (т. е. др. Walgada palu Бѣлый боръ). Переселеніе изъ Лифляндіи за Пивжу могло начаться только со времени порабощенія Эстовъ въ XIV в., когда они оказались въ худшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ ихъ сосѣди русскіе. И дѣйствительно въ XV—XVI в.в. бѣгство изъ Лифляндіи туземцевъ на Русь и вообще въ сосѣднія страны приняло столь большіе размѣры, что лифляндскіе господа были вынуждены образовать союзы для ловли бѣглецовъ и наказывать пойманныхъ бѣглецовъ отсѣченіемъ ноги. Хотя намъ неизвѣстны переговоры между лифляндскими господами и псковскими князьями и Москвою о выдачѣ бѣглецовъ, но это не подрываетъ правильнаго предположенія о бѣгствѣ эстовъ, между прочимъ въ Псковскія владѣнія. Какъ кажется, такіе переговоры и не имѣли за собою юридической основы въ международныхъ возрѣніяхъ того времени, ибо въ то время главнымъ предметомъ международныхъ столкновеній служила прежде всего земля, а жители разсматривались, какъ случайная принадлежность земли.

Въ Псковской лѣтописи два раза (подъ 1447 и 1459 г.г.) упоминаются близъ Новгородка Эстонцы на Псковской землѣ, но они повидимому были здѣсь недавними пришельцами, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ были казнены Псковичами («а 7 чюхновъ повѣсиша, изывавше на своей землѣ на обидномъ мѣстѣ», «Чюдь на Ражкинѣ повѣсиша»). Но въ XVI в. мы имѣемъ прямыя свѣдѣнія о поселеніяхъ эстонцевъ на Псковской землѣ, именно во владѣніяхъ Псково-Печерскаго монастыря. По всему можно думать, что поселеніе здѣсь лифляндскихъ бѣглецовъ въ большихъ массахъ совершилось во время Псково-Печерскаго игумена Корнилія (1529—1570). Это былъ человѣкъ необычайнаго ума и энергіи. Онъ началъ съ того, что выпрашивалъ себѣ отъ Московскихъ великихъ князей пустопорожнія земли у нѣмецкаго рубежа и заселялъ ими пришлый людъ. Такъ въ одной грамотѣ 1539 г. говорится, что игумень Корнилій «получилъ лѣсу на три версты отъ нѣмецкаго рубежа». Въ грамотѣ Івана Васильевича Грознаго отъ 1558 года перечисляются въ Изборскомъ уѣздѣ Пашковской губѣ принадлежащія Псково-Печерскому монастырю деревни, причемъ въ дер. Гривахъ за Лидовскимъ

или Бобровскимъ дворомъ упоминаются дв. Андрейко Латышъ, въ деревнѣ на Красной Дубровкѣ дв. Демидко Кровко (?), въ деревнѣ Пантелѣево дв. Гришка Молоновъ (? Латышъ), въ дер. Люлино дв. Степанко Кохсоновъ (? нерусскій). Всѣхъ деревень въ этой губѣ описано пять, дворовъ пять, людей въ нихъ пять человекъ, пашни 28 четвертей въ одномъ полѣ, а въ двухъ поляхъ столько же; сѣна 90 копенъ, рогачей 5, вытей 3 безъ 1½ четверти пашни: «а ставилъ тѣ деревни Псково-Печерскій игуменъ Корнилій на черномъ лѣсу послѣ писцовъ въ л. 1541». Какъ узнаемъ отсюда-же, поселенцы платили Корнилію изъ всякаго хлѣба и изъ мелкаго обилья четверть или вм. четверти по 1½ деньги псковскихъ съ рогача. Ставилъ эти починки Корнилій на черномъ лѣсу отъ нѣмецкаго рубежа по царевѣ и великаго князя грамотѣ (отъ 1549 г.). Завоеванія, сдѣланныя Иоанномъ Грознымъ въ Ливоніи, дали игумену Корнилію поводъ простереть свою миссіонерскую дѣятельность на зарубежныхъ Эстовъ. Изъ грамоты Иоанна Грознаго отъ 1561 г. мы получаемъ подробныя свѣдѣнія о земельныхъ владѣніяхъ, приобрѣтенныхъ Псково-Печерскимъ монастыремъ въ уѣздѣ Новаго Городка (обним. нынѣ Нейгаузенскій приходъ). Въ ней перечисляются слѣдующія деревни: Кохова (нынѣ село Кохово въ слоб. вол. Колпин. прих.); здѣсь упом. дворы: Михаль Карамы, Якушка Петровъ, Лопатка Ѳомиинъ, Лаврецъ Мартыновъ, братья Янъка да Ондрюшка же Ганусъ, Гришка да Олешко, Ивашко Михалевъ. Нынѣ деревня эта расселена полувѣрцами—переселенцами изъ оз. Керкюла (въ Лифляндіи). Дер. Большая Вайгужицы (нынѣ у Эстовъ Suug Sooküla); въ ней дв. Янко Говнуховъ, Андрейко Индриковъ, Севастейко Яковлевъ, Миусъ, Янка да Минка, Пѣль. Дер. Меньшія Вайгужицы (Эст. Weike Sooküla); въ ней дв. Анско Курдѣевъ, Гансъ Кобеневъ. У оз. Вайгужиць дв. непашенный, а въ немъ чухно Павелко Андрусовъ. Дер. Ласва (нынѣ им. Laswa, эст. Laswamois), въ ней дв. Юрикъ Яневъ сынъ, вардей, а порусски староста. Дер. Чиковерь на Керепецкомъ рубежѣ (нын. им. Kiguprâ, Kiregâ въ Пылвескомъ прих.). Дер. Левикелъ (нынѣ дер. Laweküla въ Пылвескомъ прих.) на р. Выбовѣ (Эст. Woo). Пуст. Валкопалъ: здѣсь живетъ чухно Викѣчко; рядомъ упоминаются нѣсколько деревень и пустошей подъ этимъ названіемъ (см. впереди). Дер. Тапино (нынѣ дер. Tobina въ Нейгаузенскомъ приходѣ); здѣсь чухонскіе дворы: напр. Актъ, Кавасъ, Янусъ и и др. Дер. Хатузица (упом. шесть разъ; ? нынѣ дер. Kutta въ Нейгаузен. прих.); въ ней дворы: Юрикъ, Рейнъ, Ганусъ, Ханъ Куровъ сынъ); пустошь Хатузицы упом. три раза. Волостка Микижицы, а въ ней деревни и пустоши; было девять дворовъ да сожжены, теперь селятся вновь; дв. Русакъ, Иванко Ѳедотовъ, чухно Кучикъ Клаусовъ сынъ, Андрюшка Михайловъ сынъ.

чухно Мишанка Петровъ. Деревня Мегузица (нынѣ заселена полувѣрцами, Паник. волс. Таиловскаго прихода) расположена у Ливонской границы близъ Новгородка (Нейгаузена). По берегу Пимжи отъ Новгородка жили чухонцы въ трехъ дворахъ, но у нихъ «отнялъ нѣмчинъ Нового Городка Юрьи Просвинъ земли». Волостка Паниторская (искаж.), а въ ней деревни и пустоши были бискупли. Дер. Паниковичи (? искаж. врядъ-ли тожеств. съ нынѣш. с. Паниковичи Псков. у.); въ ней дв. Як. Петровъ, Яковъ Хинтуевъ сынъ, Тамачъ Клаусовъ, Гансъ Гонкривовъ, Мартъ Гонтуевъ сынъ, Миусъ Пяртвѣевъ, Ганусъ Якушевъ. Волостка Огіяръ (нынѣ эст. Nagijerwe); въ ней Андрусъ, Тенюсъ, Томасъ, Гантъ, Янъ, Юригъ, Ганусъ, Мамусъ. Сельцо Сева, принадлежало Новгородскому мызнику Салумъ Рейну; по заявленію Рейна, здѣсь чухонцевъ не стало до взятія Нового Городка (выселились куда?). Дер. Ягроша на р. Ягромъ (? искаж.); въ ней дв. Мартъ Яновъ сынъ, дѣти Мартышко да Юшко. Деревня (?) въ верховьѣ Пивжи; въ ней дв. Хансъ Харусовъ сынъ. Дер. Гестъкюла (? нынѣш. им. Косе), упоминается разовъ 11; въ ней дв. Халщуй приходець, пустошь Гестъкюла; въ ней дв. Гансъ приходець, Пертемизъ Ребезовъ. Волостка Кизіярвъ (нынѣ м. Kisijerw отъ Кенгаузена къ юго-западу верстъ 12; въ ней дв. Панъ Хантуевъ сынъ. Дер. Пупгала (? нынѣ оз. Pügula); въ ней дворъ съ чухонскими христіанскими именами. Волостка Вярена (искаж.) и Ковло (нынѣ д. Kevla)—деревни епископскія; въ дер. Кевло дв. Янъ Нагаевъ, Юригъ приходець, Генъ мызниковъ сынъ, Томасъ Каласовъ, Генъ Колевъ, Томасъ Вилильевъ, Мартъ Андрусовъ, Сантуй приходець, Павелко Петрушкинъ сынъ; дер. Вярена нахалъ наѣздомъ Андрусъ Авеівъ сынъ, а живетъ въ Сенегелли (? у оз. Пугула д. Сяксаль), а впередъ ему идти на ту деревню жить. Деревня мызника Иескиля (? гдѣ); здѣсь до войны жилъ корчмитъ Новгородскаго князя, а нынѣ чухна Микуй Индриковъ. Ко всѣмъ деревнямъ этой волости приписано пашеннаго на 100 десятинъ, да не пашеннаго лѣсу, хоромнаго и дровянаго, отъ Албскаго рубежа (р. Albuksne въ Маріенбургскомъ прих.) отъ Вая оз. (нынѣ Вайдау) въ длину по Гайскуй (?) ручей на 10 верстъ, а поперекъ отъ Пупгальской земли отъ Телья (?) ручья по Колью (?) ручей по Гайску (?) земле на 5 верстъ. Волостка Гани (эст. Naanja въ Раунскомъ прих.), принадлежала Юрьевскому епископу. Пустошь Гани; въ ней жилъ Папка Лакуевъ сынъ; нашетъ наѣздомъ Панъ Желавкуевъ сынъ; живетъ въ дер. Гани у Якуна Пѣлова въ бобыляхъ, а впредъ ему тамъ жить. Пустошь Гани; здѣсь живалъ Тилькъ Игаловъ сынъ. Дер. Гани, въ ней дв. Леминъ Гендриковъ. Дер. Ара принадлежала епископу Юрьевскому; дворы стоятъ порознь; дв. староста Петръ Анусовъ, Клаусъ, Иитовъ, Ранусевъ, Павелъ Гимякъ, Томасъ

Меневъ, Теневъ, Титъ, Михкель Лемецовъ, Пѣпъ Иголевъ, Павель Леми-
ковъ. Мыза Кончура (? Хинджа); въ ней дв. Чюхновъ; во дворѣ Клаусъ
Пѣповъ. Дер. Парыгель (?), дворы стоятъ порознь; во дворѣ староста. Дер.
Кюне (? эст. Hinniala) по обѣимъ сторонамъ р. Кюне, дворы стоятъ порознь.
Мыза Рожина (? Рауза), дер. Варете, Кучъ (эст. Kutsa) нар. Мустовери (?);
здѣсь староста; дер. Расти (?) во дв. староста; дер. Сокоръ во дв. староста;
дер. Колбасъ (?).

Разсматривая вышеприведенныя личныя имена съ точки зрѣнія ихъ на-
родности и вѣроисповѣдности, слѣдуетъ заключить, что большая часть ихъ
принадлежитъ католикамъ-эстамъ (напр., Ганусъ, Гансъ, Ганско, Анско, Андру-
совъ, Антъ, Индриковъ (Гонкриковъ), Гантуевъ (Хантуевъ), Юриевъ, Янъ
(Яневъ), Клаусъ (Клаусовъ), Ягъ, Томасъ, Цяртлѣевъ, Матусъ, Юшко, Ми-
куй, Ялубъ, Теневъ—имена, которыя встрѣчаются и въ ливонскихъ актахъ,
употребляются и понынѣ). Въ числѣ приведенныхъ названій есть и прозвища
или имена, которыя несомнѣнно древнѣе христіанскихъ именъ и представляютъ
собой наслѣдіе язычества, таковы: Курдѣевъ (=эст. kurjt — глухой; Кебо-
левъ = эст. kipel, küwel = чепель; Миузъ (Меузъ) = эст. meus—вахирь; Нагаевъ =
эст. paga-втулка; Каласовъ = эст. kallas—берегъ; Лемиковъ = эст. lemmik—
павля или lemmik(as)—костяника; Авивъ = эст. havi—щука; Коловъ = эст.
kolj—пугало или kole—страшный; Иголевъ = эст. igaline (salane)—пожилой;
Кучикъ = эст. kutsik—щенокъ; Гимякъ = эст. imäk—мачиха; Сантуй—эст.
sanjt—вищій; Меневъ = эст. monu—значение, вліяніе, Хинтуевъ и др. Изъ
факта существованія подобныхъ прозвищъ вмѣсто христ. личныхъ именъ нельзя,
однако, еще заключить, что носители ихъ въ самомъ дѣлѣ не были вренсны.
Затѣмъ изъ ряда другихъ именъ, которыя мною были большею частью про-
пущены при копированіи акта, остается заключить, что они несомнѣнно при-
надлежали липамъ православнаго исповѣданія, таковы, напр., Гришка, Федо-
товъ, Иванко, Иванко, Ондрушко, Олешко и т. п. Такія имена не были
въ употребленіи у эстовъ въ католическія времена, а равно и послѣ рефор-
маціи до нашихъ дней, слѣд. приходится думать, что они были даны пра-
вославными священниками и что носители ихъ исповѣдывали православную
вѣру; что же касается до ихъ національности, то этотъ вопросъ остается от-
крытымъ; они могли быть и эстонцами и русскими. Что Песово-Печерскій
игуменъ Корнилій, вскорѣ по прибрѣтеніи земель, отчасти принадлежавшихъ
Юрьевскому католическому, а потомъ лютеранскому епископу, обратилъ въ пра-
вославную вѣру населявшихъ ихъ эстовъ, это подтверждается другими доку-
ментами. Такъ въ тропарѣ, составленномъ въ честь Корнилія, онъ именуется
сообщникомъ апостоламъ, такъ какъ онъ привелъ «люди иноязычныя Чюдъ

въ свѣту богоразумія ученіемъ и крещеніемъ въ славу Богу», а въ лѣтописи Псково-Печерскаго монастыря (стр. 13 лист. 20) о Корниліи прямо говорится: «и люди Новаго Городка Ливонскаго Чюдъ зовома научи и просвѣти ихъ святымъ крещеніемъ; церкви постави на Агиревѣ (нынѣ Nagujerw) святую и животворящую Троицу, а на Толинѣ (нынѣ Tobina) еже по плоти Рождество Христово, и пресвитеры и клирики устрои». Установившіяся при жизни Корниліи узы зарубезныхъ эстовъ съ Псково-Печерскимъ монастыремъ, видимо, не прекратились со смертію Корнилія (въ 1570 г.), когда, по выраженію лѣтописца, онъ «отъ тлѣннаго сего житія земнымъ царемъ предпосланъ къ небесному царю во вѣчное жилище». Какъ извѣстно, Іоаннъ Грозный заподозрѣлъ Корнилія, построившаго кругомъ монастыря крѣпкія стѣны, въ измѣнѣ и собственноручно отсѣкъ ему голову, когда Корнилія вышелъ за монастырскую ограду встрѣчать грознаго царя въ 1570 г. По крайней мѣрѣ въ 1681 г. изъ грамоты Ѳедора Алексѣевича узнаемъ, что у монастыря были за рубежемъ крестьяне и бобыли, которые привозили товары продавать въ Печерскій монастырь на посадѣ и даже во Псковѣ. По всей вѣроятности, по заключеніи мира между Россіей и Польшей въ 1581 г., не всѣ владѣнія монастыря отошли назадъ къ Польшѣ, и за монастыремъ могли остаться тѣ земли, наслѣдники которыхъ вымерли, а жители эстонцы были обращены въ православную вѣру. Что русское правительство того времени придавало большое значеніе вопросу о вѣрѣ, видно изъ того, что при Запольскихъ переговорахъ Русскіе упорно отстаивали Юрьевъ, «такъ какъ они ввели здѣсь свою религію и учредили епископію» (Гадебушъ). Таковы скудныя свѣдѣнія объ отношеніи зарубезныхъ эстовъ къ Псково-Печерскому монастырю въ XVI в. Если мы, кромѣ того, примемъ во вниманіе то отеческое попеченіе, которое монастырь всегда проявлялъ по отношеніи къ своимъ крестьянамъ, ходатайствуя за нихъ передъ Московскими Великими Князьями и выпрашивая для нихъ различныя привилегіи какъ въ отношеніи подсудности монастырю, такъ и въ отношеніи государевыхъ повинностей (въ архивѣ монастыря хранится нѣсколько грамотъ съ перечисленіями разныхъ облегченій и привилегій для монастырскихъ людей), то будетъ вполне естественно тяготѣніе зарубезныхъ эстовъ къ монастырю, подъ защитой котораго имъ было бы гораздо легче, чѣмъ въ тяжелой ливонской неволѣ, каковой, по мнѣнію короля Стефана Баторія, не было во всемъ мірѣ, даже у язычниковъ и варваровъ.

Обратимся теперь къ даннымъ, относящимся до владѣній монастыря въ исконно русской области. Во время войны Іоанна Грознаго со Стефаномъ Баторіемъ, множество деревень Псково-Печерскаго монастыря заустѣли, «отъ Государевыхъ падежей и отъ Божія повѣтрія, отъ мору, а иныя дере-

вни запусѣли отъ хлѣбнаго недороду до королевскаго приходу лѣтъ за десять, и за пятнадцать и за двадцать и больше», Поэтому монастырь билъ челомъ великому князю Ѳеодору Ивановичу, который въ 1587 году пожаловалъ монастырю множество пустыхъ деревень на льготу на пятнадцать лѣтъ съ тѣмъ, чтобы въ эти года «были построены зданія и распахана пашня, поля огорожены и пожни расчищены и крестьяне посажены жить». Намъ извѣстны деревни въ Псково-Печерскомъ краѣ, въ которыхъ живутъ въ настоящее время полувѣрцы. По актамъ мы находимъ въ нихъ чухонцевъ и лѣтъ 250 тому назадъ, слѣдовательно мы въ правѣ признавать нынѣшнихъ полувѣрцевъ отчасти потомками чухонцевъ, жившихъ въ нихъ лѣтъ 250 тому назадъ. По грамотѣ Михаила Ѳеодоровича 1637 г. въ дер. Свинской (нынѣ Свинска, полувѣрч.) упоминается крестьянинъ Точка (у эстовъ Toots) Яковлевъ съ женою и дѣтьми, Рейнка (у эстовъ Rein) и Кязь (эст. Käsĵ (Kösj)—кашель, кардикъ). По писцовой книгѣ 1624—1627 гг. въ ней жилъ крестьянинъ Точка Индриковъ. По той же книгѣ въ дер. Веребково (нынѣ полувѣрч.) жили чухны: Папко (эст. раар, раар.-попъ) Яковлевъ да пасынокъ его Кузешка. Подробныя свѣдѣнія о деревняхъ Печерскаго монастыря и составѣ ихъ населенія мы можемъ черпать изъ Переписной книги Печерскаго монастыря веларя старца Гурія 1652 года. Ниже будутъ перечислены всѣ деревни, въ числѣ жильцовъ которыхъ упоминаются чухны. Подъ Печерскимъ монастыремъ на посадѣ въ слободахъ въ числѣ 134 жилацкихъ людей упоминается дворъ Петригъ чухно; здѣсь повидимому въ то время жилъ по преимуществу пришлый народъ, ибо приходятся имена съ прозвищами, напр., Замара, Порокъ, Рыбоникъ, Кузнецъ, Грико, Кривой, Обозерецъ, Розшиби Шапка и т. п. Въ приказѣ горнемъ Печерскому монастырю принадлежали слѣдующія деревни, въ которыхъ жили чухны: Кокотово (неизв.) въ ней дв. Андрейко Чухно; Чальцово (полув.)—въ ней дв. Пешко Чухно; Медково (Медово русс.)—въ ней дв. Калуско Чухно, Воробьево (полув.)—въ ней дв. Сенька Ганевъ; Рябцево (полув.)—въ ней дв. Ѳедотко Чухно; Королихино (русс.)—въ ней дв. Прошко Чухно; Выморково (полув.)—въ ней дв. Калуска Чухно; Декшино (русс.)—въ ней дв. Картко Чухно; Тонищево (полув.)—въ ней дв. Петрикъ Ерьевъ; Остречня (неизв.)—въ ней дв. Андрешка Чухно; Демидово (полув.)—въ ней дв. Никулька Рейновъ и Никулька Кривой; Серково (неизв.)—въ ней дв. Андрешка Меусовъ; Пушково (низв.)—въ ней дв. Янка Чухно. Въ приказѣ Мокролускомъ: Подсадничье (полув.)—въ ней дв. Меуско Чухно, дв. Артемка Чухно; дв. Томашка Чухно; Больино (полув.)—въ ней дв. Ѳедка Стешево (полув.) въ ней дв. Кярсенко Чухно Томасовъ; Жеребцово (полув.)—въ ней дв. Янка Томасовъ, дв. Мартишко

Томасовъ, дв. Андрейко Томасовъ; Горушка (полув.) въ ней дв. Ерикъ Кяретневъ, дв. Петрикъ Чухно; Глвстико (полув.) въ ней дв. Панко Пеповъ; Дяглево (русс.)—въ ней дв. Анско Меусовъ; Авиачице (полув.)—въ ней дв. Михалко Чухно, дв. Тимошка Чухно; Подчеряево (полув.)—въ ней дв. Анско Чухно, дв. Михалка Чухно; Грихвево (полув.)—въ ней дв. Васька Пеповъ, дв. Иванка Пеповъ; Толстопятово (полув.)—въ ней дв. Индрикъ Чухно, дв. Пепко Яковлевъ; Тереховщина (полув.)—дв. Петрикъ Точевъ, дв. Меуско Лукнякъ; Бривушкино (неизв.)—дв. Васька Чухно, дв. Павелко Овеевъ (?); Игвашево (полув.) въ ней дв. Янка Меусовъ, дв. Анско Меусовъ, дв. Индрикъ Петровъ; Барусово (неизв.)—въ ней дв. Киви Чухно, Томаска Лецовъ, дв. Меуско Лецовъ, дв. Михалка Тяткивъ; Новинса (полув.)—въ ней дв. Янка Томасовъ; Шемяковщина (неизв.)—въ ней дв. Янка Чухно, дв. Оомка Миковъ; Маслово (полув.)—дв. Иванко Яковлевъ. Въ приказѣ Кулейскомъ: Подмогиляцы (полув.)—въ ней дв. Пенко Ериковъ; дв. Иванко Ериковъ; Куля (русс.)—въ ней дв. Даска Къповъ; Шешниково (полув.)—въ ней дв. Павелко Кертовъ, дв. Ягупко Ансковъ; Невелина (русс.)—въ ней дв. Петруша Течусовъ (?), дв. Томаско Течусовъ, дв. Михалко Течусовъ (?); Струежъ (неизв.)—въ ней дв. Мартинко Чухно; Лутонешъ (ныкъ Лутобизки, полувѣрч.)—въ ней дв. Иванко Чаневъ; Шертово (неизв.) въ ней бобыль Юмелка. Въ приказѣ Тростянскомъ: Пикатина Гора (полув.) въ ней дв. Ерикъ Сиговъ, дв. Сидорко Ерьевъ, дв. Пешко Лука; Журонова Кадова (полувѣр.)—въ ней дв. Мяртко Якуновъ, дв. Янка Андрешовъ, дв. Папко Никулигъ; Пуховицаны (неизв.)—въ ней дв. Кертко Чухно, дв. Ревико Уликовъ; Слободка (полув.) въ ней дв. Павелко Ооминъ, дв. Анско Ооминъ, дв. Мяртко Ооминъ, дв. Петрикъ Чухно; Рясаво (полув.)—дѣловальникъ чухна (въ платежной кн. 1692 г.); Вержулица (? Вержулица, полув.)—въ ней дв. Евдокимка Гормонъ (?), дв. Ерихъ Чухно, дв. Микъ Чухно, дв. Гришка Чухно; Верхуско (полув.)—въ ней дв. Янка Чухно, дв. Томаско, дв. Афонка Ягуновъ, бобыль Индрикъ Чухно; Загубочье (полув.)—въ ней дв. Иванко Типкивъ; Крешетово (неизв.)—въ ней дв. Микъ Яковлевъ; Дубки (русс.)—въ ней дв. Лашко Небаковъ (?). Лебжица (Любница, русс.)—въ ней дв. Сергѣйко Пудиковъ, дв. Петрикъ Чухно, бобыль Ягушко. Въ приказѣ Паньковскомъ: Терешкино (неизв.)—въ ней дв. Меуско Мяртовъ; Толетиково (неизв.)—въ ней дв. Якушко Чухно; Барканово (полув.)—въ ней дв. Лаврикъ Мартевъ, дв. Точка Павловъ; Губино (русс.)—въ ней дв. Савка Гентовъ; Загорье (полув.)—въ ней дв. Алексѣйко Ериковъ, дв. Самулка Гентовъ; Суколеново (неизв.)—въ ней дв. Ерикъ Мяртевъ. Въ Мятковницкомъ приказѣ: Кислово (полув.)—въ ней дв.

Тихашко Чухно; Мостковичи (полув.)—въ ней дв. (руссіе) Ёмка Раздобра, Силка, Иванко Воропа, Иванко Попко; Мостинець (неизв.)—въ ней дв. Мивъ Яневъ; Вакосары (полув.)—въ ней дв. Томаско Сузикъ; Геневь починокъ (неизв.)—въ немъ дв. Янка Точкинъ, дв. Васка Пуриковъ; Татаринава починокъ (неизв.)—въ немъ дв. Меуско, Геневь; Лелино (Люлино, полув.)—въ ней дв. Бориско Миковъ, Сокинъ; Веселкино (полув.)—въ ней дв. Миковъ, Сокинъ; Логиная Яма (неизв.)—въ ней дв. Петрушка Чухно. Въ Приказѣ Константиновскомъ: Мегузица (полув.)—въ ней дв. Анско Гентовъ, Меуско Титкинъ, Томашко Сарышевъ; Соловьево (полув.)—въ ней дв. Кярсейко Яковлевъ; Свинско (полув.)—въ ней дв. Точка Яковлевъ, дв. Рейнко Точкинъ, бобыли: Явушко, Анско, Ешель, Павелко Прядинъ. Въ Приказѣ Новосельскомъ: Перхово (неизв.)—въ ней дв. Янка Геневь; Хомутниково починокъ (неизв.)—въ ней дв. Рейнковъ, Мяртевь; Кикина Гора (неизв.)—въ ней дв. Ерикъ Михайловъ; Андроново (полув.)—въ ней дв. Томасовъ, Ерикъ.

Выше перечислена лишь небольшая часть всѣхъ полувѣрческихъ деревень, извѣстныхъ въ наше время, и это благодаря лишь тому обстоятельству, что писецъ Гурій иногда счелъ нужнымъ указывать національность жильца, присавъ послѣ его имени «Чухно». Приписка эта носить случайный характеръ, такъ какъ нѣкоторые жильцы, по своему имени безъ сомнѣнія чухонскаго происхожденія, не имѣютъ этой приписки. Поэтому имена или прозвища, а равно и отсутствіе этой приписки, не могутъ служить доказательствомъ русскаго происхожденія жильцовъ, перечисленныхъ въ переписной книгѣ деревень. Напротивъ, въ виду преемственности населенія въ теченіе его двухъ—трехъ вѣковъ, мы можемъ смѣло думать, что въ описанныхъ старцемъ Гуріемъ деревняхъ, въ коихъ нынѣ населеніе составляютъ сплошь полувѣрцы, а въ ого время было чухонское населеніе.

Нѣкоторыя данныя о характерѣ и времени переселенія сюда эстонцевъ можно добыть изъ анализа названій населяемыхъ нынѣ полувѣрцами деревень. Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи имѣется лишь незначительное число полувѣрческихъ названій деревень. Эти названія можно раздѣлить на три категоріи: самостоятельныя, переводныя и искаженныя русскія. Къ первой относятся Коло (Андрейково), Sega küla (Бабино Каменище), Laweritsa к. (Боровенки), Tedre küla (Гигина), Nägme küla (Горемыкино), Saare, -Järweküla (Журово—Кахово), Wilo küla (Заболотье), Kromnesüwa küla (Загубочье), Jusa (Заднее церъво), Lindsi к. (Займище), Alaossa к. (Игнатово), Kadaja к. (Керсо), Serga к. (Константиново), Penik (Луковка), Karisilla к. (Новинокъ), Miku к. (Оглоблино), Wasili к. (Грехнево), Treala к. (Паклово),

Kuru в. (Подчерняво), Radaje в. (Сягово), Melso (Тереховщина), Talka к. (Толстопятово). Въ основѣ приведенныхъ эстонскихъ названій лежатъ отчасти личныя христіанскія, отчасти предметныя имена, слѣд. деревни отчасти возникли въ то время, когда переселенцы уже исповѣдывали христіанство, отчасти получили свои названія отъ переселенцевъ, носившихъ лишь прозвища. Ко второй категоріи относятся: Saarebi в. (Островокъ), Pedasrääliste (Подосенье), Wagesse maе (Варусово), Soelane (Сузиково), Mustoja (Черный Ручей). Къ третьей категоріи относятся: Audjasaar (=Авдѣво), Obinitza (Авинчице), Korila (=Горѣлая мельница), Korsti (?=Горушка), Togenitsi (=Дегатницы), Hurowitsi (=Гурвице, Денисково), Sõkowitzi (=Жуковичи), Naosina (=Клавшино), Mudowa (?=Молдово), Podmotsa (=Подмочилицы), Helbiki (=Хильбики, Подсадничье), Polande (=Боландино, Раствяково), Ergawa (Ржово), Selisja (=Селище), Pelsik (=Пельзики, Сульпики), Tona (=Тони), Тоома магі (=Томасова Гора), Trostka (=Тростянка), Trõppe küla (=Трактова), Kõlatawa (=Тюлитино), Tõlgo (=Челково), Jugadtsa (=Юковъ Конецъ), Räsowa (= ? Ржава, Черный лѣсъ). Послѣдній рядъ названій даетъ право заключить, что переселенцы отчасти занимали русскія деревни и, не зная русскаго языка, извратили на свой ладъ русскія названія деревень.

Таковы положительныя данныя, относящіяся къ разбираемому вопросу. Обратимся къ отрицательнымъ даннымъ. Какъ мы видѣли уже выше, въ архивѣ Псково-Печерекаго монастыря, возникшаго въ 1472 г., нѣтъ никакихъ свѣдѣній о полувѣрцахъ; особенно заслуживаетъ вниманія, что знаменитый игуменъ монастыря Корнилій обращаетъ свою миссіонерскую дѣятельность на горсть зарубежныхъ эстовъ, какъ бы совершенно игнорируя многочисленное (ок. 25 тысячъ) эстонское населеніе въ предѣлахъ монастырскихъ владѣній. Такъ какъ дальнѣйшая исторія ничего не знаетъ о переселеніи сюда столь многочисленнаго чуждаго населенія, а, напротивъ, на основаніи нѣкоторыхъ прямыхъ данныхъ оно предполагается уже существующимъ здѣсь, то остается лишь допустить, что оно было здѣсь уже до Корнилія и исповѣдывало православную вѣру, въ которую была обращена Псковскими или Изборскими священниками. И въ самомъ дѣлѣ, здѣшніе полувѣрцы не имѣютъ ни малѣйшаго воспоминанія о происхожденіи своихъ прадѣдовъ, между тѣмъ какъ въ такихъ случаяхъ переселенцы обыкновенно считаютъ время своего переселенія поколѣніями, благодаря чему легко можетъ быть установлена приблизительная дата переселенія. О церковномъ строительствѣ здѣсь не могло быть и рѣчи до XVI в., такъ какъ въ виду постоянныхъ взаимныхъ набѣговъ псковичей и ливонцевъ церкви обыкновенно подвергались соженію. Постоянная церковь намъ извѣстна лишь въ Изборскѣ.

У полувѣрцевъ и русскихъ вмѣсто церкви имѣлись почти при каждой деревнѣ часовни, гдѣ липенные религіознаго назиданія жители ставили предъ иконами свѣчи и возносили къ святымъ свои прошенія и благодаренія. Въ древности часовень врядъ ли можно сомнѣваться, такъ какъ никто не запомнитъ времени и обстоятельствъ ихъ возникновенія. Обыкновенная принадлежность этихъ часовень большой деревянный крестъ, икона и подсвѣчникъ, по большей части увѣшанные различными доскутками. Да и самые богомольные обряды, еще въ наши дни наблюдаемые на сельскихъ праздникахъ мѣстныхъ жителей, явственно указываютъ на то, что жители долго были предоставлены въ отпращиваніи религіозныхъ потребностей исключительно самимъ себѣ, отчего къ нимъ и примѣшаны черты, напоминающія язычество. Наконецъ языкъ, нравы, вѣрованія и вообще духовный бытъ полувѣрцевъ, что впрочемъ еще не подвергнуто изслѣдованію ученыхъ, указываютъ на болѣе древнее время переселенія ихъ, чѣмъ XVI в. Нарѣчіе ихъ несомнѣнно родственно съ эстонскимъ Верроскимъ нарѣчіемъ, съ тою существенною разностью, что въ него входитъ много заимствованныхъ отъ русскихъ словъ. Ихъ духовное творчество (пѣсни, загадки, сказки) сохранилось въ большей чистотѣ и полнотѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ захолустьяхъ эстонскихъ поселеній, при чемъ особенная черта полувѣрческихъ пѣсней и причитаній та, что въ нихъ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, религіознаго элемента, Матерь Божія, ангелы и святые нерѣдко въ нихъ выступаютъ. Объяснить ли это наслѣдіемъ католичества, принесеннаго изъ прежняго мѣста жительства, или же приписать влиянію православной церкви, трудно рѣшить за неимѣніемъ подъ рукою необходимаго матеріала. Повидимому, часть полувѣрцевъ была нѣкогда знакома съ внѣшними чертами католическаго культа, что довольно правдоподобно, такъ какъ по всей вѣроятности переселеніе сюда части полувѣрцевъ или вѣрнѣе эстовъ-язычниковъ и отчасти знакомыхъ съ католичествомъ, принявшихъ на новомъ мѣстѣ жительства православную вѣру, должно быть отнесено къ XIV—XV в. Часть же полувѣрцевъ, судя по чудскому происхожденію нѣкоторыхъ древнихъ мѣстныхъ названій даннаго района (см. мой трудъ «Этимологія мѣстныхъ названій Псковскаго уѣзда»), должна быть признана аборигенами.

Юрій Грусманъ.

Замѣтка по поводу изданія народныхъ сказокъ.

Въ виду предполагаемаго изданія народныхъ русскихъ сказокъ считаю не лишнимъ представить Отдѣленію Этнографіи нѣсколько своихъ соображеній, ограничившись на этотъ разъ лишь практическими вопросами осуществленія столь желательнаго предпріятія: насколько оно своевременно и слѣдуетъ ли ограничиваться лишь перепечаткою превосходнаго собранія Афанасьева съ дополненіемъ имѣющагося въ архивѣ Общества неизданнаго матеріала.

Первый вопросъ, при всей очевидной простотѣ своего разрѣшенія, получилъ въ настоящее время особенно важное, можно сказать—роковое значеніе. Съ обновленіемъ жизни русскаго народа послѣ великой реформы 19 февраля 1861 года, со всѣми зависящими отъ нея послѣдствіями,—и въ области этнографіи на нашей недолгой памяти произошли крупныя перемѣны. Съ крупнымъ переворотомъ въ экономической жизни, многое уже исчезло безъ слѣда съ быстротою вѣшняго снѣга, и во всякомъ случаѣ главнѣйшимъ образомъ значительно сократились мѣста, не такъ давно представлявшія обильные матеріалы для наблюденій. Быстрое развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, шедшее объ руку съ ослабленіемъ паспортныхъ сношеній, облегчивъ сношенія и связи деревни съ городомъ, содѣйствовало примѣтному исчезновенію тѣхъ захолустій, гдѣ ревниво сберегалась старина и куда теперь, открылся удобный путь свѣжимъ вѣяніямъ и свободный доступъ всякой соблазнительной новизнѣ. Къ настоящему времени разнообразныхъ перемѣнъ стараго на новое накопилось такъ много, что требуются уже самостоятельныя изслѣдованія, общія совершенно иныя этнографическія данныя при утратѣ тѣхъ, которыя сберегались вѣками и были на нашей памяти. Съ особенною очевидностью выразились эти перемѣны въ покроѣ крестьянской одежды, въ виду быстрого распространенія швейныхъ машинъ именно въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и благодаря поразительному развитію торговли готовымъ платьемъ, бросающееся въ глаза на каждомъ шагѣ въ обѣихъ столицахъ, а на нижегородской ярмаркѣ успѣвшей теперь занять одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди самыхъ важныхъ и бойкихъ разновидностей торговли.

Я уже имѣлъ случай (въ сборникѣ «XXV лѣтъ» изданія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ) съ достаточною подробностью указать на эти перемѣны въ одеждѣ, ограничившись даже лишь однимъ головнымъ уборомъ и указавши на исчезновеніе этого этнографическаго признака, который позволялъ разбираться, подобно нарѣчіямъ и говорамъ, въ принадлежности данныхъ лицъ къ известной мѣстности. Городской щеголь картузь или фуражка съ лакированнымъ козыркомъ и ремешкомъ, изгнавшій поярковою шляпу въ разнообразіи ея 15—17 фасоновъ, развилъ, возродивъ на новыхъ мѣстахъ, фуражечное производство, и убилъ шляпное тамъ, гдѣ (какъ въ Семеновскомъ и Макарьев. уѣздѣ Нижегород. губ.) оно было исконнымъ промысломъ. Здѣсь теперь начали увѣреннѣе «окладывать» благонадежные валеные сапоги, чѣмъ «заваривать» коварныя шляпы, поборившіяся легкомысленной модѣ. Объ нихъ приходится вспоминать какъ разъ въ то время, когда «канфетки» и «стрѣлочки» изгнали коренную и родную народную пѣсню.

Вообще мы переживаемъ то боевое время, когда и наблюденіями слѣдуетъ поспѣшивать, и составленіемъ всякихъ этнографическихъ музеевъ и сборниковъ поторапливаться.

Та же опасность утратъ съ явными признаками надвигающихся бѣдъ отъ перемѣнъ въ экономическомъ и разложенія въ бытовомъ строѣ народной жизни предчувствуется и въ томъ вопросѣ, который вызвалъ настоящую замѣтку. Такъ, между прочимъ, указъ 19 февраля разогналъ барской дворню и въ томъ числѣ добротныхъ сказочницъ—старушекъ—нанекъ, воспитывавшихъ отъ 2-хъ до 3-хъ поколѣній и убаюкивавшихъ дѣтей дворянскаго сословія обязательно русскими крестьянскими сказками. Живой образъ этихъ милыхъ и простодушныхъ хранительницъ и защитницъ дѣтства скоро сохранится лишь въ одномъ томъ образѣ, который начерталъ намъ величайшій поэтъ, благодарно вспомявшій подругу своихъ суровыхъ дней—дряхлую старушку Арину Тимофеевну. Она подсказала ему мотивы тѣхъ шести чудесныхъ сказокъ, которыя будутъ заучиваться всею Русью, пока она не перестанетъ крѣпиться на своихъ могучихъ корняхъ, питаясь соками родной почвы.

Съ другой стороны, съ исчезновеніемъ помѣщичьей дворни, несомнѣнно въ скоромъ времени исчезнетъ изъ памяти тотъ отдѣлъ сказокъ, который порожденъ былъ именно крѣпостной неволей. Въ нихъ, съ добродушнымъ юморомъ, ставили барина въ забавныя положенія, подсмѣиваясь надъ простотой и ненаходчивостью и иными недостатками, подмѣченными въ этихъ сытыхъ и самодовольныхъ людяхъ до эротическихъ наклонностей включительно. Рѣдко въ сказкахъ этого рода прорывалось озлобленное чувство,

вызванное тяжелымъ крѣпостнымъ гнетомъ и всякими неправдами, но мстительная насмѣшка всегда и обязательно въ нихъ присутствовала. Болѣе характерныя изъ этихъ сказокъ-памфлетовъ, подобно сказкѣ о баринѣ Кантѣевѣ, неудобны для печати. Кромѣ того, есть много основаній предполагать, что всѣ таковыя въ незлобивомъ сердцѣ добраго, многотерпѣливаго и все прощающаго народа нашего не удержатся теперь, когда, въ теченіе этихъ 36 лѣтъ, выросло новое поколѣніе, не знавшее крѣпостнаго ярма, равнодушное къ способамъ его былыхъ приспособленій и безучастное къ испытаннымъ отцами и дѣдами мученіямъ. По человѣчеству (какъ выражаются грамотѣи)—можно забыть, а по христіански—и вовсе простить.

На невинныя, пригодныя для печати сказки во всѣхъ ихъ формахъ: житейскихъ, богатырскихъ, балагурныхъ и т. под., въ средѣ народа выработался, на мѣсто отжившихъ свой вѣкъ скомороховъ,—особый классъ хранителей и распространителей ея въ тѣхъ деревенскихъ бродячихъ ремесленникахъ, которые извѣстны подъ именемъ швцовъ. Но и въ ихъ среду начинаетъ пробиваться новая свѣжая струя, способная своимъ холодкомъ знобить и мертвить, хотя и медленно, но вѣрно. Ловкія торговыя фирмы, въ родѣ какого-нибудь Мандля съ Невского проспекта у Полицейскаго моста, разузнали тѣ мѣстности, какъ напр. большое село Порздня (Юрьев. уѣзда Костр. губ.), гдѣ группируются ремесленники этого рода, наслали сюда цѣлыя сотни швейныхъ машинъ и при нихъ матеріалъ и выкройки. Машинны, полученныя въ кредитъ, работая за невѣроятно ничтожную плату со штуки, въ то же время окупаютъ себя; бродячихъ мастеровъ онѣ плотно усадили на мѣсто, сдѣлали ихъ осѣдлыми, стукомъ своимъ заставляли примолкнуть пѣсню и превратить сказки, а въ то же время кстати и всѣхъ переодѣли въ дешевый спинжакъ, въ подходящее по цѣнѣ женское пальто самаго новѣйшаго моднаго побря.

Однако, несмотря на появленіе этихъ еврейскихъ мастерскихъ, случайно ворвавшихся въ область этнографическихъ наблюденій непрошенными преобразователями, еще далеко не все погибло. Напр., дубленый полшубокъ и нагольный тулупъ не настолько покладливы, чтобы скроенныя и прилаженные для нихъ овчинки могли укладываться на поддонокъ машинки и поддаваться хрупкой иглѣ американскаго издѣлія, а не той, крѣпкой, какъ шило, къ которой издревле преспособилась тяжелая рука деревенскаго мастера. На этихъ рукахъ во всякомъ случаѣ еще многое осталось, включительно до наложенія крупныхъ заплатъ на поношенную рухлядь, удобную для починокъ. Еще держатся за швцовъ, и ихъ ручной трудъ поощряютъ свои люди въ насиженныхъ ими мѣстахъ. Здѣсь, натруженная грудь и спину и подвернувши

подъ себя ноги калачемъ по восточному образцу, ведутъ они свою безшумную и скучную работу, располагающую въ задумчивости, порождающую въ пожилыхъ людяхъ привычку къ самоуглубленію, какъ въ олонецкихъ сказителяхъ, и въ томъ тамбовскомъ швецѣ Семенѣ Матвѣевѣ Укленѣ, который считается основателемъ и распространителемъ въ Моршанскомъ уѣздѣ и далѣе моложавской раскольничьей секты. Съ другой стороны налаженная деревенская привычка, какъ въковой обычай, требуетъ отъ молодыхъ швцовъ подспорья работъ пѣснями и подмогой коротать докучное осеннее время длинными-предлинными сказками, мудреными загадками и веселыми прибаутками. Пока не завелись еще въ избахъ грамотѣи съ книжками, для сказокъ не только просторъ, но и раздолье. Въ тѣхъ семьяхъ, для которыхъ открывается возможность шить изъ домашнихъ овчинъ полушубки и осень не утратила своего хвалебнаго прозвища «богатой», это время года—самое подходящее. Всѣ теперь на отдыхѣ съ привычными въ рукахъ работами расположены, бодрясь и подремывая, сидя и лежа, охотливо слушать до поздняго вечера. На улицѣ темень хоть глазъ выколи, въ окна бьетъ съ неустаннымъ озлобленіемъ косою дождикъ,— добрый хозяинъ собаки не выпуститъ—въ трубѣ воетъ вѣтеръ, а въ избѣ тепло и уютно и на сердцѣ покойно, пока еще не съѣденъ свой хлѣбецъ и можно имъ покормить захожихъ рабочихъ, досужихъ сказочниковъ, веселыхъ ребятъ.

Въ такой именно обстановкѣ напечатлѣлись въ моей отроческой памяти картины деревенской жизни, оживленныя приходомъ швцовъ изъ-подъ Галича, когда на самыхъ первыхъ порахъ литературныхъ работъ, по увлеченію требованіями того времени, третьимъ разказомъ изъ крестьянскаго быта привелось написать именно про этихъ самыхъ швцовъ. Тогда уже они, по свѣжимъ впечатлѣніямъ, непосредственно воспринятымъ въ дѣтствѣ, выдѣлились, какъ присяжные сказочники и веселые люди, отъ которыхъ привелось услышать и первыя загадки и острыя прибаутки; сказки, смѣшныя и страшныя, тянулись безконечной вереницей, у хорошаго сказочника слова такъ и нанизывались, какъ бисеръ. Впослѣдствіи при дальнѣйшихъ наблюденіяхъ народной жизни въ многократныхъ поѣздкахъ довелось укрѣпиться въ убѣжденіи, что сказка сдѣлалась неотъемлемою и обязательною принадлежностью самаго ремесла. Къ тому-же выводу привели и вчерашнія кабинетныя справки по подручнымъ печатнымъ источникамъ.

Павелъ Николасвичъ Рыбниковъ, задумавшій собирать олонецкія былины, гонялся, какъ за краснымъ звѣремъ, за расхваленнымъ ему сказителемъ Бытылкой (онъ же Чиковъ), который былъ крестьянскимъ портнымъ, и въ обязательныхъ переходахъ для шитья съ мѣста на мѣсто, былъ неуловимъ. Александру Федоровичу Гильфердингу въ числѣ сказителей, расхваливавшихъ бы-

лины, попалось шесть швцовъ, и между ними Титъ Калининъ, со словъ котораго онъ записалъ 20 былинъ и свидѣтельствовалъ, что Калининъ еще мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ много ходилъ по деревнямъ въ окрестностяхъ Шуньи и Толвуя для портняжныхъ работъ. Когда бросилъ ремесло и всталъ на крестьянство, многія былины забылъ, но помнилъ множество предлинныхъ сказокъ. Другой сказитель Куриковъ сообщалъ изъ былинъ только двѣ, но предлагалъ сколько угодно сказокъ и прибаутокъ. На послѣднiя очень гораздымъ оказался Корсаковъ — тоже швецъ, котораго Гильфердингъ охарактеризовалъ такими словами: «необыкновенный весельчакъ, юмористъ, мастеръ пѣть лихія и скоромныя пѣсни; большой охотникъ погулять». Онъ служилъ запѣвалой и вожакомъ молодежи на деревенскихъ праздникахъ. Былины стоили у него на второй планъ: «онъ забылъ большую часть тѣхъ, которыя пѣвалъ въ прежнее время», но, конечно, не забылъ сказокъ (прибавлю я отъ себя). Оба эти вида произведенiй народнаго творчества находятся въ тѣсной связи и хранятся рядомъ, но съ полнымъ сознаниемъ разницы: сказка—складка, сочиненiю по готовой канвѣ, требуетъ присказку, любитъ вставныя, вызывающiя смѣхъ прибаутки, оживляющiя рассказы, складныя «поговорки». Напримѣръ, былина—пѣсенная досельная старина—быль изъ временъ далекаго прошлаго, когда водились на Руси славные могучiе богатыри, сложившаяся въ строгiй ритмическiй пѣсенный рассказъ, вызываетъ особенное напряженiе памяти, не допускаетъ иныхъ вставокъ, кромѣ тѣхъ, которыя пособляютъ сохраненiю стройнаго стихотворнаго размѣра складу и ладу, и безусловно требуя уваженiя ко всякому слову и въ особенности мѣткому эпитету. За сказками, стало быть, то существенное преимущество, что онѣ будучи, свободными отъ путъ размѣра и, на вольномъ просторѣ пересказа, берегаются памятью легче и цѣльнѣе. Запись сказокъ общаетъ громадный успѣхъ и въ рукахъ охотныхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей можетъ превзойти всякiя смѣлыя ожиданiя, едва ли даже послышня одному человѣку. Не даромъ обѣгали эту работу все собиратели перловъ народнаго творчества. Рыбниковъ, напр., записалъ только двѣ, но изъ нихъ одну объ Олешѣ Голопузомъ—пародию на богатырей сообщилъ ему Барсовъ.

Старуха съ Топозера, распѣвавшая мнѣ былины въ деревушкѣ Поньгамѣ на берегу Вѣлаго моря, послѣ отдыха, разогрѣвшись моимъ чаемъ изъ своей чашки, —заслала квартирную хозяйку просить моей милости дозволить ей перейти на сказки.

Жалобится: нудно ей въ ладъ попадать. Сказываетъ, что память у ней стала какъ рѣшето. А на сказки-то она и впрямъ лютая; онѣ что рѣки изъ нея,

Отъ Поньгамской старухи я успѣлъ записать пять сказокъ: прибавилъ къ нимъ еще десятокъ въ Холмогорахъ, уступленный смотрителемъ уѣзднаго училища, и весь этотъ сборничекъ вручилъ Якушкину для передачи Ал. Ник. Афанасьеву. Павелъ Ивановичъ, бродившій по деревнямъ за пѣснями апостольскимъ способомъ съ узелкомъ, въ которомъ хранилась вся его наличная движимость,—узелкомъ этимъ соблазнилъ въ вагонѣ Николаевской дороги недобраго сосѣда, который и износилъ обѣ его запасныя рубахи, а мой сборникъ и его замѣтки на клочкахъ искурилъ въ цыгаркахъ. О подобномъ же случаѣ свидѣльствуетъ неизвѣстный авторъ въ журнальчикѣ «Трудъ», рассылаемомъ прибавленіемъ ко «Всемирной Иллюстраціи» (1890 г. т. VI № 8), но этотъ рассказъ требуетъ нѣкоторой поправки, вынуждая остановиться для одной приводящей сюда замѣтки.

За десять лѣтъ до Рыбникова занимался въ Олонецкомъ краѣ собираніемъ матеріаловъ пѣсеннаго народнаго творчества съ не менѣе замѣчательнымъ успѣхомъ нѣкто Баласогло. По крайней случайности онъ также, какъ Рыбниковъ—истинный пионеръ этого дѣла въ той мѣстности (сѣверо-восточной части губерніи, въ Заонежьѣ), которую справедливо почитаютъ сокровищницей эпической поэзіи, былъ сосланъ сюда и также принятъ былъ на службу въ должность чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ (Писаревѣ). Сосланъ былъ по несчастному, намѣренно раздутому подъ влияніемъ бюрократическихъ интригъ, такъ называемому политическому дѣлу Баташевича-Петрашевскаго, и былъ человѣкомъ выдающихся способностей и широкаго образованія. Онъ успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ оригинальнымъ трудомъ-брошюрой, подъ заглавіемъ «Буква ѣ», въ которой обстоятельно собраны были все слова, начинающіяся съ этой буквы, а равно и тѣ, въ которыхъ она обязательна. Брошюра пользовалась, въ свое время, большою извѣстностью, не забыта и до сихъ поръ. Несчастный Баласогло испытаній ссылкой не выдержалъ,—сошелъ съ ума, но успѣвъ оставить крупныя слѣды работъ, исполненныхъ съ любовью тщательно. При полномъ отсутствіи въ то время руководящихъ указаній опыта и научной разработки предмета, этотъ собиратель умѣлъ самъ разобраться, и при этомъ въ своихъ записяхъ онъ сохранилъ оттѣнки новгородскаго нарѣчія съ обозначеніемъ удареній, затребованныхъ олонецкимъ говоромъ и законами былиннаго стиховоднаго размѣра.

Въ тѣ времена предубѣжденій и отчужденій, когда трудно было добиться какихъ-либо вѣрныхъ свѣдѣній отъ народа «барину» и тѣмъ болѣе чиновнику,—всякое даваніе было благо. Разбивать изслѣдованія на специальности съ исключительною погоней за одною избранною, какъ привелось сдѣлать это тому же Рыбникову, а въ особенности Гильфердингу по отношенію

къ былинамъ и Барсову—къ причитаньямъ, Баласогло не нашелъ нужнымъ. Ему все казалось драгоценностью, достойною памяти. Судя по остаткамъ этого сборника, случайно доставшимся мнѣ въ Москвѣ, имъ по возможности преслѣдовались все роды пѣсеннаго творчества, записывались все обломки древняго народнаго эпоса, еще сохранившіеся въ Заонежьѣ.

Я назвалъ имѣющіяся у меня тетради «остатками сборника» Баласогло на основаніи упомянутой мною замѣтки въ «Трудѣ». Въ ней говорится: «записи Баласогло достались учителю мѣстной гимназіи Дозе. Послѣдній по отзывамъ знавшихъ его, «былъ человекъ образованный, любилъ свой предметъ преподаванія, любилъ своихъ учениковъ и многихъ изъ нихъ направилъ на путь изученія края во всехъ отношеніяхъ». При всемъ томъ онъ не особенно удачно распорядился доставшимся ему богатствомъ, раздавши записи Баласогло гимназистамъ для ученическихъ сочиненій. Напечаталъ онъ только одну былинку въ Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ». А вотъ и нѣсколько изъ остальныхъ былинъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома, подаренныхъ мнѣ наслѣдникомъ сослуживца собирателя въ количествѣ 11-ти, при 7 «паксахъ по жалимомъ покойникѣ», 40 № № лирическихъ пѣсенъ и 4 духовныхъ стиха.

Я не буду теперь, за краткостью времени и въ виду предстоящаго сообщенія современнаго интереса, представлять оцѣнку этого сборника, довольствуясь напоминаніемъ объ неизвѣстномъ или полужабытомъ собирателѣ, во всякомъ случаѣ, первымъ пробившимъ тропу туда, гдѣ послѣдующіе и задніе успѣли пріобрѣсти широкую извѣстность и вполне заслуженную славу. Собственно поучителемъ призывъ Дмитрія Ив. Баласогло сюда же за сказками; въ обрывкахъ его сборника сохранились двѣ или, вѣрнѣе, три (одна въ вариантѣ, представляющемъ самостоятельный пересказъ). Первая запись сказки о «Царь-дѣвицѣ» сдѣлана въ Вой-Наволоокѣ, вторая—въ Сѣногубскомъ погостѣ. У Афанасьева имѣется 6 вариантовъ на эту же самую любимую народомъ сказку о поискахъ молодыхъ яблокъ, живой и мертвой воды, но у Баласогло въ записяхъ былинный складъ во всехъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идутъ живые разговоры сохранился въ изумительной цѣльности. Въ отдѣльной сказкѣ—кстати портныхъ о портномъ—уберегся и былинный пріемъ разказа, и основной характеръ сказокъ—чрезмѣрная небывальщина и широкій размахъ фантазіи. Этой сказки я не нашелъ ни въ одномъ сборникѣ, а по краткости содержанія позволяю себѣ привести ее текстъ подлинникомъ, чтобы познакомить съ характеромъ записей Баласогло, какъ желательнаго образца для будущихъ собирателей. Таковыми могутъ быть тѣ же лица, которыми умѣло и съ особеннымъ успѣхомъ пользовался Рыбниковъ, поручая записи семинаристамъ, развѣзжающимся на вакаціи. Остальныя великорусскія мѣстности,

выпускающія шведовъ въ разныя стороны до далекой Сибири включительно, — всё на счету: село Молвитино (Костр. губ.), село Мурашвино (Нижегор.), деревня Трушково Пошехонскаго уѣзд. Яросл. губ., лежащая въ центрѣ селеній со сплошь странствующими портными, и т. д. Что же касается до прославленныхъ мѣстностей Заонежья, до Кижей и Толвуя, то онѣ и сейчасъ лежатъ въ сторожѣ даже и отъ такого недавно проложеннаго почтоваго тракта, который идетъ отъ озера Онеги черезъ Повѣнецъ къ Вѣлому морю, — тракта совершенно ничтожнаго по своему значенію въ данномъ вопросѣ. Давнія связи географическаго общества, при надлежащемъ сношеніи со всеми подобными мѣстностями, помогутъ добору недостающаго и исправленіемъ вариантовъ особенно вѣроятныхъ въ Заонежьѣ. Нашелъ же Баласогло вотъ эту сказку, ускользнувшую отъ Рыбникова и Гильфердинга, несмотря на то, что въ ней слышится и былинный ритмъ, и обычные былинныя обороты ¹⁾).

Увѣренно думается, что къ этому доброму привѣту начинаніямъ этнографическаго отдѣленія по изданію сказокъ присоединится и столь же искреннее и общее желаніе, чтобы подобныхъ указанной отчетливыхъ и безпримѣсныхъ записей нашлось побольше. Пожеланіе это тѣмъ сознательнѣе и искреннѣе, что невольно припоминаются и первыя неудачи и послѣдующіе блестящіе успѣхи этого рода начинаній. Первыя народныя сказки, напр., появились на Божій вольный свѣтъ въ печати обвѣшанными погремужками и пестрыми лоскутками, и самъ пересказчикъ зачѣмъ-то наряжался скomorохомъ. Онъ испещрилъ разсказъ пустословками, уснастилъ въ такомъ избыткѣ смѣхотворными прибаутками, что черезъ нихъ и сквозь слой намазанныхъ красокъ нельзя было опознаться, гдѣ говоритъ сказка сама отъ себя за свой страхъ и счетъ безъ оборота, и гдѣ, безъ довѣренности, ручался за нее пересказчикъ. И лица не видно, и голосу не слышно. Не слышно того мягкаго и тихаго говорка подобнаго голубиному воркованью которымъ убажковалось и ласкалось дѣтство. Не видно и милыхъ чертъ знакомаго лица, морщинистаго отъ старости, но съ такимъ привѣтливымъ взглядомъ, въ которомъ ярко свѣтился живой огонекъ юности. Можетъ быть этотъ запѣвало и сдѣлалъ свое дѣло; гремушкой созвучій привлекъ слушателей и задержалъ ихъ вниманіе на своихъ остроумныхъ рѣсказняхъ и въ «Первомъ пятѣ русскихъ сказокъ», и въ послѣдующихъ десяткахъ, — небыллицъ и побывальщинъ.

И такова, знать, судьба, всякихъ запѣвокъ, что и первая попытка выпуска былинъ и пѣсенъ, не можетъ зачесться въ поучительный образецъ къ руководству. Корабль, наполненный большимъ количествомъ дорогаго товара,

¹⁾ Сказки по записи Д. И. Баласогло см. ниже въ II отд.

выплывать въ открытое море тяжело и вѣско. Шкиперъ, вызвавшійся на проводку судна, столько навалилъ балласта, что пришлось и разгребать его, чтобы добраться до сокровищъ, и удивляться, въ то-же время тому, зачѣмъ набралъ онъ такъ много лишнихъ и тяжелыхъ камней. Конечно, этимъ приѣмомъ ни добротности, ни сохранности основной и главной клади онъ не прибавилъ, но навѣрное затруднилъ его получку въ томъ цѣльномъ и опрятномъ видѣ, въ какомъ самъ получилъ этотъ цѣнный продуктъ, доставленный ему изъ разныхъ мѣстъ заготовокъ.

Теперь, когда первыя неудачи исправлены и ушли, какъ говорится, въ преданіе, когда завели дѣло такія сильныя и опытыя руки, какими владѣли Афанасьевъ и Гильфердингъ, можно еще разъ съ полною увѣренностью въ успѣхѣ еще болѣе блестящемъ и несомнѣнномъ повторить привѣтъ съ чувствомъ благодарности за починъ и пожеланіемъ благополучнаго окончанія.

Вотъ теперь и моя сказка съ присказкой вся.

С. В. Максимовъ.

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ

по народной медицинѣ.

Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губ.

Съ приложеніемъ

СБОРНИКА

народно-медицинскихъ средствъ.

Той же волости.

(Посвящается памяти П. I. Забалица).

Все, что народно, составляетъ
достояніе народа.

«Матеріалы по народной медицинѣ» Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губерніи и «Сборникъ народно-медицинскихъ средствъ» той же волости, должны служить дополненіемъ первыхъ, составляютъ вмѣстѣ результатъ соединенныхъ усилій цѣлой группы крестьянъ и крестьянокъ.

Оттого, что большинство изъ нихъ является жителями села Ужура, — одни коренными, другіе невольными его обывателями, — намъ кажется, всѣ данныя, ими сообщенныя, не могутъ быть названы односторонними и сочтены исключительной принадлежностью названнаго села. Нѣкоторые изъ этой группы, преимущественно женщины — уроженки прочихъ деревень, входящихъ въ составъ Ужурской, Шарыповской и Назаровской волостей. Въ свою очередь онѣ были когда-то дѣтьми матерей, можетъ также взятыхъ изъ другихъ мѣстъ. Это новое поколѣніе, безъ сомнѣнія, почерпнуло отъ нихъ знанія народного врачеванія, медицинскихъ средствъ, наговоровъ и т. п. Явившіеся въ Ужурѣ привнесли съ собой уже готовый запасъ этихъ знаній, которыми дѣлились невольно съ средой, съ какою довелось имъ ассимилироваться, и, разумѣется, сами заимствовались новыми данными. Это только частичный примѣръ передачи медицинскихъ свѣдѣній, имѣющихся въ обращеніи среди населенія Ужурской волости, хотя въ то же время, думается, весьма характерный въ смыслѣ своей постоянности.

Женскій элементъ, кромѣ того, какъ болѣе свободный, конечно въ періодѣ своей молодости, имѣетъ больше шансовъ совершать переѣзды изъ одной деревни въ другую.

Ѣздить «постовать» (говѣть) изъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ церквей, или просто «гостить» къ роднымъ—общепринятое здѣсь заведеніе. Окончатся полевья работы, въ которыхъ сибирячка принимаетъ немалое участіе, изомнуть и очешутъ куделю осенью...— можно ѣхать гостить. И ѣдутъ не на день—на два,—случается проводить въ гостяхъ недѣли и мѣсяца. Рѣдкая «гостейка» вернется домой безъ какой-либо «новинки»: одна нѣснѣ научится, или игру перейметъ; другая чѣмъ-нибудь инымъ позаимствуется въ людяхъ, оставя взамѣнъ свои знанія, свои умѣнье по части рукодѣля и проч. Дѣвица Дарья Фед. Ожиткова, напр., получила понятіе о пользѣ травъ—отъ 2 ликора-докъ, отъ 12 кумушекъ, о травѣ-зимѣ и можетъ быть нѣкоторыхъ другихъ, когда гостила у своей сестры, вышедшей замужъ въ д. Соксу, Ужурской вол. Дочь Ал. Дм. Трофимовой, выйдя замужъ въ д. Дорохову, Назаровской вол., привозитъ своей матери травы—дикій перецъ, дикій хмель, воробьиное сѣмя и объясняетъ ихъ значеніе; незамѣтно она познакомитъ дороховцевъ съ тѣмъ, что узнала отъ матери...

Существуетъ еще третье условіе, настоятельнѣе всѣхъ прочихъ заставляющее женщину-крестьянку чутко прислушиваться къ рассказамъ о болѣзняхъ и интересоваться средствами лѣченій,—это, когда она дѣлается матерью. Сколько заботъ требуетъ себѣ новорожденный со стороны матери, сколько умѣнья обходиться съ нимъ, знанія, какъ кормить и чѣмъ кормить, что дѣлать во время его болѣзни! Вся тяжесть ухода за дѣтми лежитъ всецѣло на обязанности матери. При общей матеріальной необезпеченности крестьянства, при общихъ анти-гигиеническихъ и санитарныхъ условіяхъ всей домашней обстановки, среди которой крестьянскія дѣти являются на свѣтъ и затѣмъ растутъ, выкормить ребенка и удержать его въ живыхъ для матери, дѣлающей время между нимъ, полевыми работами и домашними занятіями, представляется дѣломъ довольно таки труднымъ. Не каждая мать можетъ считать себя счастливой въ отношеніи количества своихъ чадъ, оставшихся въ живыхъ. Родить, напр., 22 ребенка, изъ которыхъ выжило всего два (какъ случилось у ужурскаго крестьянина Иона Ив. Баладурина съ женой), или имѣть 11 ребятъ и ни одного въ живыхъ (какъ у кр. Дмитрія Мар. Анальина съ женой) ужасные въ сущности факты. Горько живется отцу, подъ старость лѣтъ не имѣющему себѣ «замѣны», но существованіе матери, похоронившей 11—20 душъ дѣтей, поистинѣ страдальческое.

Материнское чувство съ одной стороны, сознание ужаснаго положенія одинокой старости съ другой,—побуждаютъ крестьянку мать «трястись» надъ ребенкомъ. Она нянчится дни и ночи, во время болѣзни его страдаетъ одинаково съ нимъ; изыскиваетъ средства лѣченій; отыскиваетъ «знаткихъ людей»; вѣритъ ихъ совѣтамъ и выполняетъ, что предлагается ими.

Никто не рѣшится утверждать, что отецъ-крестьянинъ безучастно относится къ состоянію здоровья своихъ дѣтей. Случаи заболѣванія или смерти ребенка тяжело отзываются на его душевномъ настроеніи. Но роль «кормильца» семьи, родъ его занятій требуютъ отъ него постоянныхъ отлучекъ изъ дому. Пашня не машина, которую пустишь въ ходъ и остановишь, когда явится въ томъ необходимость. Сельское хозяйство, особенно сибирское, вызываетъ владѣльца на постоянное вниманіе, на безостановочное напряженіе физическихъ силъ, иначе онъ раскуетъ, упустивъ «дорогое время», остаться безъ средствъ къ существованію... А для чего припасать «хлѣбъ-богатство», когда «часуетъ» послѣднее (изъ многихъ) дитя, и съ его смертью для родителей рухнутъ послѣдняя осмысленная цѣль, ради которой стоило бы жить? Вопросъ отчаянія, хорошо знакомый крестьянству. Что же, спрашивается, оставалось бы дѣлать пахарю, подайся онъ этому раздумью тревоги и отчаянія? Онъ и жена его развѣ не достойны покоя, опредѣляющагося извѣстнымъ размѣромъ матеріальнаго достатка ни ради того, что оба являются необходимыми работниками накопленія государственнаго богатства, но единственно какъ люди, обладающіе присущими имъ духовными запросами и жизненными потребностями. И крестьянинъ сознаетъ свое горе, видитъ свое безсиліе передъ наступающими отовсюду роковыми обстоятельствами. Уступая, однако же, обычному круговороту жизни, ведетъ свою линію совершенно

такъ, какъ общій прототипъ его «Макаръ»¹⁾): плачетъ, но пашетъ, жнетъ или «рубить жерди», чтобы было чѣмъ «заплатить за похороны» сына, дочери или жены. А можетъ хорошо знакомое русское «авось» все еще манить земледѣльца надеждой на лучшее будущее, и тѣмъ самымъ удерживаетъ на землѣ, заставляетъ снова мучиться, трудиться и бороться противъ злой судьбы.

«Авось баба найдетъ средство отходить робенка», думается пахарю въ тѣ минуты, когда ходитъ за сохой, или выполняетъ другія кѣкія работы, которыя оторвали его отъ постели больной крошки... Баба дѣйствительно, что называеися, «сбилась съ ногъ»: ночей не спитъ, нося на рукахъ хворенькое созданье, къ одной лекаркѣ сбѣгаетъ, другую бабушку пригласить, сосѣдокъ распросить, чѣмъ и какъ лѣчить. «Гласъ ея не остается воіюющимъ въ пустынѣ»: бабушки и сосѣдки «ладятъ самострѣлы отъ хвори», отчитываютъ больное дитя наговорами, поятъ «надобьями» и помогаютъ чѣмъ могутъ. Признательная мать въ свою очередь бѣжитъ на зовъ сосѣдки, когда ту посѣтитъ такое же злосчастье.

Обмѣнъ взаимныхъ услугъ тутъ круговой, безпрерывный. Женскій элементъ принимаетъ въ немъ сердечно-первенствующее участіе. Не отрицая существованія въ крестьянахъ-сибирякахъ знаній по народной медицинѣ и лѣкарственныхъ средствъ, можно сказать утвердительно, что они обстоятельнѣе и многостороннѣе въ крестьянахъ-сибирякахъ; что послѣдніе служатъ главными распространителями этихъ знаній, какъ можетъ многого другаго, являющагося продуктомъ творчества народнаго духа.

Въ этомъ отношеніи Ужурь,—село и сосредоточіе волости,—занимаетъ довольно выгодную позицію. Наѣзды деревенскихъ постоянны. Въ центръ волости охотнѣе выдаютъ и выходятъ замужъ. Въ немъ самоѣ до 1.500 душъ жителей. Кругъ ихъ знакомствъ и родственныхъ связей распространяется на всѣ составныя части волости и далеко переходятъ за предѣлы ея. Больше соприкосновеній людскихъ,—больше совершается заимствованій. Ужурь можетъ стать выразителемъ общаго уровня знаній крестьянъ всей волости по части народнаго врачеванія самихъ себя «своимъ средствами».

Несомнѣнно, въ составъ «Матеріаловъ» и «Сборника» вошла лишь минимальная доля народныхъ «средствовъ». Еще болѣе значительная часть ихъ притаилась по уголкамъ разныхъ деревнюшекъ Ачинскаго округа и осталась дѣйствовать на свободѣ, ожидая своего изслѣдователя, который современемъ обнаружитъ ихъ присутствіе. Тогда еще разъ, но уже съ лучшей полнотой, освѣтится грустная картина самобытнаго врачеванія народомъ своихъ «болѣстей». По многимъ причинамъ оно сложилось изъ смѣсы суевѣрій и грубо-примитивныхъ приѣмовъ лѣченій съ разумными можетъ быть и цѣлесообразными медицинскими средствами. Раздаваясь, однако, немѣлыми руками, безъ научныхъ знаній людьми, эти «надобья» нерѣдко калѣчатъ внѣшне, отравляютъ внутренне людскіе организмы и доводятъ подчасъ до преждевременной смерти.

Но, пока крестьянское населеніе Сибири въ медицинскомъ отношеніи будетъ предоставлено самому себѣ, до тѣхъ поръ оно неизбѣжно станетъ прибѣгать къ помощи «своихъ средствъ».

Отсутствіе строго рациональнаго содѣйствія въ этой сферѣ, съ одной стороны, и предъявляющееся требованіе на него, съ другой, — вотъ условія, которыя создаютъ типы лѣкарокъ, знахарей и т. п. «знаткѣхъ людей» со всѣми атрибутами ихъ «пользованій», и заставляютъ непросвѣщенный народъ искать и лѣчиться у нихъ.

Не преслѣдованія въ законномъ порядкѣ подвергать «знаткѣхъ людей» за ихъ непатентованную, анти-медицинскую практику; не осужденія достоинъ поголовно весь народъ, въ частности сибирякъ-ужурецъ, за свое нежеланіе лѣчиться у фельдшеровъ; не ограививаться должно однимъ сельскимъ врачомъ, который съ 5—6 фельдшерами и такимъ же числомъ 50-ти рубливыхъ сельскихъ аптекчекъ, понятно, не въ со-

¹⁾ «Сонъ Макара», В. Короленко.

стояніи развить подобнаго желанія въ населеніи, разбросанномъ на огромномъ пространствѣ, на какомъ, допустимъ, протянулся Ачинскій округъ. Нужны въ избыткѣ медикаменты и все прочее, компетентными людьми признаваемое неотложно необходимымъ. Нужны для врачебной помощи десятки, сотни рукъ представителей науки съ истинными знаніями медицины, съ любовью къ своей профессіи, сердечно-мягкихъ и обходительныхъ съ людьми.

Если «Матеріалы» Ужурской волости, въ совокупности съ другими подобными, пробудятъ въ вомъ искреннее желаніе послужить народу на этомъ высокомъ поприщѣ; если въ частныхъ общественныхъ учрежденіяхъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ вызовутъ сочувствіе къ бездѣльно погибающему меньшему брату, какое проявлялось тѣми и другими въ періодъ народной голодовки 1891—92 гг., и въ частности выражается фактически въ отношеніи русскаго переселенца, — то они выполнятъ только свое назначеніе.

Составленіемъ «Матеріаловъ» занимался самъ народъ въ лицѣ отиѣченной ниже группы своихъ представителей. Онъ самъ рисуетъ одну изъ сторонъ своей жизни, крайне неудовлетворительно обставленную съ медицинской точки зрѣнія; онъ указываетъ и средства, какими старается поддержать свое здоровье въ моментахъ его разстройства.

Содержаніе «Матеріаловъ» и «Сборника» народно и составляетъ печальное достояніе народа.

Въ ряду группы лицъ, вложившихъ въ предлагаемый трудъ свою сильную лепту, первое мѣсто занимаетъ семейство ужурскаго крестьянина Сидора Андреевича Ананьина, извѣстное больше подъ названіемъ «Сидоровыхъ». Оно первымъ дало общія указанія о болѣзняхъ и способахъ врачеванія, практикуемаго въ крестьянскомъ быту. Все, что узнавалось впоследствии отъ другихъ, вполне свѣдущихъ лѣкаровъ и повитухъ, было въ большинствѣ случаевъ дополненіемъ и подтвержденіемъ свѣдѣній, полученныхъ отъ этого семейства.

Отдѣлы: «Народное акушерство» и «Народное кормленіе грудныхъ дѣтей» — представляютъ собой подлинныя сообщенія лѣкарки Александры Аванасьевны Ананьиной. Ей принадлежатъ большая часть имѣющихся «наговоровъ».

Многое сообщено: лѣкаркой Александрой Дмитриевной Трофимовой, — уроженкой Курской губ., живущей въ Ужурѣ 18 лѣтъ; бабушкой-повитухой Палагеей Васильевной Ананьиной (†), — уроженкой д. Темри, Шарыповской вол.; Хевроніей Лукишной Ананьиной, — уроженкой с. Подсоены, Назаровской вол., — пользующейся во всю волость извѣстностью искусной бабки-повитухи; повитухой Лукерьей Самсоновной Кокориной, — уроженкой Тобольской губ., — извѣстной преимущественно подъ именемъ «бабушки-Демихи».

Нѣкоторые изъ «наговоровъ» сказаны: ужурскимъ кр. Осипомъ В. Клейменовымъ и его женой Анастасіей Алексѣевной, Анной Данильевой, Натальей Сидоровной и Прасковіей Сидоровной Ананьиними, крестьяниномъ Борисомъ Ефимовичемъ и поселенцемъ Василиемъ, по уличному «Боржота».

Отвѣты на вопросы объ употребленіи нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ травъ присланы крестьянскимъ сыномъ (13 л.) Лукою Захарьевичемъ Боровыхъ, уроженцемъ д. Чернавки, Ужурск. вол.

Вообще же въ составленіи гербарія лѣкарственныхъ растений ¹⁾ и въ дѣлѣ прочихъ лѣчебныхъ средствъ — принимали живое участіе словомъ и дѣломъ всѣ поименованныя выше лица и многія другія, содѣйствіе которыхъ въ общемъ сводѣ «Матеріаловъ» и «Сборника» тянется красною нитью. Это пособничество, надо замѣтить, дѣлалось вполне сознательно и потому безкорыстно, исключительно ради одного сочувствія къ самому предмету.

¹⁾ Переданъ «Обществу Врачей Енисейской губерніи».

Нельзя не упомянуть въ то же время о моемъ товарищѣ Александрѣ Михѣевичѣ Новиковѣ, уроженцѣ Харьковской губерніи. Будучи ветеринаромъ четвертаго курса Дерптскаго Ветер. Института, онъ обладалъ медицинскими знаніями и занимался, живя въ Ужурѣ, вольной практикой, лѣча безвозмездно обращающихся къ нему за помощью. Уѣзжая на родину въ 1892 г., онъ оставилъ мнѣ съ десятокъ лѣкарственныхъ травъ и совѣтъ: узнать ихъ наименованія и случаи, въ какихъ ими пользуются. Это и послужило фундаментомъ для нѣкоторыхъ «Матеріаловъ». Съ того времени, вплоть до осени 1894 г., шло почти безостановочное собраніе ихъ.

Въ заключеніи приношу глубочайшую благодарность Николаю Михайловичу Мартыанову за труды по опредѣленію собранныхъ лѣкарственныхъ растений и за массу цѣнныхъ указаній, служившихъ руководящимъ началомъ при группировкѣ данныхъ «Сборника». Последній редактированъ Николаемъ Михайловичемъ вмѣстѣ съ д-ромъ В. М. Крутовскимъ.

Особой признательностью я обязанъ отозваться на услуги Ивана Поликарповича Каменскаго, оказавшаго мнѣ при перепискѣ моихъ рукописей.

Мое участіе въ общей работѣ составленія «Матеріаловъ» чисто случайное. Моя роль въ ней была ролью рядового стенографа, записывающаго на страницѣ памяти книжки картинки живой дѣйствительности, реальныя повѣствованія живыхъ людей. Я старался не видоизмѣнять слышанные пересказы и удерживалъ, по возможности, форму изложенія, мѣстные особенности терминологіи и техническія выраженія народного говора, составляемую неотъемлемую принадлежность главныхъ составителей «Матеріаловъ».

Правда, мѣстами я рѣшался вставить свое слово, высказать свой взглядъ на тотъ или другой родъ болѣзней и сближалъ кажушіяся на видъ различія ихъ, а нѣкоторымъ отдѣламъ «Матеріаловъ» придавалъ свое освѣщеніе,—но дѣлалъ это въ предѣлахъ возможнаго для себя пониманія и уступая лишь жгучей серьезности постепенно выдвигающихся на очередь вопросовъ общаго характера. Пусть послѣднее послужитъ мнѣ маленькимъ оправданіемъ тамъ, гдѣ покажется, что я брался не за свое дѣло, или невѣрно судилъ и ограничивался наивысшими объясненіями, нисколько не аргументируя ихъ ссылками на готовые положенія и законченные выводы, даваемые авторами изслѣдованій по предметамъ народной медицины и общественной психологіи. Исключительныя условія, среди которыхъ я собиралъ «Матеріалы» и занимался ихъ обработкой, огняли у меня эту возможность,—я лишенъ въ послѣднее время даже книжныхъ пособій.—Мнѣ остается надѣяться, что авторы, которыхъ, словно, я игнорирую при своихъ попыткахъ критическаго разбора нѣкоторой доли доставленныхъ мнѣ «Матеріаловъ», повѣрятъ моему признанію въ этомъ случаѣ, что они, вмѣстѣ съ учеными обществами медиковъ, обратятъ вниманіе на драгоценный даръ ужурцевъ, и своими знаніями прольютъ свѣтъ на темныя мѣста, встрѣчающіяся въ «Матеріалахъ» и мнѣ къ нимъ поясненій; что укажутся ими точныя и вѣрныя средства, въ связи съ которыми вопросъ о гарантіи здоровья сибиряковъ возможно было бы перевести на практическую почву въ такомъ смыслѣ, чтобы дѣятельность будущаго увеличеннаго состава сельскихъ врачей и фельдшеровъ въ Сибиріи была бы болѣе продуктивной и давала бы положительные результаты. — И нужно скорѣе идти на помощь къ сибиряку. Это мое единственно основное желаніе, на измѣненіе котораго я не соглашусь и признаю независимымъ отъ противоположнаго узнанія.

Алексій Макаренко.

С. Казачинское, Енисейскаго округа.

Ноября 23 дня, 1894 года.

ОТДѢЛЪ I.

Общія болѣзни.

I. Разрядъ ходячихъ болѣзней.

Болѣсть приключается не только отъ простуды и т. п. или отъ худаго глаза, озѣва и проч., но и оттого, что человѣкъ можетъ ее с т р ѣ т и т ь (встрѣтить).

Ужурская волость.

Къ разряду ходячихъ болѣзней, какія, встрѣтившись съ человѣкомъ или животнымъ, наносятъ вредъ ихъ здоровью, вышечитированное мнѣніе относитъ: кумушку (лихорадку), чуму на рогатый скотъ и новую гостью—холеру, которая впервые, кажется, постигла данную волость въ 1892 г., и можетъ статься еще какія нибудь другія.

1. Кумушка. Воображеніе крестьянъ, несвободное отъ различнаго рода суевѣрій, представляетъ себѣ кумушку живымъ существомъ, надѣленнымъ непонятною сверхъестественною силою. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ она, однаково съ чумой и холерой, становится видимою, принимая на себя личину женщины, сразу бросающейся въ глаза плохой одѣжкой и старческимъ безобразіемъ лица. Внѣшнее безобразіе есть только оболочка того внутренняго ненасытнаго зла и неукротимой ненависти, какими полна кумушка по отношенію людей. Мучить и медленно изводить это племя—составляетъ ея единственное занятіе; созерцаніе человѣческихъ страданій и смерти, разносимыхъ кумушкой по землѣ, даетъ ей единственное наслажденіе. Въ обыкновенное же время кумушка носится по свѣту невидимую «стѣню» (тѣню) и съѣтъ свою пагубную порчу исподтишка, незамѣтно для «сгрѣтвшаго» ее, то «каждоденно» трясеть его, то съ поредышками—«поденно», то «западетъ въ грудь» или «ломитъ руки и ноги», то «ляжетъ на сердцѣ» (желудокъ) или «почнетъ въ голову стучать и обносить вокругъ, жечь пятки и тѣло», то «кинется въ поясицу»... «На двѣнадцать то манерою кумушка беретъ людей».

Кумушка ка ж н о д е н н а. «Что день трясти приматься, кидать въ ознобъ, то въ жаръ; теряшь выть (аппетитъ), худашь, слабѣшь».

Передъ тѣмъ, какъ кумушкѣ трясти, совѣтывается съѣсть на смирнаго коня и ѣхать въ поле. Не робѣй при этомъ. «Кумушка кинется въ погоню, станетъ бросаться на коня звѣремъ, ревѣть и всяко престаиваться... Надо вытерпѣть, молча ѣхать,—тогда она броситъ».

«Отецъ мой, покойничекъ, хворалъ кумушкой семь лѣтъ. Вздумалъ спробовать это средство, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ поле. Вотъ кумушка начин-ко шарашиться на коня и бить въ задъ, словно горохомъ,—какъ сказывалъ тятенька; конь испужался, бросился на болота и сбиль сѣдока; отецъ упалъ на кочку и ушибъ грудь; чуть живой вернулся домой. Кумушка отстала... Но тятенька вскорѣ умеръ». Анна Дан. Ананьяна.

Кромѣ того, отъ каждоденной кумушки прячутся подъ чанъ, или залазятъ въ печь: «вытерпѣвъ, когда она будетъ душить тебя, ровнять ли печь, или инымъ чѣмъ престаиваться—броситъ».—Не даютъ ѣсть пищу, какой желается; наоборотъ «силою и съ руганью принуждаютъ ѣсть то, что не нравится больному. Н. и Пр. Ананьяны.

Мавра Род. Ананьина водить больных по зорямъ (на утренней и вечерней) на рѣку «до три-девять разъ» и послѣ наговоровъ заставляеть почерпнуть ложку воды на рѣку до три—девяти разъ и, послѣ наговора, заставляеть почерпнуть ложку воды и выпить: въ первый день—одну ложку, на другой—двѣ и т. д.

Иные пьютъ свою мочу. Стали обращаться также къ фельдшеру.

Кумушка по деню. Выражается въ симптомахъ одинаковыхъ съ припадками каждаго дня кумушкой, но проявляется черезъ день-два и скорѣе можетъ быть отнесена къ перемежающейся лихорадкѣ. Лѣчение тожественно съ предыдущими способами.

Ал. Аф. Ананьина и ея мать Хевронія Лук. совѣтуютъ пить настои травы № 160. Съ ними согласна на этотъ счетъ и Ал. Трофимова; она рекомендуетъ: «настоять въ чашечкѣ этой травы (сушеной) и дать испить больному, а немного травы навязать на крестъ и на ночь окурить ею; если это кумушка у него, то хвораго позоветь на сонъ (иной сутки спать) и болѣсть какъ рукой снять».

Кумушка на сердцѣ. Она сказывается въ общемъ недомоганіи, непрерывно-ежедневномъ давленіи, ощущаемомъ подъ ложечкой и едва замѣтномъ лихорадочномъ состояніи. Дѣйствіе ея скрытое, внутреннее и плохо различимое, но длительное и изнуряющее.—Опредѣлить и вывести ее наружу можно употребленіемъ внутрь навару сбора № 78: «послѣ перваго же приѣма кумушка объявится и того разу почнетъ трясти». — утверждаетъ Пр. А.—на.

При кумушкѣ на сердцѣ лѣчатся главнымъ образомъ травами, такъ даютъ пить: навары №№ 17, 39, 67, 102, 113, 120 и 123; отвары №№ 103, 34, 172 и 176; настойки зелен. полыни, троелистки и горькой травы.

Н. А.—на передавала, что ея сродный дѣдушка, Михѣй, хворалъ «кумушкой на сердцѣ» почти два года и пришелъ въ окончательно безнадежное положеніе. Его дочь Анна Мих. (Мамизерова), по чьему-то совѣту, настояла на водкѣ горькой травы (съ бутылку всего) и нѣкоторое время поила ею отца; съ травы лучше стало ему... Теперь старикъ живъ-здоровъ, будучи 70 лѣтъ слишкомъ.

Считается полезнымъ пить настои травки изъ черныхъ бань или водку съ скипидаромъ. Снаружи смазываются мурашинымъ масломъ и каули двѣ-три принимаютъ внутрь.

Отъ двухъ лихорадокъ. Въ Ужурѣ только одинъ М. А.—нѣ, какъ утверждаютъ, лѣчитъ болѣе или менѣе успѣшно; онъ пьетъ нав. травы № 106 и водить по зорямъ на рѣку для наговоровъ. Трава отъ двухъ лихорадокъ растетъ въ д. Соксѣ, откуда, вѣроятно, М. А.—нѣ и позаимствовалъ самый способъ лѣченія ею.

Отъ 12 кумушекъ. По свидѣтельству Д. Ожитковой, лѣчатъ наваромъ травы № 107; ее также вывозятъ изъ окрестностей д. Соксы.

Но чтобы крестьяне могли опредѣленно указать на то или другое лѣкарственное средство, которое бы навѣрняка дѣйствовало противъ кумушки вообще или хотя бы противъ одного изъ видовъ ея разнообразныхъ губительныхъ чаръ,—не приходилось слышать: «Кто ея знаетъ, чѣмъ она возьметъ тебя», — обыкновенно говорятся. И потому всѣ средства считаются хорошими отъ кумушки, лишь бы содержали въ себѣ хоть тѣнь увѣренности, что такой использовалъ тѣмъ-то, или она (кумушка) бросила отъ того-то. Такъ, кромя употребленія и примѣненія перечисленныхъ выше средствъ, отъ кумушки носятъ на бедрахъ кобылью перепонку, какъ говоритъ Ал. А.—на; вижутъ на крестъ, носимый на себѣ, воскъ страстныхъ свѣчей или змѣины выползки, чтобы «не знамо было для хвораго», — какъ передаетъ Надежда Ананьина; при первомъ громѣ, когда случится быть на дворѣ, берутъ горстку земли изъ подъ своей пятки и, смѣшавъ съ квасомъ, даютъ пить хворому, который о смѣшаннѣ (смѣси) не долженъ знать, — кумушка броситъ».—Н. А.—на; то же самое доводилось слышать отъ многихъ. При-

бѣгаютъ даже къ сильно дѣйствующимъ ядамъ, если не сами больные, то черезъ посредство лѣкарокъ, которыя даютъ ѣсть съ медомъ мышьякъ, и даже стрихнинъ подаютъ пить.

Въ Ужурѣ, напр., захворалъ кумушкой кр. Данило Ковтуровъ, молодыхъ еще лѣтъ и женатый. Хотѣлось мужику, какъ водится, скорѣе поправиться. Нашлась доброжелательная старушка, которая пообѣщала «поставить на ноги» согласно его желанію. Намѣшавъ въ питье чего-то «блага», подала больному; тотъ выпилъ и черезъ мгновеніе умеръ. Произвели дознаніе. Мужика анатомировали. Вскрытіе трупа констатировало присутствіе въ организмѣ стрихнина въ дозѣ, способной убить моментально и не такого богатыря.

2. Холера. 1892 годъ, когда холера посѣтила с. Ужуръ и его окрестныя деревни, представляетъ нѣкоторыя особенности даже въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Дружная, но сухая весна. Посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ, начавшійся 29 апрѣля, сопровождался постояннымъ нордъ-вестомъ; вѣтеръ съ неудержимой силой схватывалъ и уносилъ самыя лучшія части съ засѣянныхъ полосъ; съ землей сметались и зерна; остальная ихъ часть, оставаясь на поверхности оголившимися, сохла и заглупалась сорными травами. Сѣнокосъ продолжался не болѣе трехъ недѣль. 20 іюля была первая помощь, на которой пшеница и овесъ жались въ одно время; рожь стояла въ суслонахъ, сжатая четырьмя днями ранѣе. Время жнитва самое необычайное по мѣсту; самый фактъ одновременнаго созрѣванія яровыхъ на ряду съ рожью признавался чрезвычайнымъ даже старѣйшими ужурянами; нѣкоторые только чуть помнили нѣчто сходное съ описаннымъ явленіемъ.

Температура трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1892 г. стояла на высотѣ максимум'а и давала въ среднемъ по Reaumur'у:

	1892 г.	Утр.	День.	Вечер.	Средняя мѣсяц.
Іюнь	+ 14,5	+ 23,06	+ 16,0	+ 18,1	
Іюль	+ 10,5	+ 21,3	+ 14,5	+ 15,4	
Августъ	+ 9,5	+ 16,1	+ 11,5	+ 12,4	

Поля и травы почти выгорѣли отъ палящаго зноя и засыхали отъ бездождницы. Народъ, работая въ полѣ, задыхался отъ жары и заливалъ свою неутолимую жажду ключевой водой и квасомъ. Среди дѣтей открылась диссентерія, принявшая эпидемическій характеръ съ отъѣздомъ матерей на полевая работы и съ появленіемъ тучекъ и проч. зелени, служащей лакомствомъ для дѣтей и взрослыхъ. Цѣлыми десятками дѣтскіе гробики сносились на деревенскіе погосты.

Когда явилась холера, она нашла, такимъ образомъ, подходящія условія для своего вѣдренія и готовую пищу для своего всеубивающаго яда.

Населеніе было того мнѣнія, что холеру занесли въ Ужуръ переселенцы, которые то и дѣло проѣзжали черезъ село, направляясь въ Минусинскій окр. Изъ устъ въ уста передавались слухи, будто ѣдущіе, во пѣбжаніе карантинныхъ задержекъ, не оказывали своихъ холерныхъ больныхъ, а умершихъ хоронили тайкомъ въ полѣ; что черезъ Ужуръ проѣхала партія переселенцевъ, нѣвшая въ своемъ обозѣ такого мертвеца¹⁾. Какъ бы тамъ ни было, но первые признаки несомнѣннаго присутствія

¹⁾ Въ этихъ слухахъ есть доля вѣроятія въ томъ отношеніи, что переселенцы, являясь изъ губерній, зараженныхъ холерной эпидеміей, могли служить разносителями ея заразы. На эту возможность указываетъ и Г. П. Еланцевъ въ своемъ «Обзорѣ холерной эпидеміи въ Томской губерніи за 1892 г.».

«Въ Маринскій округъ, говоритъ г. Еланцевъ, холера пришла исключительно сухимъ путемъ изъ Томской губ., въ Маринскѣ переселенцы сворачиваютъ на Старый Маринско-Минусинскій трактъ и выходятъ въ Шарыповскую и Ужурскую волости».

Изъ доклада референта видно, заключающаго оппонентъ докладчика, М. Г. Кругловъ, что холерная эпидемія занесена и распространялась по губерніямъ партіями переселенцевъ и главнымъ образомъ переселенцами» (стр. 78).

См. Протоколъ очереднаго засѣданія Томскаго общества естествоиспытателей и врачей—4 февр. 1893 г.

холеры уже обнаружилась сначала въ Шарыповской волости, лежащей на пути Мариинско-Миусинскаго тракта, потомъ въ сѣжныхъ съ нею деревняхъ Ужурской волости, расположенныхъ по дорогѣ дальнѣйшаго слѣдованія переселенцевъ, и, наконецъ, разразилась холера въ самомъ Ужурѣ. «Большаго схватить болѣтки, понесеть словно изъ ведра, сведетъ нутро и руки судорогамъ, съ тѣмъ и помереть»... «Неслышанная хворь»,—разсуждало крестьянство. Пока болѣзнь перебирала дѣтей и стариковъ, еще не особенно опасались, но когда она принялась мимоходомъ прихватывать молодыхъ и могучихъ взрослыхъ, недоумѣніе готово было перейти въ панику¹⁾... Къ счастью гостя пришла сравнительно поздно—въ страду, закончившуюся ранними заморозками; послѣдніе въ нѣкоторой степени оказали естественное содѣйствіе усиляя людей, старавшихся о задержаніи дальнѣйшаго теченія холеры. Зимніе морозы, бывшіе одними изъ «лютыхъ», надо полагать, окончательно доконали ее²⁾. Послѣдующіе 1893 и 1894 гг. прошли благополучно и ни чѣмъ не напомнили пережитую тяжелую годину 1892 г.

Для борьбы съ холерой по Ужурской волости командированъ былъ цѣлый санитарный отрядъ; въ его составѣ были: докторъ Вангородскій (изъ г. Красноярска), Ачинскій окруж. врачъ Наймаркъ и студентъ-медикъ Томск. унив. Смирновъ³⁾; послѣдній оставался въ селѣ до самой осени для оказанія врачебной помощи жителямъ; ему помогали мѣстный фельдшеръ Потровъ, вольнонаемный Кравченко и политическій смыльный Мельниковъ.

Получилось указаніе—держаться въ пищѣ установленной діеты; санитарными правилами предписывалось не задерживать воду въ рѣкахъ; спускать мельничные пруда; въ избахъ и подпольяхъ наблюдать чистоту; ограды и улицы подметать; изъ хлѣбовъ вывозить навозъ за село⁴⁾ и ин. другое въ этомъ родѣ, что считается въ такихъ случаяхъ необходимымъ.

Тихо и сумно жилось на селѣ. Здоровое населеніе все почти выбралось на пашни, рѣдко выѣзжая домой, гдѣ оставались дѣти, старики и тѣ, кто занятъ былъ очисткой значныхъ мѣстъ. По улицамъ села вездѣ сновали телѣги, нагруженныя навозомъ; изъ сорныхъ ямъ, выкопанныхъ въ дворахъ по приказанію, вылетало курово горѣвшей пыли и сѣры, похороннымъ фиміамомъ вившимся надъ зачумленнымъ селомъ... А жизнь шла своимъ чередомъ бокъ-о-бокъ съ человѣческими страданіями и смертью, выражаясь въ обычныхъ деревенскихъ занятіяхъ; отъ нихъ рабочій людъ отрывался лишь на время, чтобы свезти съ пашни домой захворавшаго члена семьи, или проводить его на кладбище.

Мнѣ самому пришлось подвергнуться дѣйствію ужурской холеры; я пролежалъ въ постели недѣлю. Противъ поноса г. Мельниковъ давалъ опій съ стрихниномъ, а отъ слабости валерьянку; г. Смирновъ прописалъ вн. опій съ валерьяномъ, си. сухой

¹⁾ На 62 холерныхъ заболѣваній, имѣвшихъ мѣстомъ Ужуръ, приходилось 18 смертныхъ случаевъ, что на 1.500 ч. обоего пола составляетъ 1,07‰.

²⁾ Уже ноябрь далъ среднюю мѣсеч. — 13,1°.

Затѣмъ сред. мѣс.

Декабря	— 18,5
Января	— 17,5
Февраля	— 10

³⁾ Умеръ, какъ извѣстно, въ 1894 г., отъ сыпного типа, будучи уже докторомъ въ г. Ачинскѣ.

⁴⁾ Изъ-за того, между прочимъ, Ужуръ едва не сдѣлался жертвою большаго несчастія. Было дозволено вывозимый навозъ сжигать. Въ одно утро поднялся страшный вѣтеръ, раздувъ глѣвшій подъ навозомъ огонь, который, перебрасываясь съ кучи на кучи, пошелъ неуклонно на село съ юго-западной стороны; его сопровождалъ непроницаемой стѣной ѣдкой дышъ, въ которомъ задыхались люди и животныя. На пожаръ сбѣжалось почти одиѣ бабы, да старика съ ребятишками, такъ какъ все рабочее населеніе отсутствовало. Съ такими силами, при помощи одной пожарной машины, съ великимъ трудомъ удалось предотвратить грозившую опасность.

горчичникъ отъ колотья подъ ложечкой и согревающій компрессъ отъ рѣзы въ желудкѣ ¹⁾. По отзывамъ дѣлывшимъ меня, то болѣзненное состояніе, какое найдено ими при діагнозѣ моей болѣзни и наблюдалось надъ другими подобными больными,—не составляло сущности холеры, а скорѣе было ея слабымъ оглоскомъ—холериной. Понятно, отгѣнокъ, вытекающій изъ научнаго опредѣленія этой болѣзни, для крестьянъ представлялся не суть важною частью. Въ ихъ памяти это явленіе навсегда сохраняется подъ первоначальнымъ названіемъ—холеры, такой именно хвори, которая, «стрѣтась» съ человѣкомъ, замучить и унесетъ его въ могилу, какъ унесла «вогъ тогда-то жену или брата такого-то»... И это непременно будетъ добавляться къ разсказамъ о событіи 1892 г.

Кто-то шепнулъ и тотчасъ-же распространилось въ видѣ достовѣрнаго положенія, что «холера не прильнетъ, если пить перцеву настойку; и пили ее, конечно тѣ, кто имѣлъ на что покупать водку. Устинія Ананьина пользовалась, когда хворала, сокомъ жалицы—малой, принимая его внутрь и натираясь, когда парилась въ банѣ; это «надобье» вошло затѣмъ во всеобщее почти употребленіе. У инаго отлегло отъ «нутра» послѣ приѣма ложки чистаго берез. дѣгтя или нѣсколькихъ капель купороснаго масла,—другой, слушая его увѣреніе, рѣшался испробовать пользу того и другаго на своемъ «нутрѣ». Кто нибудь замѣтилъ надъ собой, что тошнота прекратилась у него отъ употребленія головки чеснока, и другіе приходили къ заключенію, что надо его «исть»; и на самомъ дѣлѣ крестьяне возили чеснокъ съ собой на работы и ѣли натоцакъ и за каждой пищей. Все это и прочее въ этомъ родѣ составляло своеобразный комплексъ «своихъ средствъ», какими ополчился на непрошенную гостью задѣтый ею народъ. Совѣтъ докторовъ «не работать натоцакъ», также скоро привился и выполнялся болѣе или менѣе строго.

3. Воспа (оспа). При эпидемическомъ характерѣ ея въ прежнее время принято было «звать воспу». Шли, бывало, съ ребятами къ сосѣдямъ, гдѣ лежали въ оспѣ и, обращаясь къ больнымъ, зывали:

«Воспа Воспиновна!—Пожалуйте къ намъ, будемъ приникомъ кормить и виномъ поить»... Послѣ чего прикладывали дѣтей къ оспеннымъ.

«Вотъ она, матушка, и придетъ, бывало, такая, что ни глазъ, ни лица не видать станеть»,—пояснила Пр. С. А—на.

Оспенныхъ признано парить въ банѣ, чтобы «оспа скорѣе назрѣвала». Если оспа стоитъ въ глазахъ, то поступаютъ такъ, какъ объяснено выше. (См. глаза). Оспенные струнья заживляются обыкновенно водкой и присыпкой пепла углей.

Оспопрививаніе въ Ужурской волости производилась Ачинскимъ сельскимъ врачомъ до 1888 г. Затѣмъ оно перешло въ завѣдываніе вольнонаемной оспопрививательницы, исполнявшей вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности повивальной бабки ²⁾. Первой работницей на этомъ поприщѣ была М. Красовская, уроженка г. Ачинска. Ей довелось дебютировать въ своемъ званіи при очень неблагоприятныхъ условіяхъ. Предшествовавшій и существовавшій въ ея время сельск. медицин. персоналъ не пользовался благосклонностью сельскаго населенія за его нерадѣніе къ своимъ обязанностямъ и

¹⁾ Не лишено, мнѣ кажется, интереса обстоятельство, которое предшествовало моему заболѣванію. Отгѣчая услугой за услугу, мнѣ довелось пахать одному ужурку пять дней подрядъ. Пахали спѣшно, по $\frac{1}{2}$ дес. на каждую соху приходилось ежедневно, когда немного болѣе; такъ, напр., пришлось въ одну упряжку вспахать по $6\frac{1}{2}$ вагоновъ; обѣда на этотъ разъ не варилося; закусывали калачичомъ и запивали квасомъ, успѣвшимъ переболтаться за дорогу и перекачануть отъ жары; вечеромъ ѣли щи съ жирной бараниной и запивали чаемъ, да тѣмъ же испорченнымъ квасомъ. Щи и квасъ были въ первый день работы и на другой день... Усиленный трудъ и короткій отдыхъ, вѣроятно, ослабили организмъ, а въ связи съ несоотвѣтствующей для того времени пищей подготовили его къ воспріятію холерной заразы.

²⁾ «Письма изъ сибирской деревни» Карымова. «Вост. Обзор.» №№ 51—52, 1887 г.

олимпійское отношеніе къ приходящимъ больнымъ¹⁾. М. Красовскую встрѣтили холодность и невниманіе со стороны крестьянокъ; обходясь въ домашнемъ обиходѣ своими повитухами, онѣ не находили нужнымъ приглашать при родахъ «кушерку». М. К. удалось, однако, обходительностью и трудолюбіемъ побороть предубѣжденіе деревенскихъ бабъ противъ себя; когда она занялась, отказавшись отъ своей должности, вольной практикой, ее приглашали при родахъ чаще, нежели «казенную кушерку».

Неутѣшительные результаты получались и отъ оспопрививанія.

Требующійся для оспенныхъ прививокъ детритъ высылается въ Ужуръ Красноярской врач. управой черезъ посредство сельскаго врача. Гдѣ-то детритъ задерживается и доставляется оспопрививательницѣ обыкновенно несвоевременно и большею частью плохого качества: онъ принимается только послѣ второй и третьей операціи. Въ общемъ прививка ведется неудачно; въ итогѣ имѣются одиѣ «пэрвзанныя» рученки дѣтей, пзмученныхъ повторительными операціями; сердобольная матеря перестаетъ носить ихъ для прививокъ и прячутся съ ними часто, когда слышатъ подъ окошкомъ голосъ десятника, призывающаго ихъ идти съ дѣтьми на «дворянску къ воспаркѣ». Въ такихъ именно краскахъ изображаютъ дѣло оспопрививанія М. Красовская и ея замѣстительница Иконникова.

Не лучше происходило дѣло перевода оспенной лимфы «съ руки на руку», относительно котораго то и дѣло поступали строгія предписанія отъ сельскаго врача²⁾.

1) Тѣ же письма «Вост. Обзор.» № 1887 г.

Изъ личныхъ воспоминаній я присовокуплю слѣдующее. Въ 1887 г., возвратясь съ товарищемъ Ю. Рыдзевскимъ изъ Ачинской тюрьмы, мы привезли съ собой въ Ужуръ «брюшную тифъ», захваченный нами въ тюремной больницѣ, гдѣ присматривали за пробѣжавшимъ товарищемъ, хворавшимъ этою болью. Рыдзевскій слегъ въ постель, а за нимъ и другой векорѣ; и такъ какъ на одной квартиркѣ жило шесть человекъ, которые изъ чувства товарищества не хотѣли оставить безъ призора уже лежавшихъ въ тифѣ, то зараза перешла и на остальныхъ. Всѣ шестеро перебивали поочередно на товарищескихъ койкахъ, находясь между жизнью и смертью. Сельскій врачъ, г. Наймаркъ, посѣтилъ нашихъ больныхъ, когда миновала послѣдняя опасность для ихъ жизни. На наше указаніе по поводу его халатности, выказанной имъ въ этомъ экстраординарномъ случаѣ г. Наймаркъ только и нашелся сказать: «Подавайте прошеніе въ небесную канцелярію!» Къ счастью ни одному изъ насъ не пришлось отправиться на небеса для заявленія справедливой претензіи на сельскаго врача; строго соблюдая мѣры предосторожности, мы «своимъ средствами» избавили себя отъ дурнаго исхода болѣзни и отчасти гарантировали остальное населеніе отъ возможнаго зараженія тифомъ.

Фельдшеръ Пшоловскій просилъ 10 руб. за извлеченіе иглой изъ руки жены ужурскаго кр. Д. Ефремова.

2) Въ 1890 г., напр., г. Наймаркъ посылаетъ М. Красовой два оригинальныхъ приказанія на этотъ счетъ. Вотъ они.

Ужурской повивальной бабѣ.

Препровождая при семь 15 трубокъ оспеннаго детрита, я предлагаю дать 2—3 трубки фельдшеру для практическихъ оспопрививаній съ прикомандированнымъ оспопрививателемъ, а съ остальнымъ детритомъ приступить къ усиленному оспопрививанію, дѣлая съемою оспеннѣй лимфы на стеклахъ и сбергая такимъ образомъ оспенную лимфу, не имѣя повода къ отказу отъ оспопрививанія, что, по моему мнѣнію, равносильно отказу отъ прямыхъ служебныхъ своихъ обязанностей. Кромѣ того, уведомить меня о доброкачественности детрита.

Ачинскій окружн. сельск. врачъ Наймаркъ.

PS. Детритъ долженъ сохраняться въ холодномъ мѣстѣ.

Наймаркъ.

Спустя время г. Наймаркъ обращается къ М. Красовой съ другимъ отношеніемъ.

Ужурской повивальной бабѣ.

Предлагаю Вамъ выдать подателю сего оспопрививателю Кизыльской думы Пущеначеву одну трубку свѣжаго детрита и на всякій случай пару стеколъ съ матеріей хорошей.

Ачин. окружн. врачъ Наймаркъ.

(Предполагая, что повив. бабка запаслась такими стеклами).

Насколько бываетъ ошибочнымъ предположеніе, что снятая на стекла оснев. матерія можетъ быть «хорошей», даетъ понятъ слѣдующій фактъ, имѣвшійся въ практикѣ повивальной бабки Иконниковой. Правила это она лимфу детрита ребенку съ виду вполне здоровенькому; отъ него ослепнущую матерію перевела другимъ четверымъ дѣтямъ, и, о ужасъ! на ихъ тѣльцахъ выступила «подозрительная» сыпь. Иконникова полагала, что дѣтямъ такимъ путемъ переданъ былъ ядъ сифилиса, находившійся въ первомъ ребенкѣ, можетъ быть, въ скрытомъ состояніи. Дѣтей лѣчилъ мѣстный фельдшеръ.

На неудобства и печальныя послѣдствія прививки оспы «съ руки на руку» указывали неоднократно врачу обѣ повивальныя бабки. Иконникова помимо того спрашивала на этотъ счетъ мнѣніе у инспектора Красноярской врачев. управы г. Качковскаго, посѣтившаго Ужуръ въ 1893 году. Инспекторъ отозвался по этому поводу отрицательно, признавъ всю нераціональность системы прививки оспы съ руки на руку. Сельской врачъ продолжаетъ настаивать, чтобы оснари не отступали отъ этой устарѣлой системы, усматривая въ разумномъ возраженіи своихъ подчиненныхъ преднамѣренный отказъ отъ оспопрививанія, равносильный, по его мнѣнію, «отказу отъ прямыхъ служебныхъ своихъ обязанностей». — Иконникова вынуждена продолжать прививку съ руки на руку и служить невольной, но дѣятельной распространительницей заразы среди «малыхъ сихъ».

Не понятными ли стануть поэтому тѣ причины, какія заставляютъ крестьянство до сихъ поръ придерживатьясь довольно часто стариннаго обычая звать къ себѣ въ гости «Воспу Воспинову», рѣшаясь имѣть дѣтей своихъ зараженными дѣйствительной, но чистой оспой, а не съ примѣсью посторонней еще боли?

Примѣчаніе. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что Сибирь до сихъ поръ не имѣетъ земскихъ учреждений и земской врачевной организаци. Здѣсь все остается по старинкѣ и на цѣлый округъ, напр. Ачинскій, равный въ пространственномъ отношеніи 51.177 квадр. вер., полагается всего одинъ сельскій врачъ и въ помощь ему три фельдшера. Въ округѣ нѣтъ ни пріемныхъ покоевъ, вѣтъ аптекъ и положительно нѣтъ никакой организованной врачевной помощи населенію, которое въ этомъ отношеніи предоставлено само себѣ.

Тоже самое и съ оспопрививаніемъ. Во всей огромной Енисейской губ. нѣтъ оспопрививательнаго заведенія. Приходится добывать детритъ то изъ Иркутска за 1000 верстъ, то изъ Петербурга или откуда-нибудь изъ Россіи.

Время отъ время дѣлають попытки доморощеннаго добыванія детрита въ г. Красноярскѣ городской врачъ и аптекаръ П. С. Смирновъ, но такъ какъ ими это дѣло ведется побочно, между прочимъ, то и детритъ ихъ постигаетъ полная неудача, очень часто онъ никуда не годится. Продають свой детритъ вышеназванные господа крайне дорого: по одному руб. трубочка на 10—20 привитій, которая въ Россіи стоитъ 20—25 коп.

Организациа оспопрививанія тоже очень примитивна. На каждый округъ, а въ округѣ на каждыя двѣ волости крестьяне изъ своей среды выбираютъ одного ослепника, часто не имѣющаго къ своему будущему занятію рѣшительно никакой склонности и никакого желанія. Выбираемые часто откупаются передъ обществомъ водкой. Окончательно выбранный поступаетъ въ обученіе къ ближайшему старому ослепнику и изучаетъ у него технику оспопрививанія, какъ официально считается, подъ наблюденіемъ окружнаго сельскаго врача, который на самомъ дѣлѣ едва ли когда видитъ этого ученика. Затѣмъ, обучившись ремеслу достаточно, молодой оспопрививатель приступаетъ къ своимъ занятіямъ самостоятельно. Такой волостной ослепникъ получаетъ отъ казны жалованья 25 руб. въ годъ и само собою понятно не можетъ съ семьей просуществовать на это содержаніе, а принужденъ изыскивать себѣ пропитаніе побочнымъ трудомъ. Обыкновенно онъ остается тѣмъ же крестьяниномъ, кѣмъ былъ и

раньше, и также ведетъ крестьянское хозяйство, а занимается оспопрививаніемъ въ свободное отъ крестьянскихъ работъ время.

Изъ всего вышесказаннаго можно себѣ составить понятіе, какъ идетъ въ Сибири оспопрививаніе, и не удивительно поэтому, что къ 100 лѣтнему юбилею Дженнера въ Сибири не прекращаются эпидеміи оспы, наблюдающіяся безпрестанно, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, обезображивающихъ и уносящихъ массу жертвъ.

В. К.

За недостаткомъ матеріала приходится на этомъ закончить перечень «болѣзней», которыя приключаются отъ того, что можно ихъ «стрѣтить». — Далѣе слѣдуетъ изложеніе обыкновенныхъ болѣзней въ алфавитномъ порядкѣ.

II. Разрядъ обыкновенныхъ болѣзней.

4. Банная притка. Случайныя заболѣванія послѣ того, какъ помоешься въ банѣ. Ихъ насчитывается, кажется, не менѣе сорока. Всему причиной банная вода (ополоски послѣ моющихся въ банѣ); отъ нея «ни съ чего пойдутъ по тѣлу чирей, возмется зудъ или высыпнѣтъ сыпь, — приключится банна притка»; эта вода признается вредной также и въ другомъ отношеніи: если есть на тѣлѣ, говорятъ, царапина, вередь, ранка ли — лучше не ходи въ баню, а будешь мыться, завяжи тряпичкой, иначе «банна вода залетѣтъ, раздразнитъ ранку, она возмется дурью и не скоро залѣчится».

Ал. Ананыина лѣчитъ отъ банной притки наговоромъ № 8. — Сорокоприточная трава, какъ наружное, признается общепринятымъ средствомъ отъ банной притки; изъ нея дѣлаютъ припарки, или прикладываютъ только листочки, облигые предварительно теплой водой.

5. Безсонница. Отъ нее «глядятъ въ воду»: нальютъ въ ковшъ или въ чашку воды и смотрятъ въ нее, потомъ немного отопьютъ, остальное выплескиваютъ черезъ плечо. «Смотрятся» также въ деготь, только не пьютъ его. «Получишь сонъ» отъ питья отвара дурмана или маковыхъ головокъ.

6. Боль въ носу и болячки. Если болитъ въ носу отъ «насмоки», мажутъ свѣчнымъ саломъ; при болячкѣ въ носу, напр., отъ «опасной боли» садятся надъ киповарью (см. опасн. боль) А. А—на.

7. Боль поясницы. Отъ жатья, если случается, то пьютъ настойку или отваръ утина, а то затыкаютъ за гасникъ селименки (Сборн. отд. III, № 8).

8. Болѣзнь сердца. Бываетъ у пныхъ, но лѣчить не умѣютъ.

9. Болѣтки. Ими опредѣляются болѣзненные схватки, ощущаемыя въ внутренностяхъ человѣка: «болѣтки подкатываются къ серпу — при давленіи на серпѣ», поносахъ и др. желудочныхъ и кишечныхъ боляхъ; болѣтки осязательными бываютъ на «нутрѣ» при надсадѣ и натугѣ; у женщинъ, кромѣ того, — послѣ дурнаго исхода родинъ и при многихъ другихъ болѣзненныхъ состояніяхъ, съ которыми связано всегда лѣченіе болѣткочъ (см. нутро).

10. Бородавки. Надо запомнить, говорятъ, какая изъ нихъ появилась первой, отъ нея сосчитать остальные и навязать столько же узелковъ на суровой ниткѣ; ее зарываютъ въ землю (въ колодезь бросаютъ — Харьк. губ.) — нитка сгниетъ, и бородавки пропадутъ. С. Ужуръ и др. жѣста.

Кусочкомъ сыраго мяса труть о бородавки, а потомъ кладутъ подъ квасницу: сгниетъ — бородавки исчезнутъ.

Выжигаютъ острой водкой и горюч. сѣрой.

11. Бредъ. «Разговаривать-ли человекъ во снѣ, когда ему представляется чево—очураютъ только: что ты, моль, Богъ съ тобой!»

Ребятишекъ носятъ на зорю и наговариваютъ какъ бы отъ урока.

12. Видѣнья. Происходятъ отъ порчи, какъ думаютъ. Надо непременно обратиться за совѣтомъ къ лѣкаркѣ.

13. Волосъ. Этотъ родъ болѣзни трудно опредѣлимъ въ своихъ признакахъ. Передаю, что слышалъ о ней. Соображенія же о возможной связи волоса съ «костяной грыжей» см. выше, гдѣ говорится о костяхъ.

Волосъ подраздѣляется на «сухой волосъ» и «мокрый волосъ». Вотъ что говорятъ о сухомъ волосѣ.

а) Сухой волосъ. При немъ по за кожей ходятъ коліки, и кости ноютъ; особенно къ непогодѣ это нитье усиливается до того, что «терпѣнья нѣтъ»; больной лежитъ въ постели. Сухой волосъ поддается лѣченію довольно трудно.

Противъ этого недуга лѣкарки употребляютъ мазь № 64; ею натираютъ тѣло и даже голову больного не менѣе 3 разъ. Натирание производится въ теплой избѣ, надъ паромъ мелконзрубленнаго картофеля, который нагрѣвается въ кадочкѣ горячими камнями; можно натираться и на печи, а лучше всего въ банѣ (въ сухомъ пару). Черезъ три дня послѣ натиранья больныхъ моютъ въ банѣ, но безъ мыла; имъ даютъ водку съ сулемой.

Послѣ перваго же натиранія тѣло больного покрывается сыпью; у него обнаруживается острый поносъ, который длится день-два и признается за вѣрный признакъ скорого выздоровленія: «не будетъ чистить (поноса), не жди полги» — говорится на этотъ счетъ; больной приходитъ въ невѣроятное расслабленіе; онъ теряетъ выть (аппетитъ) и почти ничего не ѣстъ. Но затѣмъ наступаетъ поворотъ болѣзни къ лучшему, и больной ощущаетъ общее облегченіе. «Не будетъ его, продолжаютъ натирание мазью до 6 разъ... Не поможетъ—пробуютъ пить дорогую траву... Не поможетъ и это—не знаю ужъ, что дѣлать». Н. А.—на.

Больному назначается прѣсная ѣда — калачики и сусло съ толокномъ; чай и отварная вода—единственное его питье. Выполнивъ въ строгости предписанія лѣкарки, больной иногда выздоравливаетъ окончательно.

б) Мокрый волосъ. Сопровождается всегда злокачественными провалами, образующимися всего чаще у колѣнной чашечки или на шеѣ; иногда ими поражаются и персты (пальцы отъ сильнаго удара).

Желая опредѣлить, волосъ ли это, прикладываютъ къ язвѣ лепешку бѣлаго воска; по снятіи, при волосѣ, на ней должны остаться красненькія прожилки, весьма схожія съ «головнымъ-то ровно волосомъ».

Самый простой способъ лѣченія мокраго волоса таковъ: когда домашніе уснутъ, черезъ заранѣе приготовленное сито, перевернутое вверхъ полотномъ, просѣиваетъ больной немного золы и распускаетъ въ тепленькой водѣ; зинъ щелокомъ обливаются затѣмъ язвы волоса черезъ богородскую траву (малую) или черезъ припасенные пучки пустыхъ колосьевъ, связанныхъ вмѣстѣ по 3 на 9 въ каждомъ.

с) Случай образованія мокр. волоса. Крестьянинъ д. Яги, Ужур-вод. походилъ осенью по болотамъ и озерамъ, охотясь на утокъ; черезъ день-два у него нога одервенѣла и опухла; стала слышна ломота; вскорѣ нога самымъ изгибомъ колѣна открылась язва. — Къ ней прикладывались внутренности разорваннаго щенца. Поправился мужикъ, но ходить могъ только съ помощью костыля.

У бабы с. Бѣлошапкина (Корнилово), Ужур. вол., вскрылся на икрицѣ ноги мокрый волосъ. Пила водку съ сулемой сначала по $\frac{1}{2}$ рюмки потомъ по цѣлой; язву окуривала кпноварью: отъ 6 до 12 разъ «салятся» надъ куревомъ и столько же разъ подаютъ настойки, конечно не въ одинъ пріемъ. Баба вылѣчилась. Но, вотъ весной мыла она полъ въ избѣ и простудилась; язва снова открылась. Лѣчилась по предыдущему порядку. Она ходила въ это время, между прочимъ, беременной; вскорѣ принесла дѣвочку, не имѣвшую, какъ утверждали, кожицы, полагаютъ, будто вводимая

внутри сулема разрушила наружный покровъ тѣльца дѣвочки; она не выжила и году— умерла.

Въ томъ же селѣ былъ другой случай. У дѣвочки пришибло дверью палецъ руки; онъ «взялся» мокр. волосомъ; на ущемленное мѣсто прикладывались капустные листья съ острой водкой, и тѣмъ было приостановлено дальнѣйшее развитіе волоса.

Жители с. Вѣлопалкина, занимаясь на своемъ озерѣ рыбнымъ промысломъ, чаще другихъ подвержены простудѣ; мокрый волосъ тамъ весьма распространенная болѣзнь—говоритъ Н. А.—на.

Въ Ужурѣ баба проткнула о гвоздь палецъ ноги; не побереглась и засорила ранку; на палецѣ образовался мокр. волосъ. Вылѣчила ее лѣкарка изъ Больше-Имшенскаго села.

Въ заключеніе привожу дословный разсказъ объ интересномъ случаѣ сухаго волоса, переданный Н. С. Ананьиной, которая имѣла возможность наблюдать его на своей матери, умершей отъ волоса.

...«Имъ (сух. волосомъ) хворала покойна головушка, наша матушка. Простуда вѣрно въ кости зашла. Недостатки были по домашности. Матушка все-то и хлопотала. Ъздила часто по зимамъ въ татары ¹⁾, возила на продажу муку либо чево друго. И стужи и непогодъ доводилось терпѣть ей сердешной. Долго ли простытъ?..

Лѣтъ за пять, какъ слечь ей совсѣмъ въ постель, бывало не разъ, что вдругъ кольнетъ ей въ руку или ногу и сведетъ,.. дня два не владать имя, лежить все. Позовешь, бывало, кого изъ шептухъ; лѣчить она матушку; а то безъ нее обойдешься другой разъ: возьмешь, перевяжешь руки и ноги конскимъ волосомъ, чтобы самый-то волосъ не бѣгалъ по тѣлу и растираешь ихъ медвѣжьимъ саломъ, — боль приоддастъ; матушка подымется на ноги и работать почнетъ. А въ послѣдній разъ прѣехала-то домой съ пашни, стала отворять ворота, ей ткнуло въ колѣно такъ-то больно, что не могла итти; ее втащили уже въ избу. Съ этого дня она больше не вставала съ постели.

Начали мы поить матушку дорогой травой; выпоили полштофа; ломота унялась отъ нея; только по тѣлу пошла кака-то сыпь. Настойка выпшла — поить перестали; сыпь пропала, зато ломота возобновилась. Послѣ опять наставляли четверть на четверть — отпавать принимались, но проку не было и легче не стало. —Натакали поставити пьявки, подъ каждое колѣно по пяти штукъ, чтобы вызвать мокрый волосъ (онъ легче сухаго). Поставили. Когда сняли пьявки, изъ ранокъ выползли каки-то чеврячки; собрали ихъ въ чашечку съ водой, они зацлавали тамо-ка. Съ ними ѣздили въ д. Скрипачи (Шарип. вол.) и показывали тамошней лѣкаркѣ; она сказывала, что «эти чеврячки и есть самый волосъ». Упросили ее лѣчить матушку. Согласилась и поѣхала съ намъ. Живя у насъ, составила каку-то мазь, на видъ красновату и натирала ею матушку раза два (только въ лѣтню пору и можно натиранье это дѣлать,—говорила духтарка); велѣла исть прѣсно; взяла рубль и уѣхала.

Матушка не выдержала наказа: Христа-ради выпросила покушать рыбы (окуньковъ помню). Сварили шербицѣ и покормили ее,—ровно отъ нее пуще прежняго хуже стало: вовсе движенье отнялось; пришлось переворачивать съ боку на бокъ... Для за два до смерти нога переломилась у самой ложки, когда матушку переворачивала я; она же и не почувствовала. Умерла спокойно.

Лѣтъ 7 — 8 хворала мамонька, не вставаячи съ постели. Изболѣла, иссрхла вся, сердешная. И мы намаялись. Добра пролѣчили сколько — счету нѣтъ. Матушка особливо довѣрчива была ко мнѣ. Лѣкарку гдѣ позвать, — мени, бывало, посылала; мазь каку приготовить, — меня заставляла. Надобья, каки пьютъ, отвѣдывать всегда должна была я, потомъ уже пила матушка».

14. Вши. Могутся наземной водой или своею слядой (мочей). — Я зналъ поселенца, который, выдарившись въ банѣ, обыкновенно мочилъ собственной мочей голову,

¹⁾ Къ инородцамъ ближайшей Кизильской степ. думы.

руки и ноги и снова парился... Въ разговорѣ какъ-то онъ утверждалъ, что отъ этой процедуры у него не болитъ никогда голова и шеи не водится.

Площцы выводятся мазью № 57.

15. Глаза и ихъ болѣзни.

В ѣ л ѣ м а. Сгоняютъ водками №№ 85, 86. Н. А—на; — сахаромъ съ яичной скорлупой, жевками гвоздички покупной, листьями чернаснаго табака и смѣсью груднаго молока съ кривзой. Ал. А—на и др.

Воспа стоитъ въ глазахъ. На водѣ настаиваются оспенные струппы и этимъ настоємъ мажутъ глаза; это же дѣлаютъ и мурашинымъ масломъ. Н. А—на.

Чтобы оспа «не насхпалась въ глаза», очерчиваютъ глаза «желтымъ» (золот. или мѣднымъ) крестомъ, золотымъ кольцомъ или серьгой. Ал. А—на.

Засореніе (постороннія тѣла). Незначительное засореніе глазъ кончается обыкновенно тѣмъ, что соринку вытасать кончикомъ платка, рубахи или просто промочить глаза водой. Если попадетъ въ глазъ ось колоса хлѣба или что нибудь въ этомъ родѣ, то, испробовавъ домашнія средства, отправляются къ бабкѣ, умѣющей «искать языкомъ» соринки въ глазахъ; дѣлаетъ это она кончикомъ языка. Операция довольно «мягкая» и не производитъ почти никакой боли ¹⁾. — Постороннія тѣла, взявшіяся пузырьками, освобождаютъ такимъ образомъ: выворотивъ вѣко, прыщички растираются мелкимъ сахаромъ или разрѣзаются листочками хмеля или порѣзной травы. Этимъ способомъ бабушка Хевронія извлекла осколокъ листона, появившій въ глазъ прикащика одного изъ мѣстныхъ торговцевъ.

Золотуха стоитъ въ глазахъ. Глаза гноятся, при этомъ и ломота ощущается. Даютъ внутрь навары №№ 133 и 143, 156; поятъ также синькой—чтобы отвлечь золотуху отъ глазъ, тогда она выходитъ ушами. Н. А—на:

Куриная слѣпота. При ней глаза промываются наваромъ травъ №№ 72 и 73, или дѣлаются изъ нихъ примочки.

Отекъ вѣкъ. Сопровождается краснотой глазъ; лѣчатъ очерчиваемыми съ наговорами.

Отъ вѣтреннаго перелома. «Когда застудишь глаза», слѣдуетъ умываться мыломъ изъ медвѣжьяго сала — «шибко пособлять». Очерчиваютъ золотымъ кольцомъ съ наговоромъ и безъ него.

Повѣтренная боль. Принимаетъ часто эпидемическій характеръ, какъ было лѣтъ десять тому назадъ до 1891 г, и потомъ снова повторилась въ томъ же году.

Если нѣтъ ломоты, промываютъ глаза только чистой водой; иначе прикладываютъ выварки фамильнаго чая, дѣлаютъ примочки изъ навара шипшинаго цвѣта; бабки водятъ на рѣку для наговоромъ, послѣ чего промываютъ глаза рѣчной водой; при острыхъ рѣзахъ снаружи мажутъ и впускаютъ по чуточкѣ въ глазъ мазь № 52. Н. А—на.

Приглушеніе зрѣнія. Состоитъ въ томъ, что дальніе предметы, на которые смотреть, теряютъ свои очертанія, такъ сказать, расплываются. Если это происходитъ отъ старчества, то нюхаютъ обыкновенно нюхательный табакъ; если отъ «давленія крови» бываетъ, то подпускаются пивки — на лобъ три и по одной на виски. Як. К—нъ.

Рѣснички. Выворачиваютъ вѣко, и щетинки на немъ выдергиваются щипчиками Н. А—на.

Слезой болить. Глаза постоянно слезятся; они воспалены; вѣки нѣсколько припухлы и имѣютъ красноватые ободки вокругъ.

Лекарки очерчиваютъ глаза съ наговорами. Въ глаза впускаютъ водный ра-

¹⁾ Извлечение соринки изъ глаза составляетъ особую спеціальность ужурск. лѣкарки «Сорочихи».

створъ крымзы — «слезу прогнати и зудъ изводить». Ал. А-на. Примѣняютъ также мазь № 52 также, какъ и при повѣтрен. боли.

Уколы и ушибы глазъ. При слабыхъ поврежденіяхъ глазъ прикладываютъ примочки изъ вина. Въ серьезныхъ случаяхъ обращаются къ фельдшеру.

Пр. Ананьина передала, между прочимъ, слѣдующее. Во время жатъя ея сродный братъ, Тр. А-нъ укололъ селененой глазъ свой. «Посоветывали ему садиться надъ паромъ самовара; сядилса онъ сколько-то разъ—лучше стало; пожалуй совсѣмъ поправилса бы глазъ,—обида отъ кумушекъ пришла, какъ говорится. Кто-то присоветывалъ, чтобы ускорить ходъ леченія, впускать въ глазъ порошокъ крымзы; это средство повредило глазъ: имъ теперь крестьянинъ ничего не видитъ.

Ячмень. Кольцомъ очерчивается и ячменя зерномъ; очертивъ, зерно бросаютъ въ горящую печь, а больного выпроваживаютъ передъ тѣмъ на улку (улицу), гдѣ онъ ждетъ, пока зерно сторить. Кувишки ставятъ съ приговоромъ № 5.

16. Глухота. При временной глухотѣ, когда въ ухо попадаютъ постороннія тѣла, напр., заползетъ насѣкомое, ставятъ восковыя свѣчки и зажигаютъ ихъ—это «вычищать изъ уха». Н. А-на и Ал. Т-ва.

Когда во время купанья зальется вода въ уши, то закрывъ ладонями рукъ оба уха, качаютъ быстро головой изъ стороны въ сторону; а то съ закрытымъ однимъ ухомъ скачутъ на одной ногѣ, правой или лѣвой, смотря потому, изъ какого уха хотятъ вылить воду; иные, опершись о землю рукой, соответствующей залитому уху, придаютъ тѣлу вытянутое положеніе, свободной рукой закрываютъ ухо и стараются вертеть головой.

17. Головная боль. Въ обыкновенныхъ случаяхъ головной боли мочатъ голову уксуомъ, или вяжутъ къ ней листья капусты и гущу, то и другое «вытягиваютъ жаръ». Пьютъ также навары травъ №№ 9, 50, 69 и 163, настой арцы или наваръ бѣлой травы. При длительной головной ломотѣ, простекающей отъ золотухи, волоса, опасной боли или вѣтреннаго перелома—пьютъ настойку дорогой травы; поязываютъ листья репея; кто «бестрашный», тотъ нюхаетъ киноваръ чистую или съ нюхательнымъ табакомъ. Под. А-на лѣчила съ наговоромъ № 10. Вообще отъ шума въ головѣ пьется наваръ адамовыхъ шлячокъ.

18. Горбъ растеть. Правятъ бабушки и лѣкарки. Вотъ что рассказала старушка Дѣмиха объ одномъ изъ случаевъ своей практики.

«У парнишка годочковъ трехъ, здѣсь же въ Ужурѣ, на спинкѣ выросла кака-то опухоль съ кулаче (кулакъ) величины. Одинъ сынокъ у родителейъ. Отецъ съ матерью горюють: «вотъ, молъ, будетъ нашъ сынокъ горбатенькимъ!..» Призвала меня. Сами плачутъ и просятъ полѣчить ихъ птенчика. Осмотрѣла его—опухоль така-то тверда, просто страсть глядѣть. «Ну молчи, говорю матери, вели мужику своему принасти черныхъ мурашей совсѣмъ — съ гнѣздами». Привезъ отецъ мурашей. Склала я половину гнѣзда съ мурашами въ кадочку, котору поставила въ банѣ, полила теплой водой, опустила въ кадочку горячи каменя, а поверхъ на нее положила рѣденко дощечки. Парнишка утащила въ баню, завернула въ постилку, положила спинкой на дощечку и держала все надъ паромъ. На другой день держала парнишка надъ паромъ другой половины гнѣзда... И полегчало ему: опухоль размякла и разошлась... Видно на счастливаго напала ребеночка, мурашино масло такъ и заходило зорьками по водѣ.

Масло это было и дорого, не каждый разъ оно бываетъ, когда лѣчить. Откуда берется, съ мурашей-ли или гнѣзда наирѣвать, Богъ его знаетъ?

Когда горбъ растеть—поить также арцой.

19. Горловья боли.

Когда голосъ перехватитъ. Пьютъ согрѣтое молоко. Лижутъ до трое копотъ съ поваренки, выставляемой на первый дымъ, когда затопится печь. Трутся горломъ о заборъ печи¹⁾ Н. А-на.

Глотать больно. Лѣкарки очерчиваютъ горло сукомъ или брускомъ (съ наговоромъ № 11); пьютъ настой горлянки. Пол. А-на.

Отекъ глотки. Проходить отъ припаривовъ изъ травы горлянки. Она же.

Хорошо обвязывать горло потной суконной онучей, снятой съ ноги. Сильв. Сабодашъ.

Свѣчное сало съ мыломъ на шерстяномъ чулкѣ привязывается къ горлу, или смазываютъ мозгами свиныхъ санковъ.

Изъ явленія горла. Злокачественныя изъязвленія прижигаются мазью № 66. Ал. А-на.

Нарывы въ горлѣ. Прижигаются растворомъ синяго купороса или ярью съ медомъ. Н. А-на.

Постороннія тѣла въ горлѣ. «Въ дыханіе попадетъ крошка хлѣба, либо мошка влетитъ—прокашляешься только». Въ горлѣ застрянетъ косточка, напр., чтобы вытолкать ее, «бьютъ по загорбку, либо отрасають». Ужур. вол.

20. Грыжа.

Часто на предлагавшіеся вопросы объ употребленіи нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ травъ, допустимъ волосянки, теплыжника, полевой ромашки и др., приходилось слышать отвѣты общаго характера, напр.: эта—отъ «грыжи», та—отъ «мужской и женской грыжи». Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ постепенно выяснялось, что грыжа происходитъ отъ надсады—когда «пупъ сорвешь»; бываетъ также «бѣла грыжа» и «красна грыжа»; «грызеть на нутрѣ» отъ «золотника», когда плодуха опустилась «или задія кишка выходитъ»; отъ «рѣзачки и хомута» грызеть; случается, что «грызь» стоитъ въ костяхъ» (костяна грыжа), что «грызеть пупокъ» у новорожденнаго и т. д. На основаніи собранныхъ отвѣтовъ, относящихся къ грыжѣ, можно придти, мнѣ кажется, къ такого рода заключенію:

1) Понятіе о грыжѣ существуетъ въ народѣ.

2) Подъ грыжею разумѣютъ, кромѣ извѣстныхъ случаевъ мѣстныхъ нарушеній строя внутренностей и выхода ихъ наружу отъ различныхъ внѣшнихъ причинъ, еще и всѣ тѣ виды болѣзненныхъ состояній «нутра», какія развиваются внутренне самостоятельнымъ путемъ и имѣютъ острое или длительное теченіе «грызущаго» свойства. Сюда относятся разнообразныя страданія желудка, кишечника, половыхъ и мочевыхъ органовъ, пупка, кровеносныхъ венъ и костей.

3) Термины—«мужска грыжа» и «женска грыжа» говорятъ за то, что грыжѣ одинаково подвержены мужчины и женщины, что они болѣютъ въ равной степени сходными ея чертами, зависящими отъ тождественныхъ и основныхъ причинъ, напр., отъ надсады. и хомута точно также, какъ «костяна грыжа» поражаетъ кости тѣхъ и другихъ, безотносительно къ полу и возрасту. Но, кромѣ того, существуютъ роды грыжи, присущіе исключительно женскому полу и находящіеся въ зависимости отъ специфическихъ особенностей анатомическаго устройства и назначенія женскихъ половыхъ и мочевыхъ органовъ; сюда относятся—бѣлая и красная грыжа, рванины, страданія матки и т. п. до-родовыя и послѣ-родовыя заболѣванія у женщинъ нутра и половыхъ органовъ.

¹⁾ Верхняя боковая доска, что отъ двери, общаго забора, между которымъ сбивается изъ глины печь.

4) «Паховикъ», «грыжа пупка», «выходъ задней кишки» составляютъ спеціально дѣтскія болѣзни и относятся родителями къ «дѣтской грыжѣ».

Согласно отмѣченнымъ выше разновидностями грыжи, указаннымъ самимъ народомъ, можно установить ея общія подраздѣленія въ слѣдующемъ порядкѣ: а) общаго вида грыжу; б) женскую грыжу, и с) дѣтскую грыжу.

а) *Къ общаго вида грыжѣ относятся:*

Грыжа отъ надсады. (См. надсада). Какъ на однѣ изъ частныхъ проявленій надсадной грыжи указываютъ на килу, выпаденіе матки и т. д.

Кила. Передавали, что большинство бѣлошапкинскихъ крестьянъ «виласты»;вила среди нихъ, будто бы, является наследственной (?). Наслѣдственная кила признается неизлѣчимою—съ нею такъ и умираютъ. При образованіи килы поятъ чпчилибухой, наварами травъ № 16 и 45 и проч., что употребляется при болѣзняхъ «нутра».

Грыжа на ногахъ. Сначала прикладываютъ припарки изъ камчакъ. О «рванинахъ» см. въ отд. жен. болѣзней

Костяная грыжа. (См. кость).

Хомуть. По увѣреніямъ крестьянъ и крестьянокъ боль, именуемая хомутомъ, зарождается въ человѣкѣ всегда отъ «порчи», потому что есть такія «знатки люди», которые могутъ, конечно со зла, «надѣвать хомуть» не только на людей, но и на животныхъ—коровъ, лошадей, собакъ и др. Будто бы плетутъ изъ нитки или гасника какія-то кольца, сплетаячи наговариваютъ; съ наговоромъ затѣмъ плетень бросаютъ на то мѣсто, гдѣ долженъ пройти тотъ, на кого желаютъ надѣть хомуть. Достаточно, говорятъ, перешагнуть черезъ этотъ плетень, имѣющій приблизительное сходство съ обыкновеннымъ хомутомъ, или взять его въ руки—непремѣнно захвораетъ «хомутомъ». «Снять хомуть» (избавить отъ него) могутъ только такіе же «знатки люди», которыми знакомъ отговоръ, читающійся только отъ хомута; безъ него, по общему завѣренію, никакими надобьями не излѣчишься отъ этой хворы, по крайней мѣрѣ удастся это довольно трудно. Къ счастью «непутныхъ людей, которы надѣютъ хомуть, мало жнветъ», хотя въ то же время еще меньше умѣющихъ «снимать хомуть». На головы первыхъ всегда призываются проклятія и высказываются пожеланія, чтобы передъ смертью имъ, наравнѣ съ колдунами, «задрало ноги къ верху».

Хомуть надѣвается двухъ видовъ: а) «верховой хомуть», и б) «внутряной хомуть».

а) *Верховой хомуть.* Сопровождается, говоритъ Хевр. А-на, наружнымъ «распуханіемъ» дѣтороднаго члена, острыми, жгучими рѣзами въ мочевоомъ стволѣ, усиливающимися при мочеиспусканіи, истеченіемъ мутной слизи.

Опухоль очерчивается съ наговоромъ; вн. дается наваръ сбора № 43.

б) *Внутряной хомуть.* При немъ, кромѣ изложенныхъ только что общихъ чертъ хомута, у мужчинъ происходятъ нестерпимыя рѣзы въ мочевоомъ пузырьѣ; мочонка дѣлается напряженной и увеличивается въ объемѣ вмѣстѣ съ постепеннымъ разбуханіемъ ящери. У женщинъ ощущается боль внутри матки, въ маточномъ проходѣ и мочевоомъ пузырьѣ.

Поятъ наваромъ бѣлой травы. Ал. Трофимова держитъ больныхъ надъ куревомъ моха (см. рѣзачка).

Оба вида хомута имѣютъ много сходнаго съ перелоомъ (Gonorrhoea) (?).

Порченна я рѣзачка. Кажется, исключительно представляетъ страданія мочевого пузыря. Происходятъ также подъ вліяніемъ «порчи».

Непорченна я рѣзачка. Одно и то же съ предыдущимъ. Возникаетъ она, какъ полагаютъ, отъ собственной неосторожности, такъ «помочишься на вѣтеръ или на то мѣсто, гдѣ лежитъ выброшенная зола—вотъ и захватишь рѣзачку».

Признаки. Порченна я и непорченна я рѣзачка опредѣляется мучительными рѣзами, ощущаемыми въ мочевоомъ пузырьѣ, и безпрестанными позывами мочиться; а

станешь мочиться, «моча выходит капельками и жжеть мочевою выходъ; больного заноситъ то въ жаръ, то въ ознобъ; онъ плохо ѣсть; у него «зажигать на нутрѣ».

Лѣченіе. Средства лѣченія той и другой рѣзачки болѣе или менѣе одинаковы.

Пьютъ наваръ травы рѣзачки и сокъ конопляннаго сѣмени, чистый или въ смѣси съ чуточкой нашатыря.

Ал. Т-ва лѣчитъ «куревомъ». Въ чугунокъ съ горячими углями она подбрасываетъ мохъ съ частью мирререваго гнѣзда; надъ дымомъ усаживаетъ больного совершенно раздѣтымъ, укрываетъ плотно однорядкой и держать въ такомъ положеніи часа два; черезъ день повторяется та же процедура — и такъ до трехъ разъ включительно; больной выздоравливаетъ. Ал. Т. утверждаетъ, что этимъ куреомъ она успѣшно лѣчитъ даже дѣтей при задержаніи мочи.

Женская грыжа. }
Дѣтская , } (См. ниже отд.).

21. Дурь. Подъ этимъ словомъ подразумѣваются—водобоязнь и обыкновенное умопомѣшательство; при нихъ человекъ, говорится, всегда «дурить или дичать», т. е. его душевное состояніе и поступки бываютъ свойственными однимъ «тронувшимся умомъ» (помѣшаннымъ) и такимъ, которые имѣли несчастье заразиться ядомъ «дурного» (бѣшеннаго) животнаго; (см. укуш. бѣш. животными и помѣшательство).

22. Желтуница. Она же желтуха. Вызывается, по словамъ лѣварки Пол. В. Анашкиной, испугомъ; въ доказательство своего утвержденія она привела случай, бывший съ ея замужней дочерью, живущей въ д. Темръ. Когда та ѣхала какъ-то въ Ужуръ съ грудною дѣвочкою на рукахъ, лошади напугались чего-то, помчали и опрокинули ихъ изъ телѣги. Съ «тово переполоху» дочь Пол. Вас. слегла въ постель, перестала ѣсть, глаза и лицо пожелтѣли, что «всегда бываетъ съ желтуници».

Пол. Вас. сама лѣчила дочь. Поила ее, какъ водится обыкновенно, отваромъ сбора № 144, каждый разъ наговаривая на него; водила съ дѣвочкой въ баню; обливала тѣмъ же отваромъ и парила съ наговоромъ трехгодовалымъ вѣникомъ (см. наговоръ № 10). Этимъ удалось согнать желтушницу наружи. Съ «нутра» выгоняла—«щучкой». Дѣлается это такъ.

Больную садятъ за столъ, на которомъ ставится чашка съ водой и опущенною въ ней живую щучкой, и заставляютъ смотрѣть на щучку, пока послѣдняя «не поддохнетъ». Если больная высидитъ—вылѣчится.

Мужикамъ и мальчикамъ ловятъ для этой цѣли какую попало рыбу.

Отъ желтуници пьютъ наваръ конопли, инбирную настойку и смѣсь № 29 отд. VI.

23. Занозы. Чтобы заноза «объявилась», когда возьмется гноемъ, вьжутъ къ ней золу съ коровьемъ масломъ, или куриное соленое сало. Чтобы скорѣе зажила ранка, изъ которой вынута заноза, держится надъ дымкомъ заженной отмычки или грибочки, обмокнутой въ постномъ маслѣ. Сидоровы и др.

24. Заусеница. Кожица у ногтей трескается и задирается. Очерчиваютъ ногти—остриемъ ножа царапаютъ по три крестика на каждомъ ногтѣ.

Лучше всего, начиная жать, заложить нѣсколько седименокъ стоялаго хлѣба и очертить ими ногти по предыдущему способу,—«навсегда избавишься отъ заусеницы». Ужур. вол.

25. Золотуха.

Выгоняютъ снутра золотуху тѣмъ, что ѣдятъ клюкву, одну или съ медомъ; пьютъ и ѣдятъ сѣру горячую; принимаютъ вн. отвары травъ №№ 52 и 175, а также наваръ череды.

Дѣтей кормятъ кашницей съ листочками золотыхъ книжечекъ и рыбьимъ жиромъ.

Чтобы вывести золотуху изъ глазъ. См глаза.

Вогнать внутрь золотуху, т. е. ея ви́шнія проявленія, какъ-то: сыпь, чирей и т. п. свести съ лица можно дачею вн. морковнаго сока; отъ него золотуха «скрываются внутрь».

Золотушныя опухоли. Къ золотушнымъ опухолямъ прикладываютъ въ видѣ мягчительнаго: человѣческій калъ, тепленькій телячій пометъ (парнишкѣ—отъ бычка, дѣвочкѣ—отъ телки). Вытяжными средствами будутъ: ушканина, березовый деготь съ молодой сметаной и медовыя лепешки.

Чтобы собрать разсыпную золотуху въ «одномъ мѣстѣ» (струпомъ) совѣтывается пить отварнаго сбора № 138.

Мокнущіе золотушныя струпя. «Сушать» (заживляютъ) ихъ наружными средствами: мазью № 50, масломъ № 18, пепломъ углей или масляныя тряпички и слизью льнянаго сѣмя.

Ушко прѣть или головка у дѣтей отъ золотухи, Ал. Т—ва говоритъ, мажутъ «грицелиромъ (глицериномъ)», а сверхъ накладываются кусочки тонкаго льнянаго холста.

Зобъ. Происхожденіе зоба дг. Андреевскій относитъ также и на счетъ золотухи (стр. 827). Н. А—ва передаетъ, какъ общее мнѣніе, что зобъ «приключается, будто-бы отъ того, что напьешься воды, которой попила передъ тѣмъ курица». Чѣмъ лѣчится зобъ, ужурцы, будучи не зобатыми, не слыхали и не знаютъ.

Подпазушникъ. Нарывы подъ мышками.

Шипки исчезаютъ отъ прикладыванья листвиничной губы и гуши изъ квасницы; слѣпки горячихъ хлѣбовъ или булокъ держать нѣкоторое время на опухоляхъ, затѣмъ бросаютъ собакамъ: отъ женщины и дѣвочки—сучкѣ, отъ мужика и парнишка—кобелю Ужур. вол. См. сучье вымя.

Сучье вымя—титъка. «Случатся, когда переступишь черезъ толкачъ (пестъ). Ал. Т—ва.

Пестъ нагрѣваютъ и прижигаютъ шипки. Слѣпки съ двухъ хлѣбовъ катаютъ по вымя и отдають собакамъ. Она-же.

Чирей-вередъ. Образованіе чиреевъ приписывается въ Ужурск. волости главнымъ образомъ золотухѣ и отчасти и накопленію въ человѣкѣ «дурной порченной крови».

«Если на тѣлѣ почувствуешь зудъ и на томъ мѣстѣ краснота станетъ — безпримѣнно чирей будетъ»,—говоритъ Алекс. Ананьина. Надо тогда безымяннымъ пальцемъ почерпнуть помоевъ изъ лохани или обмылковъ изъ корыта и чертить имъ по чирею крестъ на крестъ, шепча:

— Не чирей—будь крестъ! (До трехъ разъ).

Въ этомъ состоитъ такъ называемое защелкиванье чирея.

Задавливанье чирея, практикуемое Ал. Т—вой, дѣлается нѣсколько иначе. См. Наговоры № 16.

Чтобы изба виться отъ чиреевъ, ѣдятъ ягоды черевязника, сѣру горячую и употребляютъ прочія внутреннія средства, перечисленныя въ описаніи золотухи. Если предполагается, что чирей происходитъ отъ порченой крови, то направляютъ лѣченіе противъ этой первопрчины.

Снаружи на чирей прикладываются вѣтренки, одоленъ, лукъ печеный и проч. наружныя мягчительныя.

Чтобы чирей разселился—размножился у кого-нибудь, стоитъ попросить «знаткаго» или «знатку», она пошепчетъ, и чирей засыпаетъ того. См. Наговоры № 23.

Язвы золотушныя. Залѣчиваются мазью № 56.

26. Извѣтрать губы. Мажутъ губы свѣчнымъ саломъ и коровьимъ масломъ.

27. Какъ отводится съ утонувшимъ и оглушеннымъ гро-

момъ. Утонувшихъ откачиваютъ на потпикахъ; «хватившихъ много воды», кромѣ того, отпаиваютъ золой и водой раствореннаго синяго купороса, чтобы вызвать рвоту.

Оглушенныхъ громомъ иногда обкладываютъ землей.

28. Колотья. Происходятъ отъ разныхъ причинъ, говорятъ; отъ простуды или увѣчья, напр., «бываютъ колотье въ боку, грудѣ, поясницѣ, колѣнкахъ»... и т. д. Ал. А—на.

Отъ колотья въ боку вообще пьютъ наваръ егорьева копыя; изъ этой же травы прикладываются припарки на опухоли, проявляющіяся одновременно съ колотьемъ. Н. А—на и Ал. А—на.

Окалываютъ бока и другіе части тѣла, гдѣ ощущаются колотья, громовой стрѣлой (съ наговоромъ). Стараются «пропотѣть подъ вѣникомъ въ банѣ» и «пользуются» прочими домашними средствами, какія употребляются при лѣченіи простуды, увѣчья и другихъ болѣзней, которыя сопровождаются колотьями. См. наговоръ № 10.

29. Кости и ихъ болѣзни.

Костяная грыжа. Обозначается общими или мѣстными ломотами въ костяхъ острого или длительного характера; боль бываетъ скрытой и иногда сопровождается открытыми язвами. Мнѣ довелось видѣть женщину изъ деревни Измычуль, у которой на верхней части сустава кисти лѣвой руки была открытая язва; происхождение этой язвы относилось на счетъ костяной грыжи ¹⁾.

Костяной грыжѣ всегда предшествуютъ серьезныя болѣзни общаго характера, каковы, напримѣръ., худая боль, золотуха и нѣкоторыя другія.

Отъ опасной боли, говорятъ всегда «кости болятъ»; если «золотуха стоитъ въ костяхъ», то безпримѣнно ломота слышна въ нихъ».

Лѣчение костяной грыжи общаго характера находится въ тѣсной зависимости большею частью отъ рода болѣзней, производящихъ общія ломоты въ костяхъ.

Костяная грыжа мѣстнаго характера проявляется въ видѣ змѣвца и могильной кости.

Змѣвѣиць. «Онъ заводится въ колѣнкахъ и въ суставахъ пальцевъ рукъ и ногъ; то мѣсто почернѣтъ и возмется нарывомъ; въ немъ слышется (ощущается) токо-токъ, ровно какъ нарывать тѣло», ощущенія невыносимо-рвущихъ коликъ продолжаются, пока «не пропукнѣтъ нарывъ». Если не лѣчишь или запустишь змѣвѣиць, онъ «объѣдаетъ мясо и лушитъ кости»—онъ частями отваливается.

Образование змѣвца объясняется зарожденіемъ въ тѣлѣ человѣка «чervячка» чернаго цвѣта, съ крупной головкой; когда «наткашся скоро на надобье, которо змѣвѣиць не любитъ, чervячекъ выпадать, тутъ-то и увидишь его». Откуда берется этотъ чervячекъ въ тѣлѣ, никто не знаетъ. Нѣкоторое время чervячекъ, будто-бы, ходитъ по тѣлу, а когда настанетъ моментъ выходить ему наружу, спускается въ суставъ конечностей или сползаетъ въ колѣно самъ собой, а то когда нарушатъ его покою ударомъ по пальцу, голени и т. д.

Змѣвѣиць заводится одинаково какъ у взрослыхъ, такъ и у подростковъ съ виду вполне здоровыхъ, могущихъ развѣ сказать, что въ дѣтствѣ или возрастѣ «маялись золотухой», какъ говорятъ. Рыболовы и охотники, какъ люди постоянно имѣющіе дѣло съ «мокрошъ» (водой), чаще другихъ, утверждаютъ, хвораютъ змѣвѣицемъ. Въ Казачинской вол. Енисейскаго окр. мнѣ пришлось слышать, какъ змѣвѣиць одновременно назывался «волоскомъ»; даже лѣчится змѣвѣиць-волосокъ такимъ-же зольнымъ щелокомъ, какъ это дѣлается въ Ужурской вол. при «мокрошъ волосѣ».

Лѣчение. Для скорѣйшаго назрѣванія нарыва прикладываются припарки изъ травы змѣвѣника или привязывается свѣжій калъ свиньи; когда назрѣетъ нарывъ, его поддержать въ кипяткѣ и проколотъ, гной выдавать, ранку прижигаютъ сулею и мышьякомъ.

¹⁾ Повидимому это была костоѣда. Промучась съ годъ, эта женщина умерла.

Могильная кость. «Шпикки нарастають подъ кожей, въ изгибахъ кистей рукъ больше». Могильную кость лѣчать преимущественно лѣкарки.

Шпикки очерчивають (съ наговоромъ) косякъмъ или оборочкой отъ гроба умершаго съ могильною костью. Ал. А—на.

Трутса шпикой (безъ наговора) о скобу церковной двери; мажутъ мѣстомъ перваго ребенка; натирають (съ наговоромъ) землей, принесенной съ погоста отъ могилы того, кто при жизни имѣлъ могильную кость. Н. А—на.

В ы в и х и. Выправляются костоправками.

Предварительно распаривають мѣсто вывиха, поливал теплой водой и намыливая мыломъ, поворачивають слегка и дергають съ силой: «хрустнетъ, сталь, значить, вывихъ на мѣсто». Если пострадавшаго «бьетъ въ ознобъ», то заставляють его выпить рюмки двѣ водки. Снаружи на опухоли, въ видѣ припарокъ, прикладываются мелкая трава или круглый ячмень; опухоли также своей «мочей обсикають».

И з л о м ы к о с т е й. Сперва изломанную кость сложать, вокругъ обложить берестой и забинтуютъ. Внутри дають наваръ мухомора, отваръ козьего корня или воду со стружками старинныхъ пятаковъ, предполагая, что это «спаиваетъ изломанную кость».—Прибѣгаютъ теперь и къ помощи фельдшера.

Л о м о т а — н ы т ь е к о с т е й. Если оно происходитъ послѣ ушиба или перелома костей, или какое часто ощущается въ старческомъ возрастѣ съ наступленіемъ не-настья, призывается неизлѣчимымъ и «утишаетъ нѣсколько съ наступленіемъ ведра», либо отъ натиранья дегтемъ № 79; пьютъ также дорогую траву при нытьѣ костей послѣ опасной боли, сух. волоса.

Н о к т о ѣ д к а (ногтоѣдка). Снаружи прикладываютъ жеваную черемшу, листья бѣлены и лѣпятъ сапожный варъ; имъ «сразу захватишь ногтоѣдку», говоритъ кр. Пр. Машчеровъ. Хорошимъ средствомъ, какъ примочка, считается настойка черкасского табаку.

При соченіи крови изъ-подъ ногти, что происходитъ, можетъ быть, вслѣдствіе ногтоѣдки дѣлають, примочки растворомъ синяго купороса. Ал. А—на.

З у б н о й н о й. Всего чаще на больной зубъ кладутъ березовой деготь, батку изъ трубки, камфару, порошокъ съ печенымъ лукомъ и волчье лыко. При «неутомимомъ ноѣ» садятся надъ «куревами» сѣманъ № 4 и 14; послѣ окуриванья зубная боль «утишатся».—Скютинцы курятъ сусуну повилки.

Считаются излѣчивающими средствами очерчиванья и т. п. манипуляціи, продѣлываемыя лѣкарками во время «отчитыванья» болящаго зуба наговорами. Ал. А—на, напр., придаетъ большое значеніе своему наговору (№ 6) отъ «зубнаго ноа» и той процедурѣ, которую обязательно долженъ выполнять больной, держа въ рукахъ «конску голову-кобылью».

Увидѣвши молодой мѣсяцъ, грызутъ «серебрушку» (серебр. монета)—чтобы «зубы не болѣли».

Среди крестьянскихъ дѣтей Казачинской и Ужурской волостей распространенъ обычай «хоронить» выпавшій или выдернутый зубъ; владѣлецъ зуба становится спиной къ мышинной норкѣ и произноситъ приговоръ слѣдующаго содержания: «на тебѣ, мышка, рѣнный зубъ, а ты дай мнѣ костяной» (до 3 разъ)¹⁾. Послѣ этого выпавшій зубъ или подобіе его, сдѣланное изъ кусочка рѣны, опускается въ мышиную норку, а потерпѣвшій опрочеть возвращается къ матери съ извѣстіемъ, что «похоронилъ рѣнный зубъ!»—и еще разъ услышитъ изъ ея устъ знакомое увѣреніе: «Да, сынокъ, у тебя вырастетъ костяной зубъ и больше не будетъ болѣть!».. Лицо мальчугана прояснится, глазки блеснутъ слезами радости... Черезъ секунду онъ уже беззаботно играетъ съ сверстниками, пока не услышитъ отъ нихъ насмѣшливыхъ возгласовъ: «Ванѣ кобыла зубы выбила!» — Новыя слезы, новое требованіе материнскаго утѣшенія со стороны обиженнаго сына...

¹⁾ Въ Харьковской губерніи этотъ приговоръ имѣетъ нѣсколько иную вариацию. Онъ говорится такъ: «Мышка, мышка! на тебѣ костяной зубъ, а ты дай мнѣ желѣзный».

Скрипъ въ суставахъ оттого ли бываетъ, что разовьется, напр., рука отъ жатъ, либо отчего другаго гѣнится припарками изъ скрипуна.

30. Кровотеченія. Если изъ носу самовольно потечеть кровь, то не оставливаютъ ее—«легче годовѣ будетъ», говорится.—Кровотеченія отъ малыхъ порѣзовъ останавливаются листьями и сокомъ травъ № 3, 126 и 143 и жевкомъ козыаго корня, заливаются березовой настойкой, засыпаются махоркой, землей, а дѣтямъ сахаромъ.

При сильныхъ истеченіяхъ крови, являющихся результатомъ серьезныхъ повреждений, при «залевищахъ» и т. п. кровоизліяніяхъ, бывающихъ у женщинъ, — обращаются къ лѣкаркамъ и бабushкамъ, и рѣдко когда прибѣгаютъ къ помощи фельдшера.

«Шептухи» заговариваютъ кровь, какъ указано, положимъ, В. А.—нытъ въ его «заговорахъ» № 20—21, и останавливаютъ иными, извѣстными только имъ средствами. Женщины ихъ главные пациентки.

Указываютъ на измаденъ и нѣкогорыя другія растенія, какъ не средства, способныя оказывать существенную помощь при внутреннихъ изліяніяхъ крови у женщинъ. (См. женская грыжа).

31. Искусственный вызовъ крови. Съ лѣчебною цѣлью дѣлается путемъ кровопусканія, принятія бапокъ и пьявокъ. Открываніе крови въ разныхъ видахъ составляетъ специальность коноваловъ и евреевъ-поселенцевъ. «Ставить банки» ходитъ также и къ фельдшерамъ.

32. Искусственный вызовъ «красокъ». См. «краски» 6 отд. жен. болѣзней.

33. Кровохарканіе. Когда оно бываетъ вслѣдствіе чахотки или отъ другихъ причинъ происходитъ, то поятъ сахарной водой или отваромъ порѣзной травы.

34. Кровь давитъ. Повторяется ли періодически ломота въ «крыльцахъ» и в поясницѣ, омущается ли тупая головная боль, притупляется ли зрѣніе, маются ли когда чиреями, — все это приписывается «давленью крови». «Кровь давитъ», «худая кровь накопилась по за кожей», — обыкновенно слышишь, когда объясняютъ желаніе открыть себѣ кровь, поставить банки или пьявки.—Эти средства считаются самыми дѣйствительными при всѣхъ перечисленныхъ выше обстоятельствахъ. Наряду съ ними стала входить въ употребленіе кровоочистительная смѣсь № 24 отд. VI. Отъ нея «кровь расшибать», т. е. она освѣжается. Этой смѣси предстоитъ, кажется, вытѣснить собой нынѣшнее кровопусканіе.

35. Мозги править. «Когда ушибешься головой, либо упанешь съ высокаго чего, а то скокнешь неловко, — мозги стрясутся непримѣдно». Сейчас же надо «править мозги». Править можно домашнимъ путемъ, но лучше всего просить объ этомъ лѣкарку, — совѣтуютъ. Эта операція производится по двумъ общепринятымъ шаблонамъ.

а) Пояскомъ или гасничкомъ обводится вокругъ головы, начиная со лба, далѣе по за ушами протягивается и смыкается концами на срединѣ затылка; въ трехъ мѣстахъ на пояскѣ чертятся отмѣтки уголькомъ или мѣломъ: одна намѣчается на той части, что приходится посреди лба, и двѣ другія на обѣихъ косицахъ; смотря къ затымъ, находятса ли черточки на одинаковыхъ промежуткахъ другъ отъ дружки; если которая изъ нихъ (со лба ли къ косицѣ, отъ нея ли къ затылку съ правой или лѣвой стороны) отдѣляется отъ остальныхъ нѣсколько большимъ промежуткомъ, стало быть въ этой части головы «мозгъ шевеленъ»; тогда ударяютъ по ней рукой и довольно таки сильно, такъ что «въ головѣ круженье сдѣлается и одурешь даже». Послѣ этого вловь опоясываютъ голову той же мѣркой, вновь ставятъ черточки, и, если промежутки все еще не одинаковы, опять ударяютъ по головѣ. Такого рода изысканія повторяются до тѣхъ поръ, пока черточки на пояскѣ не раздѣлятъ его собой на четыре равныя части: мозги стали, значитъ, на свое мѣсто.

б) Въмѣсто этой провѣрки нормальнаго положенія мозговъ путемъ причудливаго измѣренія черепа, предлагается держать въ зубахъ сито; по его обичѣю «правельщица» ударяетъ ладонями рукъ разомъ съ двухъ сторонъ. Этотъ ударъ вызываетъ сильное сотрясеніе головы: «по за кожей у него пойдетъ холодна дрожь, изъ глазъ посыпятся искры, въ голову колынетъ и круженіе сдѣлается, зубы разомкнутся сами собой и сито выпанетъ». Правильщица, не давая времени очнуться, заставляетъ въ тотъ же моментъ качнуть смаху головой съ затылка напередъ.

36. Нагноенія—дурь. См. порѣзы.

37. Нарывы. Разрѣшающимъ служитъ пластырь № 69 и большинство наружныхъ средствъ, указанныхъ отчасти въ описаніяхъ золотухи и «грудницы» (жен. болѣзни).

38. Нечаянное укушеніе собакой. На ранки прикладываются листья бѣлены.

39. «Нутро и его болѣзни».

Подъ словомъ «нутро» должно разумѣть животь или брюхо (говорится также) въ совокупности со всѣми его внутренними органами, скрытыми подъ брюшнымъ покровомъ.

«Нутро болитъ», «нутромъ маятся»—выраженія, подъ которыми скрываются многія болѣзненные состоянія живота и его частей, вызываемыя разнообразными причинами.

Въ «Сборникѣ» найдется цѣлая серія «надобій», которыми лѣчатся специально при болѣзняхъ нутра, вотъ они: волосянка, гаснички таежныя, купальница, мята, нутрець, обяхта, одолень, полевая ромашка, винныя ягоды съ горькимъ миндалемъ, стручковый перецъ, троелистку, муравьиный спиртъ и др. Ихъ примѣненіе, однако, слѣдуетъ относить на счетъ болѣе частныхъ заболѣваній нутра. Такъ напр., гаснички таежныя хотя и пьются отъ «нутра», но исключительно «послѣ родинъ», т. е. въ такомъ положеніи, когда женщина можетъ «маяться нутромъ-брюхомъ» и оттого, что прошло «мало родовыхъ кровей», или «долго красовъ нѣтъ», и отъ «золотника» и т. п., что вызывается своими особыми причинами и обладаетъ своими специфическими признаками. Купальницу пьютъ отъ «нутра при надсадѣ», также и нутрець—«при спазмахъ живота отъ надсады»; отъ нея, какъ извѣстно, возникаютъ различные виды женскихъ «болѣтвовъ брюха» и развивается грыжа, которой хвораютъ люди обоюдо пола. При помощи дедукціи специалистъ-медикъ, пожалуй, стумѣетъ добратся, въ данномъ случаѣ, до сути той или иной конкретной болѣзни нутра, укажетъ ея прямую зависимость отъ вполне опредѣленныхъ внутреннихъ или вѣшнихъ причинъ и приведетъ въ непосредственную связь съ относящимися къ ней народными надобьями. Но правильное пониманіе нѣкоторыхъ «нутряныхъ болѣстей» (изъ числа, конечно, серьезныхъ) недоступно для крестьянъ, незнакомыхъ съ построеніями научной медицины насчетъ правильной постановки вопроса «о происхожденіи, причинахъ, сущности и распознаваніи болѣзней вообще» (Андреевскій, стр. 208). Потому то, надо думать, крестьянинъ, говоря о своей «нутряной боли», всегда начинаетъ рѣчь общими фразами, какъ-то: «нутро болитъ», «нутромъ маяюся» и т. д. Къ этому же приему условности прибѣгается обыкновенно и крестьянка, которая часто изъ-за природной стыдливости не рѣшается говорить болѣе откровенно о «болѣткахъ брюха». Созданная ими терминологія «нутряныхъ болѣстей» цѣликомъ перешла, такимъ образомъ, и на лѣчебныя средства, такъ говорятъ: борець—«при давленіи на сердць», волосянка мужская—«отъ нутра», гаснички таежныя—«отъ нутра послѣ родинъ», девятильникъ—«при болѣткахъ у женщинъ», купальница—«отъ нутра при надсадѣ» и т. д.

Къ болѣзнямъ «нутра» относятъ «кумушку на сердць», «желтунцу», «смертну боль», грыжу, «болѣтки брюха» у женщинъ, а также нижеслѣдующія.

Вздутіе живота. Растираютъ животь водкой съ камфарой.

Вѣтры и пученье. Принимаютъ какое либо рвотное или проносное.

Геморой. Предлагаютъ избѣгать спиртныхъ напитковъ, свинины не ѣсть, но пить преимущественно молоко, ѣсть яйца; вообще признается, что лучше употреблять прѣсную пищу. «При давленіи на сердѣ», всегда ощущаемомъ послѣ принятія грубой пищи или работы внаклонъ, «пьешь золу съ водой: вырешь—легче станеть.. тѣмъ только и живу»—говорилъ В. Ананьинъ.

Глизмы. Отъ глистовъ пьютъ конопляное масло или жидкія дрожжи, только «не подъ крышкой, не въ избѣ къ примѣру, а на улкѣ» Н. А.—на.

Бдять цитварное сѣмя съ медомъ; послѣ ѣды ложку надо класть брѣшьемъ вверхъ.—«глизды пойдуть низомъ», иначе—«пойдуть горломъ».

Давленье на сердѣ. «Серцо давить», «серцо жжегъ»¹⁾,—говорятъ еще, жалуясь на давленье въ области желудка, сопровождающееся коликами, запорами и другими желудочными расстройствами.

Когда «давленье на сердѣ» сопровождается тошнотой, пьютъ купоросное масло и острую водку или принимаютъ золу съ водой, чтобы «проблевать».

Отъ «серца» употребляютъ внутрь нав №№ 37, 46 и 142; настойки № 11 (I от.) и №№ 16, 28 и 30 (II от.); водку лютлика, острую водку, нашатырь, сулему и проносныя.

Или ходять къ бабкамъ «править животъ». Тѣ расираютъ животъ. По голому животу больного, лежащаго въ вытянутомъ положеніи, проводятъ ладонями обѣихъ рукъ, обмокнутыхъ въ тепленькой водѣ, слегка пожимая, отъ груди къ пупу, охватывая съ боковъ нижнюю часть живота, отсюда передвигаютъ руки къ верхней и снова начинаютъ отъ груди къ пупку, дѣлая такія манипуляціи въ продолженіе полчаса. вмѣсто этого иногда «накидываютъ горшокъ на животъ». (См. надсада). Х. А.—на.

Зажигать — запоры Употребляютъ внутрь, какъ «проносное» (ослабляющее), коровье и касторовое масла, капустный и огуречный рассолы съ коноплянымъ масломъ; въ старину принимали порошокъ съ дрожлями.

Изжога. Бдять мѣлъ или угли.

Икота. Икота случайная, происходящая послѣ принятія пищи, напр., признается за обыкновенное явленіе, ее даже считаютъ за показателя того, что когда «ичется, стало быть кто-то поминать» (вспоминаетъ).

Если ичуть, какъ «пѣтухъ поеть», и продолжается это безостановочно, иногда со рвотой, то стараются «испугать» ичущаго, заставить повѣрить или сдѣлать то, что въ сущности не требуется; или просто отпиваютъ глотками холодную воду²⁾.

Надсада. Внѣшними причинами обусловливаемое нарушеніе внутреннихъ связокъ живота, вслѣдъ за которымъ, по мнѣнію народа, непременно «пупъ сорвется съ мѣста». «Сорвать пупъ не долго каждому, подыми токо ношу не по силѣ, либо упади съ вышки (чердака), положимъ,—готовъ, на вѣкъ страдалецъ»,—приходилось слышать въ видѣ разъясненій причинъ, вызывающихъ столь печальныя послѣдствія, какія постигаютъ человѣка отъ надсады.

Примѣчаніе редактора. У деревенскаго жителя при его трудовой, тяжелой жизни нѣтъ недостатка въ случаяхъ, когда приходится дѣлать непосильныя напряженія: то надо мѣшки таскать въ амбаръ, то возъ завязъ,—надо его вытащить, то дѣсину навалить и т. д.

Эти чрезмерныя напряженія часто вызываютъ растяженіе связокъ, мышцы, иногда даже истинныя завороты кишекъ, инвазіи и пр.—и все это даетъ поводъ

¹⁾ Здѣсь слово «серцо», которымъ сибиряки обозначаютъ желудокъ, рѣшается писать безъ буквы «д»

²⁾ Когда икота, хотя и слабая, но длительная, то отпиваютъ глотками холодную воду изъ чашечки, поворачивая ее каждый разъ такъ, чтобы выходило крестъ-на-крестъ. Харьк. губ.

сельскому жителю всё подобные случаи заболѣваній отъ чрезмернаго напряженія относить въ рубрику «нажда» и придавать имъ особенно серьезное значеніе.

В. К.

Разъ «сорвешъ пупъ», надлежитъ обратиться за помощью къ бабкѣ, умѣющей «править животъ» и «накидывать на пупъ горшокъ». Последнее производится въ натопленной банѣ или въ избѣ. Пострадавшему или пострадавшей бабка протираетъ предварительно животъ деревяннымъ масломъ или растираетъ до красна одной суконкой, на «пупъ» ставитъ три восковыхъ огарочка, прилѣпленныхъ къ кусочку хлѣбной корочки, зажигаеъ и опрокидываетъ (накидываетъ) надъ ними «кувшинъ или горшечекъ»; онъ присасывается къ животу такъ плотно, что едва оторвешь; больной лежитъ съ нимъ, пока въ состояніи терпѣть (иные по суткамъ вылеживаютъ). Въмѣсто трехъ огарочковъ подъ горшокъ подводится также клочекъ зажженной кудельки, — послѣдствія одинаковыя.

Внутрь дается настойка борца и чечилбухи, водка изъ стародуба, сулема съ водкой, нав. №№ 71, 94, настойка каменнаго звѣробоя и т. д.

Натугъ. Временно ощущается тупая боль въ нижней части живота или въ поясницѣ, когда «поработашъ досыта, понатужись при тасканіи тяжестей» и пр. У женщинъ натугъ можетъ вызвать выпаденіе матки и т. п. «болѣтки брюха».

Править животъ, пьютъ растительныя и другія надобья. А такъ какъ «съ натугу большою кровь давить», то открываютъ кровь, банки ставятъ и пр.

Поносы и боли въ животѣ. Отъ малой боли пьютъ квасъ съ солью; при болѣе сильныхъ, пьется все то, что относится къ «внутру», а также девятильникъ и настойки №№ 14, 15, 23, 30 (II отд.).

Противъ поноса предлагаются отв. №№ 81, 171, нав. №№ 46, 112, 166, 173, татарская бадана и перекипяченный клюкой квасъ.

Потерять вытъ—аппетитъ. Потеря аппетита приписывается вліянію какой либо болѣзни, когда «внутро болитъ, простудится человекъ, въ смертной боли лежитъ» и т. д. Женщина чаще теряетъ вытъ, когда «поноситъ брюхо»; съ окончаніемъ беременности онъ самъ собой возвращается. Вообще же аппетитъ стараются вызвать приемомъ внутрь сбора. № 138.

Рвота. Вызываютъ рвоту приемами внутрь золы съ водой, навару цвѣтковъ чистяка; при отравленіи — парнымъ молокомъ и воднымъ растворомъ синяго купороса.

Остановить рвоту не умѣютъ.

40. Нырокъ? Мазь № 66.

41. Одышка. Смѣшивается чаще всего съ удущемъ и лѣчится, такимъ образомъ, одинаково съ послѣднимъ или какъ простой кашель, пока не убѣдятся, что этими средствами не избавишься отъ одышки.

42. Ожогъ. «Ожоги отъ воды заживаютъ скоро, ожоги отъ огня либо горячаго желѣза не такъ».

Мѣста ожоговъ сейчасъ же торопятся посыпать солью или смачивать ея воднымъ растворомъ; прикладываютъ также осадокъ изъ подъ точила, лѣпятъ веточки съ яичнымъ бѣлкомъ; но лучше бѣлка, говоритъ Ал. А — на, дѣйствуетъ даже при сильныхъ ожогахъ березовый деготь: «красноту сгонять и волдырей не оставлять». Хорошимъ считаютъ вязать капустные листья, тертый картофель, зеленую глину. Однако луговому звѣробою отдается большее предпочтеніе.

Когда образуется на мѣстахъ ожоговъ «короста и долго мокнетъ», то заживаютъ молодыми сливками и коровьимъ масломъ; засыпаютъ крахмаломъ и разнообразными пеплами; ранки залѣчиваютъ спускомъ в) № 68.

43. О з н о б ы (отмораживанія). Они оттираются чѣмънибудь суконнымъ, снѣгомъ,

водкой или спиртомъ съ суконкой. При появленіи на ознобахъ красноты, жара и опухоли, во избѣжаніе образованія язвъ, прикладываютъ соленые огурцы и «жванливу» (жевки) изъ свѣжаго гороха. Ранки отъ ознобовъ заливчаются мозгами сорокъ, гусинымъ жиромъ и свѣженстопленнымъ свинымъ саломъ. Съ этою цѣлью инородцы Казьльской степной думы употребляютъ рысій жиръ.

44. Озѣвы. Выскажетъ ли кто «громко похвалбу чьему-либо здоровью, красотѣ, веселости—озѣвать,—человѣкъ отъ этого разгорить, позѣвать, вить терять и потягота съ нимъ сдѣлается».—Лѣчатъ наговорами и травами одинаково, какъ отъ уроковъ.

45. О п а с н а - х у д а б о л ь (сифились). При опасной боли сперва примуть «сухой паръ» въ банѣ (безъ мытья) и сейчасъ же «салятся на курево изъ киновари» (укрывшись сверху одной только однорядкой), затѣмъ выпиваютъ положенную порцію водки съ сулемой (см. сулема). Надъ киноварью сидѣть заставляется отъ 9 до 12 разъ подрядъ, въ продолженіи столькихъ же дней и съ соблюденіемъ всей послѣдовательности установленнаго порядка лѣченія (при этомъ каждый разъ 3 золот. киновари высыпается въ три приѣма на горячіе угли жаровни). Нѣсколько менѣе показаннаго выше числа разъ «салятся на киноварь» и при болячкѣ носа, что можетъ происходить отъ той же «опасной боли», какъ полагаютъ, и отъ другихъ причинъ.

Кромѣ толочна съ сусломъ ничего не дается ѣсть; свинымъ и красной рыбы должно избѣгать всегда, «такъ, слыкала, сказываютъ люди». Н. А-на.

Для приѣганій язвъ худой боли предназначается мазь № 66.

Случай выздоровленія, будто бы нерѣдки; но бываетъ и такъ, что больной не выдерживаетъ вида такого лѣченія и умираетъ въ самомъ началѣ своего «пользованія».

46. Опухоли. На опухоли, сопровождающія порѣзы вяжется подорожникъ свѣжій или распаренный въ молокѣ, также листья травы № 84.

См. опухоли золотухи, вывиховъ, бока (въ колотяхъ) и др. При отухоли десень сн. винныя ягоды; при ослабленіи ихъ—натиранье квасцами, чеснокомъ.

47. О т е к и. При отекахъ всего тѣла или его частей протираются въ горячо натопленной банѣ (безъ мытья) мазью № 61 или водкой № 84, спиртомъ № 81.

Отекъ глотки (см. горло).

48. О т р а в л е н ь е. «Бѣлены объѣдятся, чечилибухи и филичьей травы обольются, либо другимъ какимъ зельемъ отравятся», то «отпаиваютъ» рвотными (см. рвота) или даютъ проносное. Н. А-на.

49. П е р е п о л о х ъ. Испугъ—притекающій отъ посторонняго крика, удара грома, нападенія животнаго, отъ неприятнаго извѣстія и т. п. вѣдшихъ причинъ.

См. наговоры №№ 1, 10 и 30.

50. П о р ѣ з ы. Чѣмъ удалось остановить течь крови (см. кровотеченіе), то и остается иногда на порѣзахъ до полного заживленія; такъ поступаютъ, конечно, когда послѣдніе легки по формѣ или извѣстно, что присохнувшее къ нимъ вещество не вызоветъ «дури» (загноенія). Въ серьезныхъ случаяхъ придерживаются правила удалить первое кровоостанавливающее средство, вмѣстѣ съ «накипѣвшею» вокругъ порѣза кровью, путемъ простаго омовенія теплойкой водой или настоємъ березовой мочки. Судя по величинѣ и общему состоянію порѣза рѣшаютъ, пролужать-ли прикладыванье подорожника, бархатинника и т. п. легкихъ и болѣе или менѣе извѣстныхъ каждому надобьевъ, или слѣдуетъ замѣнить болѣе острымъ или сложнымъ веществомъ (см. раны).

«Не у кажнаго тѣло любить одно и то же надобье»—говорится.

«У золотушныхъ долше не заживать порѣзъ либо чево друго».

«Порѣжеш ли тѣло серпомъ, пилой, спибиеш ли или разореш чѣмъ тупымъ,—то мѣсто чаще дурить (гноится) и не скоро заживаетъ».

Но еще чаще бываетъ, что отъ дурнаго присмотра и несоотвѣтствующихъ наружныхъ средствъ порѣзъ, допустимъ, беретъ «дурью» (гноемъ) и превращается въ злобачесвенную рану.

При загноеніи порѣзовъ, спибленныхъ мѣсть, проломовъ и т. п. дѣлаютъ

также примочки настойкой № 6, вяжут подорожникъ, сорокоприточную траву, столѣтникъ; прикладываютъ спускъ а) № 68 и дѣпятъ пихтовую сѣру; она признается между прочимъ, присковыми рабочими самымъ лучшимъ пластыремъ: отъ нея, будто, каждое пораненіе «не дуритъ» и скоро заживаетъ.

51. Порча. Порча,—какъ слѣдствіе злаго дѣянія «недобраго человѣка»,—проявляется, по мнѣнію народа, въ видѣ разстройства здоровья, намѣненія къ худшему душевнаго состоянія и т. п.

Въ основаніи порчи всегда лежитъ, какъ утверждается, преднамѣренность, которая вытекаетъ, 1) —изъ личнаго недоброжелательства «недобраго человѣка» въ отношеніи ближняго, навлекшаго на себя, вольно или неволью, ихъ гнѣвъ, или 2) —изъ корыстлюбивыхъ побужденій такого же «знаткаго», который, прельстясь вознагражденіемъ, рѣшается «напустить порчу» на указаннаго человѣка или на его животнаго; другому общаетъ присушить любимую имъ дѣвушку или извести тоской надсмѣившагося надъ ней и проч.

Трудно прослѣдить, говорятъ, чѣмъ и какъ, въ какое даже время «напустить на тебя порчу», такъ какъ это наущеніе дѣлается тайно и можетъ передаваться «по вѣтру», силою одного только наговора (см. присушка №27) и прочими таинственными ухищреніями... Вылѣчить отъ порчи, какъ напр. «хомута» «тоски» и проч., могутъ только «таки же знатки люди», которыхъ съумѣешь расположить въ свою пользу. Лѣчатъ какъ бы отъ уроковъ, отпаиваютъ травами, очерчиваютъ и придумываютъ «всяки-то отвороты» (см. отворотъ №28).

52. Пролезни. Легкіе виды пролезней залѣчиваются однимъ лишь свѣчнымъ саломъ; въ тяжкихъ случаяхъ мазью № 60.

53. Простуда.

При легкой формѣ простуды, когда «человѣкъ прискудятся» только, натираются (въ истопленной банѣ или избѣ) уксуомъ съ горчицей, рѣдечнымъ сокомъ съ водкой или чеснокомъ; къ подошвамъ ногъ вяжутъ свѣчное сало и ставятъ горчичники; внутрь принимаютъ, какъ потогонное, мату, малину, и желтую ромашку. При сильной простудѣ пьютъ настойки калгана и филичей травы. Въ свою очередь присковыя рабочіе употребляютъ внутрь пихтовый спиртъ и парятся въ банѣ пихтовыми вѣнками.

Горячка. Въ самомъ началѣ «захватываютъ» ее натираниями тѣла спиртомъ или скипидаромъ (что вошло въ употребленіе съ появленіемъ фельдшера); парятъ больныхъ также въ жаркихъ баняхъ или заставляютъ «потѣть» подъ одеждой. Когда

Сводитъ ноги, что «случается часто послѣ горячки», примѣняютъ паровыя ванны № 185.

Вѣтренный переломъ. «Простуда бываетъ и оттого, что побережешься, тебя и охватитъ вѣтромъ»... Отсюда нѣкоторыя простуныя заболѣванія именуются просто «вѣтрянымъ переломомъ». Онъ сопровождается ревматическими ломотами, которая ощущаются въ поясницѣ, конечностяхъ, головѣ, груди, колотьями въ боку. Отъ «вѣтрянаго перелому» случается «забрусенье груди» у женщинъ, вымени у коровы и другихъ животныхъ. Лѣченіе см. по каждому изъ этихъ случаевъ.

Ломота. Если ломить все тѣло и это происходитъ отъ простуды,—«вѣтрянаго перелому»,—то, прогрѣвшись въ «сухомъ пару» жаркой бани, намазываются острой водкой, керасиномъ, сокомъ крапивы (можно послѣ мытья) и парятся приготовленными изъ нея вѣнками; принимаютъ ванны изъ сѣнной трухи; натираются мовгами № 22.

Ломота въ конечностяхъ. Руки и ноги погрѣваютъ паровыми ваннами изъ растений №№ 96, 134, 147 или прикладываютъ припарки изъ нихъ же; готовить натираніе изъ чернобильника съ камфарой; втираютъ водку купальницы. Л. Сургутская (лѣварка) «пользуется» натираниями медвѣжьего жира.

Ломота въ поясницѣ. «Бываетъ, что вдругъ какъ-то отыметъ поясница,

словно пересѣчеть ее, ни ходить тебѣ, ни нагнуться, такъ и затычеть, по всей спинѣ колотья пойдуть» (Прок. Мамизеровъ), то постушаютъ, какъ при общей комотѣ или

Рубятъ спину, что дѣлають лѣкарки. При этомъ больного положить на порогъ притвора, а на открытую спину нѣсколько щепочекъ: на нихъ то и «рубятъ» ножомъ или топоромъ пруточка три, выдернутыхъ изъ голпка, и читается наговоръ отъ «ломотища» (см. наговоръ № 10). Такого рода «рубкой спины» занимается М. Р. Ананьина. (См. кровь давать).

Простуда легкихъ. Бываетъ послѣ простуды и выражается сильнымъ удущемъ, кашлемъ, болью и стѣсненіемъ въ груди. Бываетъ жаръ и бессонница. Лѣчатъ порамъ (отваръ богородской травы), даютъ чичлибуху съ квасомъ.

Кашель. Пьютъ настойки №№ 9, 13, 14, 25 (II отд.) и нав. №№ 10, 92, 122 (I отд.). При сухомъ кашлѣ, говоритъ Пр. А-на, хорошо пить наваръ порѣзной травы. Въ старину курили (и по нынѣ продолжаютъ) дудки конопля, жалицы большой и синюю сахарную бумагу.

Колотья (простудная). Въ боку если слышно, то постушаютъ какъ указано въ «колотьяхъ», и втираютъ сулему, сбиваемую съ яичнымъ бѣлкомъ (съ кончика ножа на яичко). Когда въ «груди колотье стоитъ», то пьютъ грудной чай, натираютъ грудь свѣчнымъ саломъ, мозгами № 22.

Насмока (насморкъ). Носъ смазываютъ свѣчнымъ саломъ; нюхаютъ потныя стельки, онучи; прежде «садились на сѣрянки».

Удушье. Крестьяне, страдающіе удущемъ, пьютъ отв. № 34, настой № 130, настойку калгана, инбиря и большинство средствъ, употребляемыхъ отъ кашля.

54. Раны. Слово «рана» извѣстно сибиряку; этому слову придаютъ общее значеніе, подводя подъ него какъ болѣе или менѣе глубокіе слѣды, остающіеся на тѣлѣ вслѣдствіе порѣза, пролома и т. п. внѣшнихъ случаевъ пораненій, такъ и тѣ виды пораненій, которыя, будучи въ началѣ маловажными, слѣдвали злокачественными, потому что этому благопріятствовали извѣстныя условія¹⁾.

Лѣченіе чистыхъ ранъ отчасти видно изъ текста—о порѣзахъ. Недоброкачественныя раны заливаютъ горячо растопленнымъ соленымъ свинымъ саломъ и прижигаютъ тою-же мазью, что употребляется отъ зуда (№ 57). Черви изъ ранъ выводятъ скипидаромъ или присыпками толченыхъ корней черемицы и прикрыта.

О ранкахъ и ранахъ отъ ожоговъ, послѣ занозъ, отъ нечаяннаго укуса собаки, отъ укушенія бѣшенымъ животнымъ, зѣи—см. по соответствующимъ текстамъ.

55 Рожь. Красное сукно, натертое (съ наговоромъ) мѣломъ, подогрѣвается слегка и тепленькимъ прикладывается на рожу; опухоль очерчивается съ наговоромъ же.

Лѣченіемъ рожки занимается старая дѣва Ал. Вас. Ананьина.

56. Смѣртна боль. Такъ называется водянка, потому что медицинскія средства, какими располагаетъ крестьянство, оказываются неэффективными противъ нея. Кто заболѣетъ ею (особенно въ старину), тотъ считается обыкновенно не жиль-

¹⁾ Когда употребишь, бывало, въ разговорѣ слово «рана», то приходилось слышать со стороны шутивый переговоръ,—«не рано, а поздно».—Сами ужурцы избѣгаютъ произносить это слово, можетъ быть, изъ-за нежеланія, быть «поднятымъ на смѣшки» ради нѣкотораго созвучія его съ подходящимъ нарѣчіемъ—«рано»; или, можетъ статься, въ силу свойственной вообще крестьянамъ привычки вдаваться въ подробности при передачѣ видѣнныхъ или слышанныхъ происшествій. Если спросить любого изъ нихъ, отчего у него рука или палецъ завязаны? Онъ непременно отвѣтитъ, что «рука болитъ», «палецъ болитъ». А что? «Порѣзалъ, дескать, козлянки шибъ, напоролся»... Далѣе, не ожидая, болѣею частью, детальныхъ распросовъ, расскажетъ, какъ это случилось, когда, при комъ и какихъ размѣровъ порѣзъ и т. п.

домъ на бѣломъ свѣтѣ.—«Чего дѣлать-то? Онъ, молю, въ смѣртной боли лежитъ»,—сокрушено говорится. «Какой я ужъ жилецъ!»—повторяетъ за окружающими самъ больной, проникнутый одною съ ними безнадежностью. Наконецъ, предоставленный самому себѣ, онъ какъ-то окончателно стихаетъ въ ожиданіи «смѣрнаго часу», изрѣдка жалуясь на то, что тотъ не спѣшитъ прибрать никому ненужный полугрушъ.

Такъ было, напр., съ женой ужурскаго крестьянина Прохора Ананьина, которая хворала брюшной водянкой... Тяжело было видѣть эту страдальцу, мать пятерыхъ дѣтей, которая по своему положенію жены зажиточнаго крестьянина, имѣющаго большой домашній «заворотъ» (хозяйство), обязана была (пока хватило силъ) выполнять всѣ домашнія работы. Раздраженный ея болѣзнію мужъ то и дѣло восклидалъ: «Коптишь токо нѣбо! Умирала-бы»... «Хозяйство вѣдь у меня, а она какая ужъ помощница»,—виновато добавлялъ онъ на замѣчаніе посторонняго.

— Чѣмъ же виновата я?—только и скажетъ, бывало, больная.

Да и виноваты-ли оба?—Послѣ смерти она почернѣла и распухла. Едва нашлась сердобольная старушка, которая взялась «обрядить» умершую. Это была «бабушка (Дѣмиха)» (Кожорина).

Противъ наружныхъ опухолей при водянкѣ дѣйствуютъ мазью № 53.

При брюшной водянкѣ, будто бы, помогаетъ масло грибовъ № 35. Вообще пьютъ кровавикъ съ водкой, молоко и сыворотку. Теперь обращаются также за помощью къ доктору.

57. Сохнетъ и трескается кожа на рукахъ. См. припарки изъ бархатника.

58. Страхи. «Повидится что въ снѣ либо на яву, чего испужашься, такъ нападетъ на тебя «страхъ»: куда не пойдешь, все будетъ чудиться чужой голосъ, либо преставленья всяки дѣлаться» Ужурская волость. Дѣлать наговорами (См. №№ 1, 10).

59. Струнья. См. оспа, золотуха, ожог.

60. Сухой надавъ (мозоли). «На рукѣ натрется мозоль, проколишь острымъ чѣмъ, выдавишь воду, онъ и засохнетъ; кожу только не сдирай—дурѣть будетъ» Ужурская волость.

Сухіе мозоли на рукахъ считаются въ крестьянствѣ лучшимъ доказательствомъ «рабочаго человѣка», и потому остаются до самой смерти работника.

Сухіе надавы на ногахъ, распаривъ въ кипяткѣ, вырываютъ, вырѣзываютъ или выжигаютъ ѣдкими веществами.

61. Сыпи.

Восца. «Сперва зудъ бываетъ на нижнихъ частяхъ рукъ или ногъ, потомъ короста наростать. Дѣлается оттого, что станешь босою ногой, либо возьмешься рукой за то мѣсто, гдѣ вертѣли веретешко либо ухватъ». Ужур. вол.

Восцу прижигаютъ нагрѣтой пяткой веретешка и нагрѣтымъ обрубочкомъ мезалаго тальника.

Если восца появится у женщины, дѣвочки-ли, то водятъ въ свиной котухъ (хлѣвъ) и ставятъ на то мѣсто, гдѣ помочится свинья.

Заѣды. Короста въ углахъ губъ (афта). Думаютъ, что заводится отъ нечистаго содержанія рта и губъ. Вытравливаются прикладываніемъ соли, смоченной слюной.

Зудъ. Бываетъ какъ слѣдствіе восцы, чесотки, имѣнія плещицъ. Зудяція мѣста смазываются мазями № 57.

Короста. См. мазь е) № 65.

Летучій огонь. Причиняется огнимвъ, какъ это дѣлаетъ Ал. А-на (наговоръ № 7) или указываетъ Ос. К-въ (наговоръ № 18).

Лихіе пальцы. Такъ называетъ Ал. Т-ва извѣстную среди ужурцевъ расперстицу.

«Отъ привязанной лягуши, говоритъ она, жаръ утолятся и ломота утишатъ». Далѣе изъ указанныхъ ею средствъ лѣченія лихихъ пальцевъ слѣдуетъ отмѣтить мазь № 58 и щелокъ, приготовляющійся по способу, указанному въ № 67, I от. Сборника.

«Я 25 недѣль маялась лихими пальцами и этимъ щелокомъ въ недѣлю заживила»,—добавила въ заключеніе Т-ва.

Лишай. «Если станешь на кружокъ, оставшійся отъ мокрой кадочки или ведра—получишь лишай». Ужурск. вол.

Лишай относится къ «переходчивымъ» (заразнымъ) боляшъ, какими бываютъ большинство сыпей; онъ признается только въ двухъ видахъ.

Мокрый лишай. Лѣчится наружными: мазью № 89, дегтемъ № 78, водой № 14 (VIII отд.), водой изъ подъ мокрой чашки, стакана, потомъ съ кона, остаткомъ изъ - подъ точила, чернилами; іодомъ стали прижигать; обращаются иногда къ фельдшеру.

Сухой лишай. Имѣющихъ его водятъ въ свиной котухъ, берутъ изъ-подъ спящихъ свиней солому и ею проводятъ нѣсколько разъ по лишаю (безъ всякаго наговора),—«пройдетъ лишай», говоритъ Ал. Т-ва.

Мажутъ овечьей сцяпой.

Призоры. «Красны пятна на лицѣ» (мятеусы). Появленіе ихъ приписывается «людскому напуску» (напущено, моль) и т. п.

Мажутъ пятна потомъ съ овна, масломъ и мыломъ (съ наговоромъ).

Прищи. Отдѣльные прыщики скоро присыхаютъ, если прикладывать нагрѣтую отымалку.

Расперстица. Въ кисти руки, говорятъ, ощущается жаръ и ломота; кожа между пальцами краснѣетъ, становится потомъ припухлою, съ замѣтными неровностями въ видѣ водянистыхъ волдыриковъ, которые лопаются и истекаютъ гноемъ, имѣющимъ непріятный запахъ; волдырики передвигаются отъ пальцевъ вдоль руки и оставляютъ послѣ себя злокачественные струща, вмѣсто разрушенныхъ частей ткани.

Если сразу обратить вниманіе, можно вылѣчиться отъ расперстицы землей. Ее берутъ промежъ кольевъ остожья, смѣшиваютъ съ дрожжами и прикладываютъ снаружи. Зная относящійся сюда наговоръ, можно значительно усилить хорошее дѣйствіе такой земли на расперстицу. (?) Н. А-на.

Лѣпятъ также деготь, сочащійся изъ скважинъ ступицы колеса.

См. лихіе пальцы.

Чесотка. Помогаютъ наружныя: мази—а, b, c, d № 65, груздяной рассоль и наваръ лютика, также «наземная вода» (VIII отд.).

62. Тронуться умомъ (помѣшательство). При буйномъ помѣшательствѣ, если оно не смѣнится тихимъ, не закончится скорою смертью, больного держать на цѣпи.

При тихомъ помѣшательствѣ пробуютъ отчитывать наговорами и отпаивать травами. Такъ, напр., ужурская жительница Добровольская указывала Ал. Ананьиной на «бѣлоголовникъ изъ подъ сѣнга», отъ наvara котораго у ея невѣстки, сградившей тихимъ помѣшательствомъ, будто-бы, «шумъ утишалъ въ головѣ и мысли становились ясныѣ». Затѣмъ, если «свои средства» не улучшатъ умственное состояніе такого «тронувшагося умомъ», на него перестаютъ обращать вниманіе. Онъ переходитъ въ разрядъ «дурачковъ» и оставляется на волѣ, въ кругу своей семьи, кормясь остатками обѣдовъ и донашивая обноски одеждъ своихъ домочадцевъ.

63. Убожество. Этимъ терминомъ народъ обозначаетъ существующіе виды виѣшнихъ и внутреннихъ органическихъ недостатковъ человѣка, относя сюда «тронувшихся умомъ» (тихо помѣшанныхъ), отъ природы «недостаточныхъ умомъ»

(юридивые), «слѣпыхъ», «увѣчныхъ», «культяпыхъ» и т. п. калѣвъ, кто имѣлъ несчастье сдѣлаться таковымъ уже въ пзвѣстный періодъ своей жизни.

64. У в ѣ ч ѣ я и у ш и б ы. «Конь ли ушибеть, внутри ровно что оборвется» и т. п. случайныя нарушенія здоровья отъ насильственныхъ внѣшнихъ причинъ—правятся и лѣчатся своими «духоторами».

Дается внутрь кровавикъ съ водой или водкой—«кровь расшибать», настойка каменнаго звѣробоя, наваръ уразной травы. При опухолахъ снаружи мать-мачиха, подорожникъ, припарка изъ травы № 85, настойка березовой почки.

65. У г а р ь. Сильно угорѣвшихъ «отрясають», поить усиленно чаемъ, въ уши владуть ягоды свѣжей клюквы. Слабо угорѣвшіе не принимаютъ большею частью никакихъ мѣръ—«отлежишься, молъ, только».

66. Укушеніе дурной собаки, волка и т. п. животного. Въ такомъ случаѣ родственники или знакомые укушеннаго «ходятъ по міру и собирають ради Христа 40 кусочковъ», которыми кормятъ больнаго; либо такимъ же путемъ набирають 40 иголокъ, опускають въ воду (съ наговоромъ) и поить ею.

Въ деревняхъ Больше-Имьшенской и Сютинѣ въ большемъ употребленіи травы №№ 104 и 105. Своими лѣкарственными свойствами, какъ утверждаютъ, онѣ парализуютъ дѣйствіе яда бѣшеныхъ животныхъ.

Раны прижигаютъ горячимъ желѣзомъ.

67. Укушеніе змѣи. Предполагается, что змѣя—«гадъ»,—ужаливъ кого-нибудь, тотчасъ же «бѣжить въ воду, жало полоскать». И вотъ, если успѣешь попасть въ воду ранѣе гада, дѣйствіе ея яда приостановится само собой—«гадина же пропадетъ».

Стараются убить укусившую гадину, а получившееся отъ нея «мокрецо» прикладываютъ къ ранкѣ. Прижигаютъ горячимъ желѣзомъ. Употребляютъ внутрь и снаружи траву змѣевикъ.

Очень часто можно услышать отъ крестьянъ утвержденіе, что змѣи нерѣдко «заползають въ нутро человѣка», особенно, если онѣ имѣють привычку спать съ открытымъ ртомъ. Въ такихъ разсказахъ почему-то всегда фигурируетъ женскій полъ; съ нимъ какъ-то чаще происходятъ подобныя невѣроятныя событія. (Истерія, пр. ред.)

Проглотившихъ змѣю слѣдуетъ тотчасъ же, не говоря о томъ ни слова, поить мочей сильно перепеченной лошади (обязательно вспотить) или везти домой. Жарко ватопить баню. Увести туда. «Наздавать пару», чтобы «смогчи только вытерпѣть». Заставить во что бы то ни стало пропотѣть какъ слѣдуетъ и тутъ же выпить сколько-то березоваго дегтя или парнаго молока,—«гадина выползетъ изъ нутра».

Вообще же, чтобы избавиться отъ подобнаго несчастья или укушенія змѣи, слѣдуетъ, ложась спать, обвести вокругъ ложа «волосынымъ ужищемъ»: змѣя не любитъ его и не приблизится къ тебѣ» Ос. Клейменовъ.

«Змѣи отдаляются отъ мѣста (балагана, напр.), гдѣ хотя одну изъ нихъ живьемъ сожгутъ», Ужурск. вол.

68. У р о д с т в о. Не приходилось какъ-то видѣть интересныхъ случаевъ уродства.

69. У р о к и. Неудача въ дѣлахъ, поѣздкѣ и т. п., появленіе призывовъ на лицѣ, младенческое, бессонница и многое другое, общее недомоганіе, отчасти сходное съ состояніемъ нездоровья отъ «озѣва» и совпадающее съ моментомъ столкновенія съ «недобрымъ чедовѣкомъ»,—объясняются довольно простою и потому всеѣмъ понятною причинностью, гдѣмъ что «щурочили» и т. п.

Эта предубѣжденность народа противъ такъ называемыхъ «недобрыхъ людей» и вѣра въ ихъ неотвратимо злою волю, все и вся урочашую, ытекають, мнѣ думается (можетъ также просто, какъ и самому народу?) изъ извѣстнаго состоянія мнительности, какою бывають одержимы нѣкоторыя натуры, какая обусловливается слишкомъ развитымъ воображеніемъ и излишней раздражительностью мозговыхъ нервовъ.

Мнѣ лично приходится наблюдать подходящій типъ дѣвочки, одержимой въ достаточной степени такого рода мнительностью, — «урочливостью», какъ объясняетъ ея мать предрасположеніе своей дочери «хворать съ каждымъ».

70. Цвѣтъ-свѣтъ. Цвѣтъ и свѣтъ синонимы. Произношеніе ихъ зависитъ отъ выговора.

Цвѣтной, свѣтной — иначе припадошной говорятся и въ томъ случаѣ, когда цвѣтъ является застарѣлой, хронической болѣзью — падучей — съ періодически повторяющимися припадками, и тогда, если ребенокъ или взрослый подвержены бываютъ подобнымъ припадкамъ спорадически подъ вліяніемъ момента испуга, дурнаго извѣстія, чрезвычайныхъ обстоятельствъ и т. п.

«Цвѣтъ бѣтъ» — «свѣтъ бѣтъ» — выраженія, обозначающія собственно припадки падучей, родимчика. «Свѣтъ бѣтъ» младенца, что случается въ зависимости отъ родимчика — младенческаго, кочергушки. «Цвѣтъ бѣтъ» беременную и родильницу когда «испужатся, либо бередятъ брюхо». «Цвѣтъ бѣтъ» вообще взрослыхъ при падучей, происхождение которой приписываетъ «порчѣ» и пьянству.

Въ началѣ развитія падучей, какъ и въ прочихъ случаяхъ разнообразнаго проявленія «цвѣта», отпаиваютъ травами съ подобающими наговорами, принаровленными къ тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ, которыя вызвали собой припадокъ (напр., урокъ, порча и т.п.). Такъ даютъ внутрь плакунъ всѣхъ трехъ сортовъ и кормятъ сабуромъ, поятъ отваромъ № 23, наваромъ №№ 30, 42, 62, сборомъ № 139, настойкой арцы и окуриваютъ ею. Если припадки переходятъ въ хроническіе, то всякое лѣченіе считается безуспѣшнымъ и больной оставляется въ покоѣ.

71. Цынга. При ней усиленно ѣдятъ лукъ, чеснокъ и черемшу. Предупреждающими средствами будутъ отчасти большинство «сѣдобныхъ» растений.

«Бергалы», или иначе присковые рабочіе сосѣдней тайги, лѣчатся отъ цынг пихтовымъ спиртомъ, частыми приемами бань, паровыхъ ваннъ изъ пихты и т. п., «лишь бы пробиться до времени появленія черемши». Съ нею и самое лѣченіе подвигается быстрѣе и почти всегда заканчивается полнымъ выздоровленіемъ. Рассказывали рабочіе, что «безнадежно больныхъ цынгой присковья компаніи Ачинской тайги обыкновенно вывозятъ непосредственно на мѣста произрастанія черемши. Тамъ, въ сколоченныхъ на скорую руку шалашахъ, съ небольшимъ запасомъ хлѣба, безъ призора и ухода, больные, ползая изъ «четверенькахъ», собираютъ черемшу и ѣдятъ «безутышно». Такимъ путемъ зачастую «выхаживаются» (выздоровливаютъ), затѣмъ возвращаются, уже стоя на ногахъ, къ своимъ хозяевамъ или расходятся по домамъ».

72. Чахотка. Пьютъ яманье молоко и парное коровье, причѣмъ слѣдуетъ, говорить Ал. А-на, «подойвъ корову, немного погоды идти доить опять и уже молокомъ послѣдняго удоя пользоваться чахоточныхъ».

Кумысъ, «грибки въ бутылкахъ» (должно быть изъ аптеки) пьютъ въ нашемъ мѣстѣ, говоритъ Л. Кокорина. Особо она рекомендуетъ поить спиртовой настойкой дорогой травы.

«Ею поила я чахоточнаго, хворавшаго уже семь лѣтъ; отъ нея скоро уничтожилась кровавая харкотина и стало позывать на ѣду, такъ что сѣдалъ, бывало, по горшечку молочной кашки (изъ гречихи и проса варила) .. Все же умеръ».

Какъ отхаркивающее рекомендуется сахарная вода.

Ѧда должна быть всегда прѣсная.

Болѣзнь относится къ разнымъ.

73. Шипица. «Наростаетъ отъ занозы въ тѣло иглы шипишнаго цвѣта».

Шипицу выжигаютъ. Замѣтивъ первую появившуюся шипицу, втыкаютъ въ нею остріемъ булавку, предварительно нагрѣтую на свѣчи или уголькахъ: «шипица почернѣетъ и засохнетъ, съ нею и остальные засохнутъ». Н. А-на.

Примѣняется также острая водка, сѣра горючая, которая зажигается на «раскопанной» чѣмъ острымъ шипицѣ.

74. Язва. «Язва», «язви тебя» — обще-сибирскія ругательства.

Подъ словомъ язва разужють гнойные провалы, образующіеся на тѣлѣ самостоятельнымъ путемъ, которые «мясо объѣдаютъ и кости лущатъ».

Къ язвамъ самостоятельнаго происхожденія относятся: язвы опасной боли, язвы на грудяхъ, язвы мократа волоса, костная язва. змѣевца, золотушныя язвы.

Лѣченія см. по соответствующимъ текстамъ.

75. Языкъ болитъ. Смазываютъ посредствомъ перышка мазью № 64.

При худой боли употребляютъ мазь № 66.

ОТДѢЛЪ II.

Народное акушерство.

(Указанія Ал. Аф. Ананьиной) ¹⁾.

Не мудрено, что ты вьнешь до времени,
Все выносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!

Некрасовъ.

I. Роженье.

Поносить брюхо. У беременныхъ бываютъ прихоти въ пищѣ. Кто мясо перестаетъ есть, кто рыбы желать либо чего другаго. Ежели не по желудку съестъ въ это время, случатся рвота и круженье въ головѣ. Тогда сказываютъ, что така-то, вотъ, поносить брюхо.

Поносить брюхо начинаютъ разное: инымъ случатся на 1-мъ мѣсяцу беременности, други на 2-мъ, либо на третьемъ мѣсяцу поносятъ. Ины вовсе не поносятъ брюха.

Котора баба прихотничать начинать, стало быть она забеременила.

Когда въ тяжестяхъ (беременной) похудать сильно, ожидать надо, сказываютъ, мальчика; при средственной худобѣ ея, —родится, будто, дѣвочка.

Какъ узнать время роженья? Наши бабы сами не знаютъ время, когда имъ родить. Которы не поносятъ брюха, даже не чувствуютъ часто своей беременности до той поры, пока не укажетъ на это грудно дитѣ: оно само бросать тогда сосать грудь. Ины, особливо у кого брюхо не растеть какъ-то, такъ и проходятъ до самаго послѣду, когда ужъ станутъ взнимать муки.

Бабушки тоже не могутъ узнать время роженья. Ихъ зовутъ уже тогда, когда станетъ брюхо взнимать, роженница почувствовать муки. Бабушка приходитъ и править животь. Если котора видитъ, что робенокъ повернулся въ утробѣ, либо спустился въ паха, та растирать животь и даетъ питье изъ травы чирь: отъ него робенокъ подыматся кверху.

Роды не равны бывають. Одна обмирать при этомъ, у другой голову обнести, —все зависитъ отъ младенца. Родить намъ приходится стючи на ногахъ или на колѣняхъ. Той женщицѣ, у которой голову обнести (кружится голова), трудно родить: ей ложиться надо; а лежа у насъ никогда не родятъ, —считатся болѣе тяже-

¹⁾ Указанія эти, составляя собой сущность всего II и III. отд., переданы въ дословномъ изложеніи Ананьиной. Мѣстами они снабжены моими поясненіями и заключительными словами, которыя отдѣлены отъ текстовъ особыми линіями.

лымъ дѣломъ. Бабушки заставляютъ ходить, пока взимають муки; а приспѣтъ часъ родить, заставляютъ держаться за стулъ, за заборъ печки, либо за друго чего. Какъ стояшь на ногахъ или на колѣняхъ, такъ Богъ и проститъ,—родишь.

Покуда муки взимають, бабушка намыленными руками растирать животъ и бока. Когда покажется пузырь, она прощипать его и младенца принимать на руки: стояшь, вѣдь, на голомъ полу; успѣшь подослать каку тряпицу—хорошо, а то и такъ ладно; не всяка бабка позаботится объ этомъ.

Подмывать передъ роженемъ, какъ это дѣлать кушерка (акушерка), никогда не стануть: это значило бы галиться (сжѣться) надъ роженницей.

Меня какъ стало взнимать (ходила тогда малой дѣвчушкой), я принялась подмывать ноль, сѣдницы двѣ насыла муки: Богъ простилъ—легко. Такъ и бабушки совѣтують дѣлать.

Если Богъ не дастъ скоро. Когда долго муки идутъ, шибко брюхо вздымать, а младенца все нѣтъ, бабушки заставляютъ ходить по избѣ, трутъ животъ, подымають кверху младенца, для чего пальцами обвихъ рукъ сильно поглаживаютъ по брюху, начиная пониже пупа; поятъ покупной гвоздичкой, спориной и воробьинымъ сѣменемъ кормить, парятъ и правятъ въ банѣ ¹⁾. Ежели ничего не помогаютъ, зажигаютъ страстны или вѣнчалны свѣчи, просятъ отворить царски врата, молебны служать. Кто трудно родить, все равно что помирать; роженница въ такомъ случаѣ прощатся съ мужемъ, дѣтьми и родней.

Мужъ, если случится дома, иногда находится при роженницѣ и помогаетъ ей самъ или вмѣстѣ съ бабушкой. При трудномъ роженнѣ ему безпримѣнно надо быть дома, чтобъ проститься съ женой, или лежать въ то время, когда жену заставляютъ перешагивать черезъ его ноги. Въ такомъ случаѣ его отрываютъ даже отъ полевыхъ работъ.

Мужа тяжелого для роженнѣ, который какъ-бы дѣлать покоя труднымъ, либо портить роженницу и новорожденного, устраняють отъ родильницы, а то и вовсе отъ дому усылають. Проститься же допускають.

Если женщинѣ приспѣтъ часъ родить, и вѣсть о томъ сейчасъ разнесутъ по сусѣдямъ,—она трудно родитъ, долго муки идутъ, покоя трудный бывать. Отъ этого намъ слѣдуетъ удалиться куда-нибудь, сказавшись матери, либо кому другому близкому, кто не разболтаетъ.

И на самомъ дѣлѣ роженницы уходятъ родить въ особую комнату, баню, хлѣвъ, словомъ, въ какое либо отдѣльное помѣщеніе, слѣдуя приблизительно слѣдующимъ обычнымъ положеніямъ. Во 1-хъ) чтобы предупредить возможность преждевременной огласки предстоящихъ родинъ: «меньше народу знать, говорится, легче родить, больше узнать, не скоро Богъ проститъ». Во 2-хъ) «стыдно людей, особливо мужиковъ и дѣвицъ (дѣвчушкамъ, ины думаютъ, и не слѣдуетъ знать, что ожидать ихъ въ женахъ)—говорить Ананьина); «отъ бабъ—на что своя сестра—и то подчасъ уходишь, чтобы меньше было свидѣтелей твоихъ мукъ, особливо при первыхъ родахъ», когда большинство молодыхъ родильницъ, не успѣвъ еще освоиться съ тѣмъ, что происходитъ съ ними во время родовъ, «самихъ себя боятся». Въ 3-хъ) «чтобы избѣжать самой и сберечь свое дите отъ худого глазу урочливаго человѣка, который, извѣстно, ни за что испортитъ мать и новорожденного». Въ 4-хъ) «чтобы не марать въ избѣ» и т. д.

«Въ банѣ, особенно черной и престоленной къ тому же, трудно родить, но при долгихъ мукахъ бабушки нарочно топятъ ее, парятъ и правятъ въ ней родильницу»—говоритъ Ананьина.—Но баня или хлѣвъ, какъ крытыя помѣщенія, все же хотя нѣсколько предохраняють роженницу и новорожденного, положимъ, отъ «вѣтрянаго пере-

¹⁾ См. сочин. м. Ѳ. Кривошапкина—«Енисейскій округъ и его жизнь», т. II, гл. I, стр. 6, § 3.

лому» (простуды). Находясь же при жилыхъ помѣщеніяхъ, даютъ возможность пользоваться услугами повитухи и облегчаютъ переходъ въ жилище.

Но бываетъ хуже. Сельско-хозяйственныя условія вынуждаютъ крестьянокъ исправлять полевныя работы не только во время своей беременности, но и тогда, когда чувствуютъ себя «на взносахъ». Эта необходимость, въ связи съ общимъ неуживьемъ опредѣлять время родовъ, а также семейныя причины заставляютъ роженницу оставаться на полѣ до «послѣдняго часу». Когда ужъ «почнуть муки взнимать», тогда ее, чтобъ «въ телѣгѣ не затрепало», посадятъ верхомъ на коня и отправятъ въ деревню.

Смирная лошадь, не понукаемая наѣздницей, едва плетется, поводя ушами и отфыркиваясь по назойливаго «гноуса» (мошки и т. п. насѣкомыхъ). Каждый шагъ ея нестерпимой болью отдается въ животѣ и поясницѣ ѣдущей. Она дѣлаетъ попытку ускорить ѣзду, хлещетъ поводомъ «вершню»; но лишь потрусила та, животъ наѣздницы «шибче захохватывало», и муки усилились. «Вернуться-бы на стань»:—подумываетъ она. Дергаетъ поводъ, но безсильныя руки не въ состояніи повернуть лошади. И сама вся словно разваренная: голову обноситъ, въ ушахъ звонъ стоитъ, въ глазахъ темныя круги ходятъ, сознаніе притупилось. Лошадь уже успѣла пройти полпути и вышла на торную дорогу. Березнякъ въ этомъ мѣстѣ далеко отодвинулся и потянулась степь.—«Ахъ, батюшки, смѣрточка моя!» только успѣла вскричать ѣхавшая и кубаремъ свалилась съ вершней. Лошадь остановилась и принялась сосредоточенно пощипывать траву, гдѣ женщина въ нестерпимыхъ мученіяхъ родила сына. По близости—ни одной живой души. Придя въ сознаніе, роженница заботливо перевязала ленточкой отъ фартуха родившемуся пушокъ, перегрызенный ею, новорожденнаго подобрала въ фартукъ, бережно положила у груди и, прикрывъ полами шабура ¹⁾, высоко перепоясалась; затѣмъ кое-какъ добралась до вершней и едва вскарабкалась на сѣдло. Лошадь опять зашагала. «Какъ ослабла! такъ вотъ и легла бы, кажись»,—думалось матери, съ тоской взиравшей на показавшееся передъ ея затуманенными глазами родное село. Стало знобить; она продрогла. «На печь бы»... Ознобъ тутъ смѣнился жаромъ, который повергъ ее въ дремоту.—Какъ спустилась съ горы, какъ проѣхала паскотины и не потеряла сына, какъ вошла въ избу, баба уже не помнила. Пролежала въ постели очень долго; сынокъ едва оправился.

При такихъ, напр., условіяхъ «растряслась» жена С. Ананьина сыномъ—Корниломъ. Мѣсто рожденія его—горный хребетъ съ восточной стороны—съ тѣхъ поръ зовется «Корнюшинымъ».

Если мѣсто не вышло. Пока его нѣтъ, пуповину не отрѣзаютъ. Перестанетъ брюхо вздымать и, Богъ дастъ, плодъ выйдетъ и мѣсто, пуповину отрѣжутъ. Если краски пройдутъ, а мѣсто не выходитъ, заставляютъ въ бутылку дуть, чтобы силы давать; это шибко мучительно. Не пособлятъ,—привязжутъ отрѣзанную пуповину за оборку (веревочку) чирка (обувь), а роженницу оставляютъ въ постели: кишка не утанется, Богъ дастъ, т. е. мѣсто выйдетъ.

Бываетъ, однако, роженница лежитъ это съ привязаннымъ чиркомъ день—другой, а мѣсто все не выходитъ. Она, говорятъ, приростать кънутри. Кто знаетъ, отчего случатся; только бабушки сказываютъ, будто это дѣлается, ежели травы пьешь, когда ходишь тяжелой. Вотъ тутъ женщинѣ жива смерть.

У Николая Стрицинскаго бабы мѣсто не вышло, приростло, значить, кънутри. Когда тянули за пуповину, всѣ кишки, сказываютъ, тянулись. Баба помучилась сколько-то и померла. Отъ той же причины померла и жена С. Ѡ. Злотникова.

Если перепонки мѣста не выходятъ. Что дѣлать не знаю: не доводилось ни у самой, ни у другой видѣть.

Неправильны роды. Если бабушка видитъ, что робенокъ лежитъ въ утробѣ неправильно, поперекъ что-ли, то направлятъ его тѣмъ, что растирать животъ руками.

¹⁾ Верхняя одежда, вытканная изъ посконной и суконной пряжи.

Когда идетъ младенецъ ножками или ручкой,—тянуть; а больше ничѣмъ не могутъ помочь, и, если Богъ не проститъ, роженница помирать.

Случатся воды прольются, а младенецъ, высунувшись пзъ родовъ пловыной головки или по шейку, остановится; тащатъ рукамъ, да толку мало бывать.

Жена М. Сургутскаго померла въ такнхъ мукахъ,—не принесла.

Сухи роды. Малы родовы крови и водъ когда нѣтъ. Отъ этого тяжелѣй родятъ. Мнѣ думатся, что водъ не бывать потому, что пузырь пропукнетъ (прорвется) еще во время мукъ, а роженница не сжекатъ, что надо утруждать себя, надыматься, силы давать. Бабушки-то, когда прощиплютъ пузырь, велютъ надыматься; ну, повитужишься, и Богъ проститъ.

Краски не бывать у иной дня два-три; черезъ то роженница долго хворать. Вызываютъ краски наварами №№ 78, 121, 182, хмелемъ и отварами №№ 83 и 116.

Худо-ли, хорошо—прощипывать пузырь? Вѣрно говоришь, что надо щипывать пузырь. Когда водъ нѣтъ у роженницы, трудны роды бываютъ. Я, вотъ, принесла дѣвочку безъ бабушки; пузырь вышелъ, самъ лопнулъ; ну и роженье было тихое и боли особенной не чувствовала. Съ бабушкамъ же бьешься до пристали. Случатся, бабка прощиплетъ пузырь до время, воды прольются безъ вужды и ребенокъ станетъ въ родахъ.

Смѣртны ключи красокъ. Иногда до и послѣ выхода младенца у родившей вдругъ хлынуть ключемъ краски изъ родовъ,—это у нея смѣртны ключи красокъ открылись, сказываютъ. Приостановитъ ихъ не могутъ наши бабушки. Роженница исходить кровью и помирать.

Во время роженья у жены Тихона Ананьина открылись смѣртны ключи красокъ; въ сутки два ведра набѣжало,—тѣмъ и скончалась.

У второй жены С. О. Злотникова, котора за полтора года замужества не ходила тяжелой, какъ-то открылись краски,—тѣмъ и померла.

Жена Лавра Соколова умерла красками. Черезъ три недѣли послѣ роженья пошла она на рѣчку по воду: почерпнула ведро воды, нагнулась друго почерпнуть, а у ней хлынули краски низомъ и носомъ. Усиляли какъ-то приостановить, но не надолго; стала ее мучить задвища, стала она желтѣть, удушьемъ маяться и скоро послѣ того померла.

Есть бабки, которы завариваютъ краски,—онѣ перестаютъ хвостать; ну, да мало же этакихъ повитухъ.

Вольши воды и крови. Считатся, что при нихъ легче родить. Если ихъ мало было, или вовсе не вышло, то бабушки растираютъ брюхо, даютъ пить разны надобья, чтобы краски прошли и поятъ полевой ромашкой, иначе брюхо вздымать будегъ и болѣтки замажутъ.

Пусто брюхо. У другой бабы, будто, и брюхо не росло, а ее почнутъ муки взнимать, брюхо вздымать и все такъ, что словно родить собратся, а на конецъ того хвощутъ однѣ только краски. да такимъ лепешкамъ, что просто страсть глядѣтъ. Бывать, что онѣ не проходятъ и въ недѣлю, ну бабушки растираютъ животь, чтобы скорѣй прохвостали краски, золотникъ поднимаютъ на подтяжки (см. золотникъ—отд. женскихъ болѣзней); а краски пробдуть, полежатъ и ветаютъ. Волъ и говарятъ, пустымъ брюхомъ маялась.

Бывать это и съ беременными, когда бередятъ себѣ брюхо, насадаются, либо пьютъ надобья, чтобы выжить ребенка.

Надо полагать, что у второй жены С. О. Злотникова и было то, что называютъ «пустымъ брюхомъ», иначе выкидышь. (См. смѣртны ключи красокъ).

II. Уходъ за роженицей.

Когда Богъ проститъ, бабушка принимать новорожденного, кладетъ къ себѣ на руки личикомъ внизъ и легонько потряхивать, дуеетъ на головку, пока у роженицы не выйдетъ мѣсто. Рѣжетъ тогда пуповину; младенца кладетъ въ постилкахъ на печь, родильницу на постель и

Прибрать родины.—Смывать воды и крови. Тутъ же вымывать дѣтско мѣсто, заворачивать въ чисту тряпицу, идетъ съ нимъ въ подполье, чтобы никто не видалъ, гдѣ и хоронитъ; мѣсто закапывать (съ наговоромъ и безъ него) пуповиной вверхъ, чтобы дѣти стояли, выживали и росли; а похоронитъ внизъ пуповиной,— послѣдніи прикрутъ.

Если родятъ утромъ.—Мать лежитъ до бани; вмѣсто того бабушка моетъ новорожденного;

Если родитъ вечеромъ,—подмывать роженицу и младенца купать.

Роженицѣ дѣлаютъ три бани. Въ день родинъ (а если это было вчю, то на слѣдующій) обязательно топятъ баню и ведутъ или везутъ туда роженицу, несутъ младенца.

Пока бабушка моетъ его, мать прогрѣвается; послѣ чего бабушка подмываетъ и ее, моетъ, кладетъ на илокъ внизъ животомъ, паритъ вѣнникомъ и читатъ какой либо наговоръ; потомъ правитъ руки и ноги; то по лѣву руку съ правой ногой сгибать крестъ-на-крестъ, то праву съ лѣвой: затѣмъ переварачивать на спину и править животъ руками, подымать полотенцемъ плодуху; послѣ всего обмоетъ и оболочетъ. И такъ до трехъ разъ.

Изъ бани выйдешь, ослабнешъ страсть.

Лежать съ родинъ. По состоянію, либо по семейству глядя. Мужъ участливъ, не понуждать на работу, замѣна ли есть,—добрая свекровка или своячина робять за тебя,—лежись три и пять дней. У моей матери невѣстки по девяти день лежать въ постели. Замѣны нѣтъ,—полежишь дня два, на третій уже приучаешься ходить и робить; только остерегаешься тяжело подымать.

Пищу ѣшь всяку по желанію и достатку тоже. Въ которыхъ семьяхъ роженицѣ дается первые дни по рюмкѣ водки и масляно стряпаютъ. Ины ѣдятъ мясо и пиво пьютъ; други употребляютъ густой квасъ съ толокномъ, либо рыбный пироги; вообще, что найдется въ домѣ, а квасъ и пиво—постоянно.

На перво до принятія пищи каждой роженицѣ даютъ ложку тепленькаго коровьяго масла (особливо, когда зажигать у ней на нутрѣ), чтобы животъ отмягчилъ; поятъ желтой ромашкой, чтобы рѣзей на нутрѣ не было и жаръ уменьшался.

При болѣзненныхъ состояніяхъ родильницы поступаютъ, какъ указано отчасти въ отд. женскихъ болѣзней.

Итакъ при родахъ принято, чтобы помогали бабушки-повитухи. Въ нихъ цѣнятся опытность, умѣнье обращаться съ роженицей и новорожденнымъ, знаніе наговоровъ, оберегающихъ пациентовъ отъ «людскихъ озѣвищей», знаніе лѣчебныхъ средствъ и т. п. На то, что у самой повитухи мало дѣтей, что у нея даже вовсе ихъ нѣтъ, потому что примерли, мало обращается вниманія, хотя предпочитаютъ все же многодѣтныя; «сама родила ораву дѣтей»—говорится въ защиту основательности знаній своего дѣла той или иной бабушки; живыя дѣти у нея, кромѣ того, служатъ какъ бы ручательствомъ за то, что такая бабушка съумѣетъ поставить на ноги и чужихъ дѣтей, по которымъ она бабничала.

Чтобы дѣвушки или старыя дѣвы занимались акушерской практикой, прижѣрма нѣ встрѣчалось; бабничанье, не основанное на собственномъ дѣтороженіи, на

личной, такъ сказать, практикѣ, не въ авантажѣ въ деревнѣ и само по себѣ признается занятіемъ, не достойнымъ званія дѣвицъ. Также не бываетъ повитухъ изъ дѣвицъ, живущихъ въ незаконномъ сожителствѣ, хотя бы имѣли дѣтей: ихъ не допускаютъ бабничать, какъ «дѣвокъ пустоволосокъ» (см. наговоръ №№ 130). Только въ с. Казачинскомъ, Енис. окр., пришлось слышать о бабушкѣ изъ дѣвицъ покрывтокъ.

Вдовы живущія въ незаконномъ сожителствѣ, изрѣдка бабничаютъ, и то только тѣ изъ нихъ принимаются, которыя долготѣлннмъ примѣрнымъ образомъ жизни успѣли заглядить фактъ незаконнаго сожителства.

Эти незначительныя положенія, основанныя на обычныхъ и моральныхъ воззрѣніяхъ народа, выражаютъ, такъ сказать, юридическую сторону самобытныхъ, деревенскихъ бабушекъ—повитухъ.

Что касается ихъ профессиональныхъ познаній и рациональности пріемовъ и средствъ, употребляемыхъ ими при акушерствѣ, само собой остается желать очень, очень многого. Надо, по крайней мѣрѣ, чтобы ихъ замѣнили настоящія повивальныя бабки и патентованныя акушерки; чтобы послѣднія своимъ умѣньемъ, ловкостью, усердіемъ къ дѣлу и внимательно-любовнымъ участіемъ къ страдающей меньшей сестрѣ снискали ея расположеніе, заставили искать ихъ помощи; чтобы такимъ образомъ юридически и фактически были признаны народомъ за своихъ сестеръ и дѣйствительныхъ помощницъ бабамъ и ребятишкамъ, какъ этого удалось добиться, напр., М. Валессюкъ, вольно-практиковавшей въ Красноярскомъ округѣ ¹⁾.

Думается, что ученые сестры и помощницы деревенскихъ родильницъ, взявъ въ свои руки народное акушерство, сумѣютъ предохранить большинство деревенскихъ бабъ отъ печальныхъ послѣдствій родильн. Нынѣ же анти-гигиеническія и санитарныя условія деревенскихъ родильн., допотопные пріемы ухода за роженицей и новорожденнымъ, въ связи съ примитивными взглядами окружающей среды вообще на женщину—усиливаютъ родильныя муки, затрудняютъ поконъ, надрываютъ организмы роженицъ и служатъ часто причиной смерти матери и младенца, или пускаютъ на свѣтъ слѣпенькихъ, калѣкъ и т. п.

III. Уходъ за новорожденнымъ.

Новорожденный лежитъ на печи, покада бабушка уберать родины,

Если младенецъ, послѣ того какъ бабушка приметъ его на руки, не кричитъ и видать будто обмеръ, то держатъ его надъ дымкомъ чахнувшей тряпички (тлѣющей), дуютъ въ личико, обливаютъ голову холодной водой.

Если же онъ не нуждается для своего оживленія ни въ одномъ изъ такихъ средствъ, бабушка моетъ младенца въ теплой водѣ, налитой въ сѣяльницу, которую ставятъ на печь; мыломъ намыливать и обливать такой же водой, снова намыливать и обливать; править ручки и ножки; затѣмъ обтирать, завертывать въ подстилки и на подушкѣ класть на печь; дѣлать соску изъ ржаного хлѣба съ сахаромъ. Ревъ нападетъ на него, поятъ желтой ромашкой или жуютъ въ соску; моютъ въ отварѣ мелкой травы.

Вмѣстѣ съ матерью берутъ въ баню, гдѣ бабушка моетъ, править ручки и ножки, прогрѣвать ²⁾, выскребать изъ ротика слизь листочкомъ вѣника, или выти-

¹⁾ Докладъ п. ч. В. М. Крутовскаго: «Краткій отчетъ о результатахъ вольной практики фельдшерицы М. О. Валессюкъ въ деревнѣ».—Протоколы очереднаго засѣданія общества врачей Енисейской губ.—№№ 8 и 10-й 1893—94 года.

²⁾ Прогрѣвая,—варя,—новорожденныхъ, повитухи нерѣдко хватаютъ черезъ край, по мнѣнію Ананьиной, которая привела слѣдующій случай изъ своей практики. «Принесли разъ ко мнѣ младенца; у него головка, рученки, спинка, ножки водянымъ пузыремъ взялись, а животикъ, гдѣ не парилъ должно быть, ничего себѣ. Мать говоритъ

рать восою матери (при этомъ читаются наговоры, въ родѣ наговоровъ Палагеи В. Анаыиной или Анны Анаыиной. См. нач. № 12 п 15).

Черезъ три дня, недѣлю-ли, однимъ словомъ, когда накопится у матери молоко, новорожденного начинаютъ сосить грудью; соску замѣняютъ рожкомъ.

Съ этого времени младенца пеленуютъ; его переносятъ въ зыбку (двойнишны зався спать въ одной зыбкѣ, покаль не подрастуть). Но дѣлается это также съ перваго дня рожденія, когда младенецъ неспокоенъ, кричитъ и будто просить байканья (качанья въ зыбкѣ). Въ зыбку мостится подушка либо потничекъ и мягка рухлядь (пришедшая въ ветхость одежда и т. п.) поверхъ стелется пеленка, котора мѣняются, когда ребенокъ чинш сдѣлать подь себя; въ головку кладется маковька подушечка, вся зыбка сверху закрывается ситковымъ положкомъ, чтобъ младенца свѣтъ не бралъ, мухи не кусали бы и приходящи не зѣвали на него. Зыбка вѣсится на березовомъ очивѣ (тонкомъ шестѣ), ближе къ ложу матери. Очивъ ладить и вѣсить зыбку отецъ новорожденного, либо дѣдушка и кто другою изъ семейныхъ. Примѣта есть, что сколько сучковъ окажется на доспѣтомъ очивѣ, столько въ семьѣ будетъ дѣтей.

Каждая мать разболочать-ли, облакать ли ребенка, сказывать все—«Господи Исусе!» «Господи Исусе помилуй!» и др. что. Пососить грудью и положить, токо днешъ, на чево нибудь мягко, станеть «агу!» «гули!» говорить ему, ласковымъ именамъ обзывать, напр., «молоно мое дитятко» и пр. и всѣмъ то заставлятъ смѣяться: ребенокъ тается, играть и на сонъ поидеть; тогда спеленать его, перекрестить своимъ крестомъ (что на груди имѣется), потянетъ за носикъ, будь здоровъ, молъ (друга еще полижетъ до трое языкомъ личико) и тогда уложить въ зыбку, сунеть рожокъ въ ротикъ, подольеть молока и байкать или няньку заставятъ.

На любознательные вопросы малолѣтокъ, откуда у матери взглась маленькая «дитя», говорятъ, что нашли подь листомъ калусть или вынута у нея изъ пазухи и проч. Дѣти-дѣвочки въ своихъ играхъ часто принимаютъ на себя роль матерей и повторяютъ тѣже стереотипныя объясненія, касающіяся появленія «дѣти»; свою «дитю» онѣ пеленаютъ и кормятъ, въ точности подражая старшимъ. Такъ сперва шута, въ дѣтскихъ играхъ, потомъ въ роли нянекъ, чисто опытнымъ путемъ, дѣвочки приобрѣтаютъ навыкъ, необходимый для ухода за дѣтьми и усваиваютъ въ тоже время понятія и предразсудки своей среды.

Слѣдуетъ пожелать, что бы для крестьянскихъ дѣвочекъ были открыты школы съ преподаваніемъ педагогики и т. п. обще-образовательныхъ наукъ. Теоретическія знанія освободятъ ихъ отъ этихъ предразсудковъ и сдѣлаютъ въ достаточной степени свѣдущими въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ практическое дѣтководство.

Гороскопическія и другія примѣты и повѣрья относительно дѣтей.

По первому крику новорожденного судятъ о его живучести. Крикъ громкій, нерѣзкій, съ нѣкоторыми остановками, свидѣтельствуетъ, говорятъ, о здоровьи ребенка; рѣзкій и безпрестанный указываетъ на то, что уже въ утробѣ матери младенца постигли неизвѣстные болѣзненные припадки, напр., кочергушка, собачья старость и др., присутствіе коихъ оставляетъ подь сомнѣніемъ жизнь послѣдняго. Если ребенокъ обомретъ, такъ что для своего оживленія потребуетъ специальныхъ средствъ, въ родѣ

(будто ей бабка сказывала) что отъ банной притки это подѣлалось. Знаю я эту бабку она зався парить робать, и вижу сама, что пузыри отъ ожоговъ вѣнникомъ. Сказала бабѣ это и не стала лѣчить. Не лѣчила и мать. Кожица, когда пузыри пропукнули, слѣзла прочь а на мѣсто того выросла новая.

См. М. О. Кривошапкинъ—II т. гл. § 1.

держанія надъ куревою, и т. п. или кричить, но слабо, съ продолжительными промежутками, и при томъ тѣльцемъ тощъ, то заключаютъ, что младенецъ или не ожи-ветъ, или умретъ скоро, или вырастетъ чахлымъ, неспособнымъ къ работѣ.

Дитя, скоро научившееся ходить, говорить, бойко въ вопросахъ и отвѣтахъ, шустро въ играхъ и вообще выказываетъ недюжинныя способности и природныя да-рованія,—считается нежилцомъ на свѣтѣ: «помереть,—больно ужъ бойко» и проч., говорится.

Если дитя долго ползаетъ, неувѣренно дѣлаетъ попытки ходить, не умѣетъ вовсе, или плохо говорить, въ возрастѣ 1½—3-хъ лѣтъ киснетъ (постоянно плачетъ) и тѣломъ пухло, то считается «сыренькимъ, помирущимъ».

Дитя средняго сложенія и способностей—считается живучимъ.

Двойники рѣдко выживаютъ, и явившійся раньше умираетъ прежде, даже въ томъ случаѣ, если придутъ въ возрастъ. Въ с. Усть-Тунгузскомъ, напр., жена кр—на Ив. Зубкова принесла двойниковъ—парней; первенецъ Романъ умеръ, Андрей (родился вторымъ, живъ) и женатъ. Тоже жена кр—на Вл. Серебрякова изъ с. Казачинскаго родила двойниковъ, парня и дѣвочку. Оба выросли; парень ушелъ въ солдаты и умеръ тамъ отъ оспы; дѣвочка же Ульяна теперь сама мать семейства.

Въ томъ же селѣ у М. К. родилось двѣ дѣвочки; старшая умерла тотчасъ же, меньшая же спустя шесть недѣль.

Родившіеся до времени, недоноски, тоже рѣдко выживаютъ.

Родившіеся въ сорочкѣ считаются счастливыми.

Если ходишь на охоту до обѣдни, не разбирая праздникоу, то дѣти родятся съ родимыми пятнышками. (Изъ зап. кн. П. Пешекерова).

Если ударятъ ребенка въ утробѣ, онъ родится съ родимымъ пятномъ. (тамъ же).

Чтобы человекъ былъ удалымъ на все, надо дать ему въ возрастѣ 2—3-хъ лѣтъ развязать его узелокъ съ его пуповиной. Ал. Трофимова.

Чтобы дѣвка была зарна на пражу (охоча прясть и ткать) слѣдуетъ сжечь на чистой сковородѣ первую нитку, спряденную ею, и пепель дать слизать со сковоро-ды. (Она же)

Въ крестьянствѣ обыкновенно назначаютъ новорожденнымъ имена тѣхъ свя-тыхъ, которые даютъ большій процентъ дѣтей, остающихся въ живыхъ. Предпочи-таются также имена дѣдушки, или бабушки, ибо «ребята живучи бываютъ и сохра-няются родово имя». Но семейныя преданія часто нарушаются церковнымъ уставомъ, по которому принято давать имена святыхъ, память которыхъ празднуется въ день рожденія, или крещенія младенца; воспріимники обыкновенно не осмѣливаются зарягѣ «обсказать» имени, какое желательнo родителямъ. Отсюда частые прищры того, что двое-трое изъ одного семейства получаютъ одно и то же имя. Это считается неудоб-нымъ и въ семейномъ обществѣ, такъ какъ вызываетъ много недоразумѣній и не-приятностей. Случается, напр., на обликъ родителей отзываются и бѣгутъ разомъ одноименники; тоже и при официальныхъ случаяхъ... Для устраненія такого не-удобства крестьяне прибавляютъ къ церковнымъ именамъ термины, относящіеся къ внѣшнему, или внутреннему отличію соименниковъ. Бываетъ поэтому въ одной семьѣ Васютка-большой и Васютка-малый; Дунька-черная и Дунька-бѣлая (по цвѣту волосъ); или Бабайко и Ершишко. (Здѣсь уже прозвища совсѣмъ заслоняютъ ихъ настоящія имена Васютокъ. с. Ужуръ семейство Мамизеровыхъ).

Время Петровокъ и сѣнокоса признается крестьянами самымъ неблагопріятнымъ для дѣтей-малолѣтокъ и весьма губительнымъ для грудныхъ.

Постная пища въ первомъ случаѣ и разнообразная зелень (до которой бабы большія охотницы) во второмъ разстраиваютъ питательныя средства матерей. Къ этому присоединяется неправильность кормленія, такъ какъ кормилицамъ приходится рано уходить и поздно ворочаться съ поля; зато груднымъ дѣтямъ усиленно дается коровье молоко, которое отъ подножнаго корма дѣлается болѣе жидкимъ и вообще менѣе питательнымъ. Все это въ связи съ июньскими и июльскими жарами существен-

нымъ образомъ вліяетъ на діету питомцевъ, нарушаетъ регулярность отправленій организма, способствуетъ развитію дѣтскихъ поносовъ и усиливаетъ пагубное дѣйствіе послѣднихъ.

ОТДѢЛЪ Ш.

Народное кормленіе грудныхъ дѣтей.

(Указанья Ал. Аф. Ананьиной ¹⁾).

1. Какъ кормить грудныхъ дѣтей? Кормить лучше всего грудью, а сколько разъ,—это глядя по ребенку. Спокойнаго кормишь рѣже; у меня, напр., росли двѣ дѣвочки, такъ до 12 недѣль я никакого безпокойства не знала: покормишь раза 2—3 въ день грудью или съ рожка груднымъ молочкомъ (которое отчиркиваютъ въ чашечку, такъ какъ оно у меня льется изъ груди), переменяешь подстилки, переложешь на другой бокъ, лежать, мочить; ночью тоже покормишь всего раза два. Сынъ росъ, больше хлопотъ доставлялъ—недоносовъ былъ,—все хворалъ какъ-то; чаще приходилось сморгать, чаще кормить. Я не кладу робать на ночь подлѣ груди, а спеленать, покормишь и кладешь на особой подушкѣ: ему покойно и сама не опасаться. Пососивъ ребенка, я не держу его на рукахъ, а кладу на перину, либо подушку на чистой подстилкѣ: онъ тянется, играть и на сонъ пойдетъ.

2. Всегда ли можно матери кормить свое дитя? Большею частью не смотря на свое нездоровье, кормятъ грудью. Когда груди забруснутъ (затвердѣютъ), даже нарочно даютъ грудь сосать, чтобы отмякли. Если соски трескаются, все же кормятъ, пока мочи хватать. Продолжаютъ кормить, даже будучи въ чахоткѣ или другихъ хворяхъ—до самаго послѣду, т. е. смерти. Разумна мать, то она, замѣтивши у себя хворь, бросать кормить грудью и переводить на рожокъ. А больше такъ, что не разбираютъ этого. У насъ невѣстка лежала въ горячкѣ недѣли двѣ; я вошла съ ея дѣвочкой. Днемъ бывало кормишь съ рожка, ночью два подносишь къ матери; та лежитъ безъ чувствія, перевернешь ее на бокъ и сосишь дѣвченку... Такъ она и не отвыкла отъ груди, и теперь ничего, Богъ съ ней, жива сейчасъ, растеть здоровенькая (9 лѣтъ уже).

3. Какъ кормить ребенка безъ матери? Если мать шибко хворать и ребенка кормить ей невозможно, или умереть, то ребенка приваживаютъ къ рожку. Случатся, оставшуюся сиротку сосить кто-либо изъ родственницъ. Одинъ годъ обѣ невѣстки Федора Ан—на имѣли грудныхъ дѣтей; во время сѣнокосу и страды онѣ по недѣлю оставались дома, и каждая кормила грудью обонхъ ребятъ днемъ, къ ночи же прѣзжала и другая мать.

4. Какіе рожки и соски лучше употреблять. Твердая въ кипяткѣ, часть дѣтскаго рожка дѣлается изъ коровьяго рога, который вываривается для этого, мягкая часть рожка, предназначающаяся для сосанья, готовится изъ «коровьихъ титекъ»: онѣ мягче; «резинковы» же туги—отъ нихъ «грудцу натягивать у ребенка» (См. от. дѣт. бол.).

«Каждая мать слѣдуетъ, чтобъ рожокъ не закисалъ и не сталъ бы цвѣсти въ немъ творожокъ. Для этого кладутъ рожокъ съ титькой въ чашку съ квасомъ и дер-

¹⁾ Изложено повопросамъ Я. Абрамова.—«Сельско-хозяйственный календарь» 1892 г.

жать такъ всю ночь; не то моютъ порознь то и другое въ теплой водѣ, и одинъ уже рожокъ выжариваютъ на шесткѣ, когда топится печь, либо оставляютъ въ ней на долго, когда престоится она и немного остынетъ.

Въ соску жуютъ ржаной хлѣбъ съ сахаромъ и даютъ ее ребенку первы три дня, а то всю недѣлю и больше, пока у матери не появится молоко. Вообще же соска замѣняется рожкомъ. Только при семейной бѣдности, когда нѣтъ коровы, дите кормится соской».

5. Когда и какъ нужно прикармливать? Которы сразу прикармливаютъ жванной (жеваннымъ хлѣбомъ и проч.) недѣль съ трехъ, когда ребенокъ начинать глудать (смѣяться): отъ хлѣбнаго грызь на нутрѣ не стоитъ, сказываютъ. Сама я не дѣлаю этого, а кормлю жванной тогда, когда дите начинать хватать за ложку. Жванну подаю съ ложечки. Ребенокъ такимъ путемъ скоряя приучатся истъ самъ.

6. Полезны ли соски. На одной груди и соскѣ которо живетъ дите, съ лица бывать похоже ва человекъ, тѣльцемъ же худо, ножки и ручки у него также ровно плети. Въ соску не слѣдуетъ жевать мятнхъ пряниковъ и кормить ими не стоитъ: рѣзъ на нутрѣ приключатся отъ нихъ.

7. Сколько времени надо сосить ребенка. Сосать обыкновенно долго до двухъ и трехъ лѣтъ, примѣрно. Этимъ способомъ думаютъ уберечь себя отъ скорой беременности. Часты робята—раззоренье дому и тяжесть матери, по достатку глядя, конечно. Котора каждогодно носить робята, та отлучать отъ груди скоро; точно также когда ребенокъ хворый либо такъ надоѣдливой, часто просить мать, а той некогда разсиживать, потому что по хозяйству хлопотать много доводится.—Кормить дольше грудью, полагаю, пользительно и для дѣтей: лучше растутъ и здоровеньки бывають.

8. Какъ слѣдуетъ отнимать отъ груди. Когда мать забеременѣтъ, ребенокъ самъ бросать сосать грудь, хотя бы онъ былъ полугодовымъ; этимъ часто указывать матери, незнающей поносомъ брюха (см. от. жен. бол.) на ея беременность. Вскорѣ послѣ того, такъ дите перестанетъ сосать, мать безпримѣнно услышитъ, что у нея шевелится зародышъ.

Если приходится отымать отъ груди ребенка по необходимости, то дѣлають это сразу: щеть, которой чешутъ куделю, кладутъ за пазуху; дите схватить ее замѣсто груди и наколетъ ручки; ему больно станетъ, оно расплачется—а ты еще приговаривашь, если ребенокъ толкуеть (понимаетъ слова): «тамъ (въ пазухѣ) бука, моль, сидитъ»!.. Другія бабы намазываютъ соски горчицей...

Груды у матери, отсадившей ребенка, сперва нагрубають и ломають; тогда отчиркивашь молоко въ чашку и выливашь къ стѣнкѣ въ подпольѣ, чтобы никто черезъ него не ходилъ и солнцемъ не жгло бы; отчиркивать надо не принародно—иначе груды закаменятъ, ломота приключится и чирьями возьмутся.

9. Какъ кормить дѣтей по отнятiю отъ груди. Двухъ—трехъ лѣтъ кормятъ тѣмъ, что сами ѣдятъ.—Дѣти, однако не скоро отвыкають отъ сосанья рожка; иныя ходять съ нимъ, съ пустымъ даже, отъ 4 и 6 лѣтъ.

. А. Макаренко.

(Оконч. слѣдуетъ).

Пѣсни, записанныя въ Енисейскомъ округѣ.

№ 1. Былина про Илья Муромца, Соловья разбойника и обжору хлѣбояднаго

—Еще я ли вамъ, ребята, старину скажу,
Старину скажу—стару прежнюю,
Стару прежнюю—невидѣмую.

—Какъ у насъ былъ во честномъ пиру,
Во честномъ пиру—во бесѣдушкѣ—
Во единый кругъ собиралися,
Собиралися—соѣзжались,
Соѣзжались—все богатыри.

Они думали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую—заединую.
Што кому изъ насъ, ребята, атаманомъ
быть,

Атаманомъ быть,—эсауломъ—слыть?
Атаманомъ быть, знать, Илюшенькѣ,
Илюшенькѣ, знать, Муромцу;
Эсауломъ слыть, знать, Алешенькѣ,
Алешенькѣ, знать, Поповичу.

—Какъ возговоритъ, ребята, дружинишкѣ
Дружинишкѣ Илья Муромецъ:

«Ой же гои еси!—ты дружинишка,
Ты дружинишка моя хоробрая!
Ужь пойдѣмъ-ка мы поѣдемъ во вели-
кой градъ,

Во великой градъ—ко великому,
Ко великому—князю Владиміру,
Ко Владиміру—Красну Солнышку.
Мы увидимъ, и ребята, диво дивное,
Диво дивное—чудо страшное!

Какъ по этой — сей дорогѣ — тамъ и
звѣрь сидитъ,
Тамъ и звѣрь сидитъ, ребята, худой бо-
гатырь;

Не пропуститъ онъ дорогой ни проѣзжаго,
Ни проѣзжаго, разбойникъ, ни прохожаго,
Ай и вы же, ребята, не убойтеса, —
Это есть не диво, и не дивное;
Это есть не чудо, и не страшное».

—Какъ подѣхали ребята къ дубу де-
реву—
Засвиствѣлъ злодѣй-разбойникъ во всю го-
лову.

Вынимаетъ братъ-Илюша кулену стрѣлу
И сымаетъ Илюшеньку тушу страшенную,
Тушу страшенную—богатырскую,
Богатырскую—со сырыхъ дубовъ...

А и тащить же онъ тушу богатырскую,

Тушу богатырскую—Соловейкину—
Привязалъ, вѣдь, тушу на добра коны.
Какъ прѣхалъ нашъ Илюшенько,
Илюшенько со дружиношкой,
Со дружиношкой въ дворець къ князю,
Во дворець къ князю—ко Владиміру—
Ко Владиміру—Красну Солнышку
И челомъ онъ бьетъ князю Владиміру:
«Ужь ты—гой еси!—Владиміръ князь,
Владиміръ князь, нашъ батюшко,
Принимай-ко, князь, дороги дары,
Дороги дары—Соловья разбойника!»
—Собираетъ тутъ Владиміръ князь,
Владиміръ князь—онъ—великой пиръ;
Созываетъ князь всѣхъ князей-бояръ,
Всѣхъ князей-бояръ, всѣхъ богатырей,
Всѣхъ богатырей—на великой пиръ,
На великой пиръ—всѣхъ гостей гостить,
Всѣхъ гостей гостить—ребята—подчивать.
—На пиру была обжора, обжорища хлѣ-
боядная.

И почала же обжора та ломатися,
Ломатися, похвалатися,
Да предъ тѣмъ ли же Ильей Муром-
цемъ.

Какъ Илюша тутъ слово вымолвилъ,
Слово вымолвилъ, рѣчь возговорилъ:
«Да и што же ты, обжора, ломаешься!
Ломается, похваляешься?»!

У попа у насъ была корова волочажная;
По поварнямъ та корова волочилася,—
Оттово этой—сей коровѣ смерть случи-
лася!»!

Какъ прогнѣвалася тутъ обжора
На Илюшеньку,—
Начала Илюшѣ пѣтъ—худо дѣлати.
Не стерпѣвши братъ-Илюша, Илья Му-
ромецъ,

Сымаетъ бѣгъ-Илюша шляпу черную,
Шляпу черную—со головушки.
Онъ и бьетъ ей обжору во всю голову,—
Прошибаетъ та обжора стѣну каменну
Ужь какъ всѣ гости тогда испужалися,—
«Это што жъ такое случилося,
Случилося—приключилося!
Што жъ за диво, братцы, дивное,

Што жъ за чудо, други, чудное!
Тутъ великой князь—Красно Солнышко—
Поклонъ дб земли далъ Илюшенькѣ,
И тому-же-ли Илюшѣ—Ильѣ Муромцу.

«П спасибо же тебѣ Илюша,
Илюша, Илья Муромецъ,
Что избавилъ меня отъ обжорища,
Отъ обжорища, обжоры хлѣбояднаго.

Эта былина записана мной въ 1893 году 15-го сентабря буквально со словъ старожила села Рыбаго—на Ангарѣ—Енисейскаго округа, Пинчугской волости кр. Дмитрія Алексѣевича Козырева. По словамъ его—былина «Илья Муромецъ»—была въ большемъ ходу въ его молодые годы—между Рыбинскими врестьянами. Налѣвъ былины мной звученъ и переложенъ на ноты. Онъ (налѣвъ) по своему качеству, не смотря на простоту и безыскусственность, превосходить всякія ожиданія.

№ 2. Разбойничьи пѣсни о Стенькѣ Разинѣ и его сынѣ.

Ужъ вы, горы-ли,
Вы, мои горы,
Вы крутыя мои,
Горы Сіёвы,
И Сіёвы вы, горы,
Горы змѣёвы.
Вы позволъ-ка-те ¹⁾), горы,
Подъ собой постоятн,
Подъ собой намъ постоятн —
И не годикъ намъ, горы,
Подъ вами годовати;
Што не годикъ годовати—
Одну ноченьку ночевати,
Одну ноченьку намъ ночевати—
Пуль-порѣху набирати,
Пуль-порѣху намъ набирати —
Пушки-ружья заряжати,
Пушки-ружья намъ заряжати—
Стеньку Разина стрѣляти.
Вы поди-ка-те, братцы-ребята,
На высокую крутую гору;
Посмотри-ка-те, братцы-ребята,
Внизъ по матушкѣ да по Волгѣ.
Какъ на матушкѣ да на Волгѣ

Не черняночки чернѣють,
Зачернѣлися на Волгѣ
Легки дубовы стружечки,
Забѣдѣлися на Волгѣ
Тонки бѣлы парусочки.
Не черенъ то воронъ
Въ полѣ воскуркалъ—
Стенька Разинъ слово молвилъ (2),
Слово молвилъ, рѣчь говорилъ:
«Вы не бейте, братцы, не стрѣляйте,
Пуль-порѣху, други, не теряйте!
Ваши пушечки меня не возьматъ,
Мелки ружьицы не хлопвуть.
Никово я, Стенька Разинъ, не боюся.
Никово я, братцы, не страшуся,
Опречь Астраханскаго городочку.
Въ Астраханскомъ городочку
Живетъ дѣвка Машка ³⁾).
Ко всему та дѣвка
Меня научила,
Научила, дѣвка, приучила,—
Съ добрыми молодцами гуляти,
Изъ огненныхъ ружей стрѣляти.

Записана мной въ г. Рыбноѣ—на Ангарѣ—со словъ мѣстнаго крестьянина Дмитрія Козырева въ 1893 г.

№ 3. О сынѣ Стенькиномъ.

Во славномъ было во городѣ—
Во Астрахани.
Проявился тамъ дѣтина—
Незнакомый человекъ
И по Астрахани по городу
Похаживаетъ,
Оль и штабамъ-офицерамъ

Не кланяется;
Къ Астраханскому оль губернатору
На судъ не-идеть,
Онъ на судъ къ нему не-идеть
И челомъ ему не бьетъ, (3)
Честъ-почетъ не отдаеть.
Астраханскій губернаторъ

¹⁾ Позволъ-ка-те—позвольте-ка.

²⁾ По народному преданію—астраханская кодуныя.

Началь спрашивать его:
«Ты откуль, откуль, дѣтина,
Откуль, добрый человекъ?
Да и што же ты, дѣтина,
Не боишься никою!»
«Ужь я родиной—москвичъ,
Жизнью—Вижній городокъ!
Оттово я не боюся,

Што я Стеньки Разина сынокъ».
Астраханскій губернаторъ
Тогда сердце поимѣлъ,
И велѣлъ его забрать—
Въ цѣпи крѣпко заковать.
Сынка Разина забрали—
Въ цѣпи крѣпко заковали.

Объ пѣсни—о Разинѣ и сынѣ его—записаны въ с. Рыбноѣ—на Ангарѣ—со словъ мѣстнаго крестьянина Дмитрія Козырева въ 1893 г.

Объ Ермакѣ Тимофеевичѣ и Ванькѣ Колецѣ.

Какъ далече-далече ¹⁾,
На синѣмъ морички—
Не ясны соколы солеталися,—
Собиралися, совзжались
Добрые молодцы.
Они думали-гадали
Думу крѣпкую:
«Што кому изъ насъ, ребятушки,
Атаманомъ быть,
Атаманомъ быть,
Эсауломъ слыть?»
Атаманомъ быть—
Ермакъ сынъ-Тимофевичу,
Эсауломъ слыть—
Ванюхи, знать, Колечушку.

Какъ возговоритъ тутъ
Добрымъ молодцамъ
Ермакъ, сынъ Тимофевичъ:
«Еще полно намъ, ребята,
На мори стоять,
На мори стоять, ребята,
Здѣсь разбой держатъ!
Не пора-ли намъ, ребята,
Отправлятися—
Во тоѣ же ли
Во матушку—
За добычушкой.—
За добычушкой—
Во Рассюшку.

Эта пѣсня записана со словъ крестьянина с. Рыбнаго—на Ангарѣ—Дмитрія Козырева въ 1893 году.

№ 5. Объ атамановой полюбовницѣ.

Ты взойди-ко взойди, солнце красное,
Надъ горой—ты взойди—надъ высокою,
Надъ долинушкой—надъ широкою,
Надъ дубравушкой—надъ зеленою!
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодець,
Сиротъ бѣдныхъ—безпачпортныхъ!
Што повыше то было села Лыскова,
Што пониже села Богомолова,—
Протекала тамъ рѣчка быстрая—
По прозваньюцу—рѣчка—Керженка.
Плыветъ лодочка, кленовоѣ стружокъ,
Хорошо-добрѣ изукрашена—
Добрыми молодцами лодка изусажена,
Чернымъ бархатомъ лодка изувѣшена,

Золотымъ гвоздемъ лодка уключена;
Посередѣ лодки золота казна,
На носу-то стоитъ эсауль съ ружьемъ.
На кормѣ-то стоитъ атаманъ съ багромъ,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Эсаулова—родна сестрица,
Атаманушкова полюбовница.
Она плачитъ, слезами заливается:
Видно быть-то важъ, братцы, всѣмъ
пойману,—
Атаманушку—быть разстрѣлену,
Эсаулушку быть посажену!
Мнѣ только, братцы, быть на волюшкѣ!

Пѣсня это до сихъ поръ поется крестьянами по Енисейскому округу. Записана въ с. Рыбноѣ со словъ кр. Д. Козырева 1894 г.

¹⁾ Далече—въ смыслѣ—давно.

№ 6. О татарской полоняночкѣ—родной матери.

Далече (2) во полѣ
Не звѣзда блестить,
Не звѣзда блестить—
То огонь горить.

Передъ тѣмъ огнемъ
Злы татары сидятъ,
Злы татары сидятъ—
Полонъ дѣлать.

Одному изъ нихъ доставалася
Полоняночка,
Съ Руси бѣлыя—
Христіаночка.

Онъ привезъ ее (на родимый)
На родимый край,
На родимый край,
Къ молодой женѣ.—

«Вотъ тебѣ моя,
Молода жена,
Я привезъ—встрѣчай—
Полоняночку,

Съ Руси бѣлыя
Христіаночку.
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлать:

Што первое дѣло—
Гусей найти,
Второ дѣло—
Полотна шить,

А третье дѣло—
Дитѣ качать:
«Баю, баю,
Мае дитятко.

Ты по бабушкѣ—
Злой татарченочкѣ,
Ты по матушкѣ—
Родной внучекѣ мнѣ».

Услыхала то
Молода жена,
Услыхала то—
Крѣпко зрадалася.

«Ахъ привезъ ты мнѣ
Не полоняночку,
Не полоняночку—
Родну матушку!»

Эта пѣсня пѣлась въ давнія времена крестьянами Енис. округа Пинчугской волости (по низовью рѣки Ангары).—Записана мной со словъ крестьянина деревни Мотыгиной, Пинчугск. вол. Василія Замирацкаго.

Солдатскія № 7 о Наполеонѣ.

За горами
За долами—
Банипартъ нашъ
Съ плясунами

Вздумалъ ровней стать!
Куды конь
Съ копытомъ мчится,

Туды ракъ
Съ клешией тащится,—

И давай плясать!
Не видалъ онъ
Пули русской,

Кверху вздернулъ
Носъ хранцузской—

И давай кружить!..
Пусторманы—
Пустословы

Подыграть
Ему готовы,—

Гостякъ дорогой!
Громки музыки
Запѣли,

Скрыпки, басы
Загремѣли,—

То-то ширь горой!

Пушай крали
Пронесутся,
Фертомъ боги
Подопрутся,—

Пляску заведутъ!
Онъ хотѣлъ

Сплясать по русски,
Анъ выходить—
По хранцузски,—

Ай-да Палиѣнъ!
Нашъ Кутузовъ
Сказалъ слово

И не скоро
Да здорово,—

Старый воробей!
Онъ сыграть
Велѣлъ по русски,—

Мы не знаемъ
По хранцузски—,

Нутко казачка!
Были хваты
Изъ хранцузовъ,

Говорилъ
И м я ²⁾ Кутузовъ:

«Стой, братъ, погоди!»

Палиѣнъ!
Сюды скорѣе—
Казачка мы,
Што-ль, живѣе,—

Нутко выходи!
Онъ хотѣлъ

Сплясать по русски,
А н ъ в ы х о д и т ѣ
По хранцузски,—

Ай-да Палиѣнъ!
Ой не надо бѣ
Лѣзти ³⁾ въ воду,

Не спрося вамъ
Черезъ броду,—

Горе-богатырь!
Банипарту
Не до пляски,

Растерялъ
Штаны-подвязки,—
Хоть кричи—пардонъ!

1) Банипартъ — Бананартъ. — Пѣсня очень извѣстная въ Россіи; любопытно что поется на нижней Ангарѣ.

2) Имя—имъ. По р. Ангарѣ говорятъ не иначе какъ—имя, съ нимъ и т. д. не только простонародье, но и другія сословья—духовенство, купцы и проч.

3) Лѣзти—лѣзть—по Ангарски.

Эта пѣсня ранѣе была популярна не только среди сибирскихъ солдатъ, но и крестьянъ. Записана со словъ села Рыбнаго, Енис. окр., Пинчугской вол. крестьянина Дмитрія Козырева.

№ 8. Обь Александрѣ! (любопытная томе по мѣсту записи).

Торжесивуетъ вся наша Рассея,
Александровъ тронъ гремитъ! ¹⁾
Александръ сидѣлъ на тронѣ,—
Вострый мечъ въ рукахъ блисталъ.
Онъ во всѣхъ странѣхъ блистаетъ
И стращаетъ всѣхъ враговъ:
Австріяковъ-прусаковъ,
И французовъ, поляковъ!
Австріяки и прусаки,
Распознайте, кто есть я—
Вся Рассейская земля!
Какъ во нашей было сторонѣ—
Москва-городъ стѣбитъ на горѣ,
Москва городъ стѣбитъ на горѣ,

Питербургъ-то—на Невѣ.
Мы во гвардіи стояли,
Сваго шефа дожидали.
Шефъ нашъ первый—Михаилъ
Предводитель съ нами былъ ²⁾
. Александръ
Да нашъ отецъ,
Мы совѣмъ ему вѣнецъ,
Мы совѣмъ ему вѣнецъ
Отъ своихъ чистыхъ сердець!
На головушку надѣнемъ
Да какъ грянемъ всѣ ура!!

С. Рыбное на Ангарѣ. Записана со словъ крестьянина Дмитрія Козырева 1893 г.

А. Александровъ.

Домовикъ въ галицко-русскихъ вѣрова- ніяхъ.

Нѣкоторые люди имѣютъ домовика, который приноситъ имъ богатство и счастье, исполняетъ всевозможныя хозяйскія работы, вообще служить своему хозяину вѣрно, но зато по смерти беретъ себѣ его душу. Такой домовикъ называется здѣсь хованецъ, годѣванецъ или просто свой.

Чтобы получить хованца, нужно носить подъ лѣвой мышкой девять сутокъ—яйцо - зносокъ отъ вполне черной курицы: все это время нельзя ничего работать, ни говорить, ни молиться и въ церковь не ходить, ни мыться, ни чесаться. Только тогда послѣ 9-ти сутокъ выйдетъ изъ яйца хованецъ. Это—самый правильный и заурядный рецептъ, извѣстный не только въ цѣлой Галиціи, но и у многихъ другихъ народовъ. Однако отдѣльные мотивы его получаютъ въ разныхъ мѣстностяхъ Галиціи разныя, хотя и незначительныя, видоизмѣненія. Прежде всего расходятся мнѣнія насчетъ качества яйца, производящаго хованца. Оно можетъ быть или первымъ яйцомъ молодой курицы, или послѣднимъ старой; должно быть безъ желтка или съ двумя желтками, или наконецъ должно происходить отъ курицы, поющей пѣтухомъ, такъ какъ въ такой курицѣ сидитъ чертъ. (Это послѣднее записано отъ Михаила Голуба изъ Бурусова, бобрецкаго уѣзда).

Время, когда выгрѣвается яйцо подъ мышкой, также не вездѣ безразлично для этого дѣла. Въ с. Яленковатомъ, скольскаго уѣзда, и въ с. Бурусовѣ, бобрецкаго уѣзда, вѣрять насчетъ этого такъ: нужно носить яйцо подъ мышкой 9 сутокъ передъ Пасхой; на «великдень» пойти съ нимъ въ церковь на утреню и, когда священникъ провозгласитъ: Христосъ воскресъ!—слѣдуетъ тихо сказать три раза: и мой воскресъ! Въ эту-же минуту выльзетъ изъ яйца хованецъ.

Также считаютъ порою нужнымъ завинуть яйцо въ «ключе» и такъ носить его подъ мышкой.

¹⁾ Послѣ каждаго двустушія—привѣтъ: то-то люди то-то люди то-то люшеньки мои.

²⁾ Пропускъ.

Хованца можно получить также слѣдующимъ образомъ: «во Львови е такий склепъ, и тамъ висятъ на стинѣ два кресты, еденъ правдивый, а другій намалѣванный мажевъ; то треба той правдивый крестъ ударыти, а той зъ мазн поцѣловати, тогды той кулець дастъ хованця. (Записано отъ Михаила Голуба изъ с. Борусова.) Приведемъ еще нѣсколько народныхъ разсказовъ о существѣ и значеніи домовика.

— «Такого голованца держать десь въ запори, абы никто не выдывъ, въ коморн або на подѣ; разъ надень дають ёму въ черепшѣ вѣсты всяку страву, лишь щобы не була голѣна. Во якъ-бы му посолывъ, чы на збытыл, чы тавй нехотячы, то ся тяжко пимстытъ». (Зап. отъ Антона Лазоревича изъ с. Крушельницы, скольскаго уѣзда.

— «У старого Луця Мельныка на подѣ *бувъ годованецъ и черезъ то Луць бувъ богачъ на цѣлѣ село. Той годованецъ бувъ якъ-бы маленькій панычъ, въ чорнымъ снопцѣрку съ свѣтѣчымъ гудзыкамъ, такъ го кылька сосидивъ выдыло. Не-разъ ввійдуть люде до хаты, дѣти ся колышуть въ колѣсцѣ, а годованецъ мѣжы нѣмы съ люльковъ въ зубѣхъ; и такъ ся съ нѣмы колѣше, ажъ пидъ повѣду. Разъ забулы и далы му чыръ посолѣный, а самы пишы въ полѣ. Прыходять съ поля, а той вытягнувъ быка на пидъ и повисывъ го на драгары горѣ ногамы. И вси чѣлы, якъ ся старый Луць за то съ нимъ на подѣ сварывъ.

— А якъ старый Луць умеръ, то годованецъ бувъ ще въ хати рикъ по ёго смѣрты. А потому сынъ Луца не хотывъ ся съ нимъ вже заходыти, боявъ я дѣшу загубыти. То разъ, якъ годованецъ влизъ до шуфляды въ столѣ, винъ забывъ го тамъ цвѣточамы и якъ була злива и прыйшла велыка вода, пустывъ стивъ доли рикѣвъ. Але съ тавтого боку надійшовъ зять небжчика Луца, зыймавъ стивъ и вже видъ того часу дуже розбогатывъ». (Зап. отъ Евки Даневъ изъ с. Крушельницы).

Представленіе о домовикѣ смѣшивается часто въ протонародномъ воображеніи съ представленіемъ о такъ называемомъ «винклязѣ» — неразвѣнномъ рублѣ. Такую смѣсь этихъ двухъ, въ сущности разныхъ, понятій представляютъ нижеслѣдующіе два разсказа, записанные мною отъ Татьяны Михайловичъ изъ с. Головеца, скольскаго уѣзда.

— «Ишовъ хлопъ полемъ и выдытъ, що другій хлопъ оре чтырма волы самъ-едень, и чѣе якъ щось му вывмы гонытъ: собъ, ча!, а ныч не выдытъ. Прыходять ближе, а тамъ щось свѣще. Тогды винъ каже: а хто то вамъ, гѣздо, волы, гонытъ?— То мени, каже, мой сынъ волы гонытъ.— Де-жъ е вашъ сынъ, волы го небыдко?— А-о, воловы въ правимъ ўси!— Тай вынявъ зъ ўха, а то было яблочко, то у яблочку сыдытъ той винклязъ. А той хлопъ каже тогды: а спродайте вы мени того свого сыва!

— Та продамъ.— А що хочете?— хочу, каже, тры срыбни. Той вынявъ и давъ и каже ёму: я вамъ даю, лишь абы винъ видъ мене не втыкъ.— И спрытавъ го до кешѣнн мѣжы гроши. Прышовъ доми и самъ ся такъ тышытъ, що вже не требуе слугы держаты. Явъ винъ выниматы зъ кешѣнн, а ту ани грошей ани того ябка».

— «Пойіхалы ксѣндзъ на ярмарокъ, взяли тамъ по торгѣвни торгѣваты щось, подѣбалы тамъ едного хлопа, а ёму щось пидъ плечомъ спивае. Тогды пытають ёго ся ксѣндзъ: а що тамъ у тебе спивае?— Прощу его мѣся, то такий у мене сынъ такъ фѣйно спивае.— Тоты ксѣндзъ ялы казаты: продай ты мени ёго, хлопе,— Вынявъ той хлопъ, а то бувъ самсонъ або винклязъ, такѣ червѣне яблочко. То ксѣндзъ ся пыталы: що ты хочешъ, хлопе, за то?— Явъ той хлопъ казаты: я хочу два срыбни.— Но, ксѣндзъ далы ёму тогды два срыбни, а тотѣ ябко спрыталы у пулярошъ съ гришмы. И прыйшлы до дому, вынимають ксѣндзъ пулярошъ, дывлятыся, аю нема ни того ни грошей»—

Это и есть важнѣйшіе мотивы галицко-русскихъ повѣрій о домовикѣ.

Юльианъ Яворскій.

Галицко-русскія повѣрія объ опыряхъ.

Если беременная женщина посмотритъ въ церкви во время «великаго входа» на священника, несущаго чашу, то ея дитя будетъ опыремъ, то есть, будетъ имѣть двѣ души. Узнать это можно по тому, что такой человѣкъ разговариваетъ самъ съ собой; каждый кто имѣетъ эту привычку думать вслухъ, или кому хотя-бы въ большомъ волненіи случится это, считается непременно опыремъ, съ двумя душами.

Съ опыремъ нельзя жить въ дружбѣ и мирѣ, такъ какъ онъ тогда легче всего можетъ «хрестьянина» свести со свѣта или даже съѣсть; съ нимъ нужно постоянно ссориться и относиться къ нему враждебно, это уничтожаетъ или по крайней мѣрѣ уменьшаетъ его демоническую силу.

А сила опыря уже при его жизни очень велика и всестороння. Онъ можетъ умерщвлять и просто съѣдать людей, можетъ отводить или призывать разныя болѣзни и эпидеміи, грозу, дождь и градъ; онъ открываетъ тайны и знаетъ будущность, чаруетъ коровъ и отнимаетъ или увеличиваетъ у нихъ молоко и т. д. Онъ можетъ дѣлаться невидимымъ или принимать на себя видъ разныхъ животныхъ.

Но еще злѣе и страшнѣе дѣлается опырь по смерти. Тогда онъ каждую ночь между полуночью и первымъ пѣвнемъ выходитъ изъ могилы и ходитъ къ спящимъ людямъ, обыкновенно къ своимъ роднымъ, или высасываетъ имъ кровь, такъ что они умираютъ, или заманиваетъ ихъ, а то и на-силу тащить къ себѣ въ могилу.

Опыря, живъ-ли онъ или мертвый,—все равно, люди страшно боятся и стараются защищаться отъ него, какъ знаютъ. Такъ напр., если живой опырь чаруетъ коровы и отнимаетъ имъ молоко, то берутъ 12 кусковъ желѣза и бросаютъ ихъ въ печь на огонь. Когда эти куски разожгутся, то опырь приходитъ тогда въ этотъ домъ и проситъ, чтобы вынули желѣзо изъ огня, такъ какъ это жжетъ и его. Тогда можно съ нимъ завершить договоръ и онъ оставляетъ уже этотъ дворъ въ покоѣ.

Если опырь ходитъ по смерти и убиваетъ людей, тогда откапываютъ его гробъ, отрѣзываютъ ему голову и кладутъ ее въ ноги трупа, прибавляютъ ее основнымъ колодезю или желѣзнымъ гвоздемъ ко дну, и тогда уже опырь не можетъ тронуться изъ могилы.

Въ заключеніе сообщу еще нѣсколько подлинныхъ разсказовъ объ опыряхъ, записанныхъ мною въ разныхъ окрестностяхъ русской Галиціи.

—Въ нашихъ селѣхъ е жидъ и винъ е опырь. Разъ на Вознесеніе вѣчиръ по-выходылы хлопъы зъ корчмы, а ту якъсь бвдѣ напротивъ ныхъ бижытъ и номынула ихъ якъ стріла. Оны вже озыраются, де онѣ ся подіне? А то перевѣнулося котомъ и ползло по-пидъ браму до еднѣго богача и забигло до стайни.

Тоти хлопъы пишлы до господари, и му сказали. Винъ тогды вѣйшовъ до стайни съ лятѣрньовъ дывытся, а въ стайни е китъ. Злапавъ котѣ, вривавъ му ухо и пустѣвъ. Бо ся не хотивъ зачпѣты съ бидѣвъ, инѣ абѣ знакъ маты, що то за едѣнь е?

На другый день прыходытъ винъ до корчмы, а тамъ жидъ съ обвязаннымъ ухомъ. Тай важе му тогды жидъ: ой, назначывъ есь ма такъ, що ни мѣжы люде ся не могу показаты, ни други опыри менѣ тепѣрь не потребуютъ!

(Записано отъ Сени Вереса изъ с. Грушатычъ, бобрецкаго уѣзда.)

«Двѣ ихъ было въ хатѣ, дидо съ бабовъ. Тай дидо умѣръ, люде ся посходылы на свиченя, трѣхи посѣдылы тай ся потѣму забырають домѣ; баба каже: идѣтъ, людѣве, кой идѣте, я вже свѣду прѣятельковы самѣ посвѣчу!

Люде ся розійшлы, сьдѣтъ баба у зашпчку, сьдѣтъ, видтакъ подѣвъ витѣрь и сдѣвъ съ дидѣ полотно. Идѣ баба пидымѣты тотѣ полотно, анѣ и дидо ся самъ

явъ кѣваты; якъ тотѣ баба увѣдила, то утеклá до комѣры и замклáся. Дидо за невѣ, добуваеся до комѣры, анѣ не мѣже. Вѣлизѣь тогдѣ на пидѣ тай розметавѣ повалыня, хѣче вже листы крузь дѣру до комѣры, а ту когутѣ зацѣявѣ! Дидо застыгѣ на подѣ, а баба зо страху въ комѣри! ..

(Зап. отъ Татьяны Михайловнѣ изъ с. Головецка, скольскаго уѣзда.)

—«Умерѣ едѣнъ старѣй чѣловѣкъ, спрѣтали го тай нычѣ. Але до добѣ за нымѣ умерѣ молодѣй парубокѣ, за тымѣ зновѣ молодѣй гáзда, такѣ кáждый день хтосѣ въ селѣ умырае. Ну, нычѣ, ажѣ разболѣвся у богачá еднѣакѣ тай зáраазѣ умерѣ. Не мѣже того богачѣ подарувáты, идѣ до ксѣндза тай кáже, що то хтосѣ людѣй пойдáе, пѣвно той старѣй, що пѣршый умерѣ, трѣба го розкопáты. Ксѣндзѣ не боронѣлы, ну, пшѣловѣ той хлѣцѣ, взѣвъ-сы ще трѣхѣ, пшшлы до тѣи бабы и кáжутѣ: ходѣ бабо, бо идѣмѣ тѣого гáзду розкопувáты. Взѣлы-сы видѣ нѣй плáхту и пшшлѣ вже съ бабовѣ на цѣмѣнтáрь; ялы тогдѣ грибѣ розкопувáты, розкопáлы, а винѣ сьдѣгѣ, пидпѣрся на рѣкы, такѣй червѣный, тѣлько жáе кервѣ въ собѣ лѣд-скои. Дѣвѣтыся баба, кáже: тѣфу, препáвысь, не двѣгѣбѣсь-ся, не встáвѣбѣсь! Тогдѣ ёго вѣтягнулы зѣ ямы, порубáлы, завязáлы въ плáхту, постáвылы на тернѣвый корчѣ, пидпáлылы, и сгорѣвъ. Якѣ ёго тамѣ спáлылы, такѣй за нѣмы вѣтерѣ нечѣ-стый подувѣ и вшѣвъ за нѣмы заводячѣ видѣ цѣрквы ажѣ у селѣ до корчмы».

(Записано отъ нея-же.)

—«Умерѣ молодѣй гáзда, спрѣтали го, тай нычѣ, ажѣ четвѣртой нѣчы пры-ходѣты пидѣ викно тай клѣче: Марѣсю, пустѣ мя! Онá встáла, пустѣла, явъ винѣ нѣй казáты: по, збыраѣся зо мновѣ!—А дѣты якѣ лѣшу? Пштáеся жѣнá.—Лышѣ такѣ якѣ я лышѣвъ, не бѣде нмѣ нычѣ!—Зибрáлася онá, позбырáла своѣ рубáты тай идѣ. Идутѣ пѣ-пры цѣрковѣ, а винѣ кáже: кѣрны спяты, свѣтѣны спяты, а мертвѣй живѣого до грѣбу ведѣ!—Прышлѣ такѣ идѣ грѣбовы, а винѣ кáже: розтворѣся грѣбе!—Грибѣ ся не отвѣрае. Кáже винѣ такѣ другѣй разѣ и третѣй и ажѣ за третѣмѣ разѣмѣ розтворѣвся грибѣ. А винѣ кáже тогдѣ жѣнци: ну, скачѣ у грибѣ!—Ой я не скáчу, скачѣ ты вперѣдѣ!—Винѣ ускѣчѣвъ, а онá вѣргá за нымѣ своѣ рубáты. Винѣ тамѣ зразу гáдавѣ, що то онá скѣчыла, тай кáже: запрѣся грѣбе! Грибѣ ся залѣръ, а онá тогдѣ въ нѣгы, якѣ яла утѣкáты! Увѣдивѣ опѣръ въ грѣби, що жѣнѣ немá, кáже: отворѣся грѣбе! Грибѣ ся отворѣвъ, явъ винѣ лѣзты изѣ грѣбу, догоняе нѣ. А онá бѣжѣтъ-бѣжѣтъ, вѣдѣтъ свѣтло въ хáти, бѣхнула въ дѣри, вѣигае, анѣ тамѣ лежѣтъ мертвѣи на лáвыцы, никѣго въ хáти немá, лышѣ когутѣ сьдѣгѣ на плáщѣ. Сѣла онá на прыпѣчку та вже ся Бѣгу мѣлытъ. А тотѣ пры-бѣгѣ пидѣ викно тай клѣче: пустѣ мя, брáтцю, я такѣй якѣ и ты!

Явъ тотѣ мерлѣцѣ на лáви ногáмы кѣваты, а онá тогдѣ розѣсáла изѣ сѣбе пѣясѣ та кѣнула му на нѣгы. А винѣ тогдѣ кáже: не пѣшу ты, брáтцю, бѣ-мы ланѣцѣхѣ на ногáхѣ!—Кáже тотѣ сѣ-пидѣ викна зѣнову; пустѣ мя, брáтцю, я такѣй якѣ и ты!—Явъ тотѣ на лáви рукамы кѣваты, а онá знѣла изѣ сѣбе пацѣрки тай кѣнула му на рѣкы.—Ой, не пѣшу ты брáтцю, бѣ-мы ланѣцѣхѣ на рукахѣ!—Кáже той вже третѣй разѣ: пустѣ мя, брáтцю, я такѣй якѣ и ты.—Явъ тотѣ гѣлову пшщѣмáты, а онá зѣ сѣбе ўплѣты знѣла и вѣргá му на шѣю.—Не пѣшу ты, брáтцю, бѣ-мы ланѣцѣ на шѣи!—

А тогдѣ запило тотѣ когутѣ, ну, вже нѣй ся лѣкше вчѣныло. Той замертѣвъ на лáви, а тамтѣй пидѣ викѣмѣ на двѣри.

(Записано отъ нея-же.)

Кѣ вышѣпрѣведенѣому рáзскáзу записалѣ я въ с. Борусѣвъ, бѣбрецкаго уѣзда отѣ крестьянѣна Луцá Струка слѣдѣующѣй варѣантѣ:

—«Служѣвъ едѣнъ хлѣпѣ у пáна, а жѣнку мавѣ въ селѣ и хáтыну. И поѣ-хавѣ съ тымѣ пáновѣ до далѣкого мѣста, а тамѣ булá слáбѣсть; и винѣ тамѣ захо-рувáвъ и умерѣ, и въ тымѣ краю чужѣмѣ го поховáлы. Винѣ тогдѣ вѣдтамѣ въ нѣчы прынѣхавѣ сѣвымѣ конѣмѣ до свѣдѣй жѣнки пидѣ викна и клѣче: Кáсю, Кáсю, отворѣ! А онá ще не знáла, що винѣ тамѣ умерѣ, гáдае-сы: вернѣвъ зѣ дѣрѣгы.

Встала, отворила, а винъ до ней каже: беры свои хустки та деяке липше шматье, поидемо геть, бо я соби въ чужымъ краю купывъ ничу хату и грунтъ, липши якъ тѹ. — Она збирала своё шматье и вѣйшла. Взявъ винъ її за рѹку и на коня, поѣхали. Ажъ якъ она сила на коня, то злякла бо выдѣтъ, що то не кинь, якъ мае бѹты, инѹ такъ якъ витеръ.

Прѣйжджають вже до того мѣста, де винъ умеръ, перейхали безъ мѣсто, не вступають нигдѣ. И ѣдутъ за цѣрковь, прѣсто повертають на цѣмѣнтарь. Тамъ уже кинь счезъ, инѹ винъ лышѣвся и она. А на грѹби егѹ була дѣра на середѣни. И винъ каже: лизъ тудѣ, тамъ е мои добра.—Тогдѣ она каже такъ: лизъ ты наперѣдъ, а я потѹму полизу.—И винъ полизъ, и она каже емѹ тогдѣ, абѣ тягнувъ скрызъ дирѹ ей шматье. Забѣла тамъ шматье въ дирѹ, а сама зачала втикаты геть, безъ поля, ровы, але сама не знала куда. Летѣла, летѣла, и сдалеку вѣдытъ свѣтло. Бѣжытъ вже до того свѣтла, тамъ прылѣтае, а то хата на поля. Тарахнула она въ дѣри, видсѹнула сини, вбѣгла до хаты, а тамъ мерлѣй лежытъ, нема бѣльше никѹго въ хаты, лышь свѣтытся свѣтло. И она зъ лѣку влизла за пѣецъ и сѣдытъ тыхѹнько.

А тамъ ей чоловікъ добѹвся зъ грѹбу, взявъ-сы ще бѣльше опырѣвъ и лѣтывъ за ковъ и прылѣтывъ ажъ до самой той хатыны. Тогдѣ крычытъ цѣрезу вѣнѹ: ѹтврѣжъ мерлѣй мерлѣму, шось будемъ рѹбѣць живѣму! И той мерлѣць въ хаты зачѣвся рѹшаты, то нѹгу ссѹне, то рѹку, а ногѹму и цѣлѣй вставѣ, цѣшѹвъ и отворѣвъ дѣри.

И опырѣвъ тамъ найлѣло пѹвна хата и вже ей клѣчуть: вылазѣ зъ-за пѣца! А она имъ каже: я не маю чѹбѣтъ, прынесѣтъ-мы перше чѹботы!—Пѣславъ той опырѣ зарѣвъ одного до своѹго грѹбу, бо она тамъ своё шматье лышѣла, таѣ вже прынѣсь, и зновѹ її клѣчуть. А она тогдѣ вже каже: то хѹстки не маю ще, то пѹяса не маю, ажъ їїй такъ всё шматье попрыносѣлы. И вже-бы їїй тогдѣ була смерть напѣвне, але тымчасѹмъ такъ панъ-бѣгъ давъ що когѹтъ зашѣвъ, дѣсь тамъ бувъ въ хатыни когѹтъ. И тогдѣсь вже вси опыри порозлѣтали, порозѹбывѣлыся, и она вже мѣла спѹкѣи.

Прѣйшло рѣно, дѣла она знѣты до людѣй, и тогдѣ взялы, тамъ и забѣлы тымъ опырѣмъ осмыѹвый кѣль въ цѣсокъ наскрызъ ажъ въ зѣмлю.

А она ѣшла до своѹго сѣла назадъ тры мѣсяци, а опырѣ її завѣзъ видтамъ за еднѹ годѣну».

Часто случается также, что опырѣ ходѣтъ по смерти къ своей женѣ или и къ чужой женщины, спѣтъ съ ней и пользуется правами мужа. О такомъ случаѣ упоминаетъ слѣдѹющѣй народный разсказъ:

— «Едѣнь гѣзда дѹже шанѹвався съ своѣвъ жѹповъ, таѣ такой молодой умеръ, спрятали го. Нема еднѹ ничъ, нема другѹ, трѣтонъ вже винъ прыхѹдытъ до хаты, дѣты повѣдсѹвавъ, самъ лѣгъ кѹло жѹны, лежытъ. И такъ ходѣвъ двѣ недѣли до ней, така она вже стѣла, що лѹде її ся пѹджалы, таѣ ялы її ся шытѣты: що тоби, молодѣще, що тоби ся стѣло?—Ой, каже, я-бы вамъ сказѣла, кобѣ-мъ не умерла!

Ну, нычъ изъ нычѹго, надѣйшла разъ до ней якась подѹрожна баба, а бѣвъ вже вѣчыръ, прѹсытся, кабѣ її прыѣла наничъ.—Я-жъ бы-мъ васъ, бабко, прыняла, та вы у мене не можете почувѣты!—То чѹмѹ?—пытѣся баба.—Ой, бо до мене мерлѣй гѣзда ходѣтъ на-ничъ! Яла її всё казѣты. А баба їїй тогдѣ каже: спрѣчь-же ты менѣ пѣдъ цѣберъ, що рубѣты мѹчышъ, а собѣ внесѣ шматье винчѣвне и пѣвку, хустки и пѹясъ и свѣчку свято вечѣрну, а якъ вже бѹдѣшь мѣрковѣты, що винъ идѣ, запалѣ-сы тогѹ свѣчку, влѣзь за стѣвъ и убѣрайся; винъ бѹдѣся тебѣ шытѣты, где ты ся зѹбрѣашъ? ты емѹ кажѣ: идѹ на весѣлѣ до мамы!—А якѣжъ тамъ весѣлѣ?—Ты кажѣ, що братъ сѣстрѹ берѣ. Опытѣ тоби бѹде казѣты: кто такѣ чувъ, бы братъ сѣстрѹ бравъ?—А ты му на то: кто такѣ чувъ, бы мертвыѣй до живѹго ходѣвъ?—И хотѣ-бы ты якъ клѣкаль, не ѣды.

— Поклѣла она дѣты спѣты, бабу спрятала подъ цѣберъ на запычку, тогдѣ

собѣ запалѣла тоту свичку и стала убираться за столѡмъ. Чѹе, йде вже гѣзда, отворѣвъ-сы синни двѣри, хатни, вѣйшовъ у хѣту и сивъ-сы конѣць стола. Тай пытае її ся: где ты ся збыраешъ?—Та на веселѣ до мамы.—На яке веселѣ?—Братъ сестрѹ бѣре.—Кто тотѡ чувъ, абы братъ сестрѹ бравъ?—А кто тотѡ чувъ, абы мерт-вѣй до живѡго ходѣвъ?

Не кѣже винъ їїй нычь, дѣли кѣже йїй: ходѣ, наѣ ты хотъ поцѣлѹю!—Ой, я не пиду!—Ходы, кѣже, наѣ лышу на тѡби познаку!—Не лышай на менѣ, лышѣ на мойхъ столѣ!—Внѣ тогдаъ якъ вдѣрывъ рукѡвъ о стѣвъ, то ажъ проломѣвъ стѣвъ, кѣлько рукѡ—тѣлько вѣнало стола. И тогдаъ витерь подѹвъ, поотворѣло двѣри и вѣило го зъ хѣты, и пролавъ вже на выки».

(Записано отъ Татьяны Михайловнѣ изъ с. Головецка).

Опырь — это одно изъ самыхъ, такъ сказать, популярныхъ и повседневныхъ представлений галицко-русскаго сѹевѣрїя. Каждая деревня, почти каждый дворъ передаѣтъ вамъ свои особенныя сказанїя и повѣрїя о немъ. Приведенные выше рассказы и замѣтки можно считать ихъ типическими отраженїями.

Юльiana Яворскїй.

Изъ галицко-русскихъ народныхъ сказанїй и сѹевѣрїй.

1) Отчего одни люди женятся, а другїе нѣтъ?—За тѡе, що Эва скусѣла Адама, Богъ проклѣвъ її, щобѣ она на землѣ рѡдыла дѣты въ боляхъ, а по смѣрти абы кѣждаго дня несла тѣлько яѣць, кѣлько людѣй на-день умырае, такъ до выку. Тай берѣ Богъ тотѣ яйца, розкравѹе на двѣ половѣнци и мѣче на землю. Зъ одной половѣнци рѡдѣтся хлѡпецъ, а зъ другой дѣвка, и онѣи ся потѡму, якъ пидростѹтъ, жѣнатъ. Але то й такъ бувае, що една половѣнца яйця впаде на море, а другѣ на землю, або що одну половѣнцю зпѣсть якїй звѣрь, то вже той чоловѣкъ зъ той другой половѣнци, що не пропала, не мае уже своѣи парѣ и лышѣся цѣле жытѣе парѡбомъ або дѣвкою. (Зап. въ с. Борусовѣ, бобрѣцкаго уѣзда, отъ Татьяны Голубѣ.)

2.) Вѣлыты. — Давно, отъ видѣ насъ такъ трѣтого поколѣнїя, бѹды таки вѣлыты, що подѣвъ въ Йїлова черезъ горѹ сокѣру сюды, такѹ рѹку мавъ. То въ Кохавынѣ, въ Косцѣли, стоѣтъ ще вѣнѣка така нога вѣлыта, видѣ землѣ ажъ до повѣлы. А якъ ще бѹды мало такихъ малѣхъ людѣй, отъ якъ мы, то разъ вѣйшовъ оратѣ чоловѣкъ на полѣ. А винъ нѣдѣйшовъ, той вѣлытъ, тай такъ взявъ на прыгорщи тѡго господаря и волѣ й плугъ, и прыносѣтъ до мамы: дѣвѣся мамо, кѣже, яки ту хробачкѣ рылютъ полѣ!—

А по насъ зѣнову такѣ бѹдутъ малѣнькѣ людѣ, що сѡрокъ ихъ мѡже въ пѣцу молотѣты. Але то вже мѡже ажъ тогдаъ, якъ якїй потѡвъ бѹде, або що хтѡ-то мѡже знѣты Вожу волю?—(Зап. въ с. Борусовѣ, отъ Луца Струка).

3) Чары на безплодность. а) Абѣи зачѣнѣты дѣты, то якъ е на дѣвци пѣрше жѣнскѣ право (менструация), то возьмѣ-сы видѣ молодѡй кѹрки пѣрше яйцѣ, сказѣтъ она тотѡ яйцѣ и вѣпѣстытъ въ нѣго свѡго права. И берѣ тотѡ яйцѣ и заковѣе кѡло стола въ землю. Стоѣтъ тотѡ яйцѣ 9 дѣбъ въ землѣ. По девѣтѣхъ добѣахъ вынымае тотѡ яйцѣ и въ тѣмъ яйцѣи е шѣсть червакѣвъ съ чѡрными головами. Тѣлько-бы она дѣтѣй мѣла. Казаы їїй людѣ кѣнуты въ воду, то-бы мѣла дѣты; не слѹ-

хала она того, не боялася гриху, кенула въ огонь, тай згорили на вѣки, аминь — (Зап. отъ Татьяны Михайловичъ изъ с. Головецка, скольскаго уѣзда).

6) Або зновъ беруть жѣны свѣго цвиту (менструація) въ конопѣнне повѣсмо; завязуютъ дѣсять гүзивъ на дѣсять угливъ, зывають тотѣ и носятъ дѣвять дпбъ. въ ночѣ носятъ пидъ правымъ плечомъ, а въ день пидъ ливымъ колиномъ. Якъ тыхъ у дпбъ вѣстоятъ, тогды беруть, закнууть пидъ шидлогу, пидъ угдль де ся завязуе хату п кажутъ до трѣхъ разъ: прѣчу ты не на рикъ, лмыш на вѣкъ! То тогды вже не бѣде жала дитѣй. (Записано отъ неа-же).

4) Инклюзъ. Пишовъ еденъ чоловікъ зъ Борынчы до Роздѣлу, тай здыбавъ на дорѣзи рѣнсьвий-конфлюзъ. Принисъ го до дому, а не знавъ ще, що го не чысти грѣши. И де ёгѣ змнявъ або выдавъ, то винъ и самъ все прыйшовъ до него назадъ, и ще други грѣши принисъ. И якъ вже ся той чоловікъ пидпомигъ дѣбре и ёму ся вже то змерзѣло, то пишовъ до ксѣндза и повивъ. А, ксѣндзъ тогды му казавъ назадъ на то самѣ мисце виднѣсты, вѣдки го взявъ. То якъ тамъ виднисъ на ту дорѣгу, то конфлюзъ страшно ся сѣрдывъ и шапку съ него здеръ, мѣло му смерть тамъ не бѣла. Тай бѣра стала тамъ така що-страхъ, але потѣму вже бильше той конфлюзъ до него не вертавъ.—(Записано отъ Луца Струка въ Бурусовѣ).

5) Снимать звѣзду съ неба. У насъ е одна кобѣта, що знимѣе звиздѣу съ неба. Она пѣде на горѣдъ и стане по ливий руцѣ въ конецъ горѣда и каже: звиздо, спустыся до мене!—И махае рукѣвъ до неба, и тогды звиздѣ спустытъ ѣи ся въ рѣки. И она несѣ ѣи тогды до хаты и кладѣ въ ямку, въ глухымъ кнѣцы коло дверей. Тотѣ звиздѣ бѣде тамъ пидъ дѣвять дпбъ лежаты и тогды вже съ невъ може чаруваты що хѣче. А потѣму знову видносѣтъ звиздѣу на то самѣ мисце, де ѣи взяла, и пускае ѣи назадъ до неба.—(Зап. отъ Сеня Вереса изъ с. Грушатычъ, Бобрецкаго уѣзда).

6) Якъ бѣба хѣче навчытыся чаруваты, то пидъ Вознесѣнѣе въ ночѣ берѣ коцѣбу и идѣ съ невъ на дѣвять межѣвъ и тамъ прыхѣдѣтъ чаривныки до неѣи. И пытають ѣи ся: Ты ту е?—такъ до трѣхъ разѣвъ. Она тогды ажъ за трѣтымъ разомъ скаже: е!—Ходы-жъ съ нами.—Идѣтъ на такѣу дорѣгу, де ся тры дорѣгы сѣдѣтъ, и тамъ до ныхъ прыхѣдѣтъ найстаршѣй чаривныкъ и даѣ бѣбѣ такѣ зилье—пѣлоротъ, то вже съ тымъ може чаруваты.

(Записано отъ него-же).

7) Ящыричи ѣи дѣя берѣ бѣба и сѣшытъ на пѣцу, розтыраѣ тотѣ на муку, а потѣму сѣпле то чоловіковы, на котрѣго вже маѣ дѣко, до гербаты або-дѣ, абѣ выпивъ. То е на трыбѣу, на данѣе такѣ; видъ того потѣму чоловіковы лѣзѣтъ ящыричи по животѣ. (Отъ него-же).

8) До корѣвъ е дѣбре маты въ стѣйни пѣпа, то винъ не дасть вже корѣвы чаруваты и видганѣе гегъ нечысты сѣлы. (Отъ него-же).

9) Чаривныця маѣ часѣмъ еднѣу цыцьку на перѣди, а другѣу на плечѣхъ. (Отъ него-же).

Юльана Яворскій.

Сказки.

(Приложение къ статьѣ С. В. Максимова).

1.

О царѣ и портномѣ.

Досюль жилъ-былъ царь на царствѣ, на ровныхъ мѣсти, какъ сыръ на ска-терти. Этотъ царь былъ охотникъ сказокъ слушать. И сдѣлалъ онъ по царству указъ, чтобъ сказали сказку, которой никто не слыхивалъ:

«За то кто скажетъ—огдажь полцарства и царевну!»

Этой сказки сказать никто не находилъ!

Приходитъ изъ кабака швецъ, говорить царю:

« Ваше царское величество! извольте меня напоить-накормить: я вамъ буду сказки сказывать!»

И напоили, и накормили, и на стулъ посадили.

И сталъ сказки сказывать:

«Какъ досюль былъ у меня батюшка—богатаго живота человекъ! И онъ состроилъ себѣ домъ: что голуби по шелому ходили—съ неба звѣзды клевали! У этого дома былъ дворъ,—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, меженинъмъ днемъ, голубь не могъ перелѣтывать!..

«Слыхали-ль эту сказку, вы, господа—бояра, и ты надежа—великій царь»? Тыни говорятъ, что не слыхали.

«Ну, такъ это не сказка, а присказка: сказка будетъ завтра, повечеру.—Те-перь меня прощайте!»..

Ушелъ.

И приходитъ опять на другой день, и говорить:

«Ваше царское величество! извольте меня напоить-накормить: я вамъ буду сказки сказывать!»

И напоили, и накормили, и на стулъ посадили.

И сталъ сказки сказывать.

«Какъ досюль былъ у меня батюшка: богатѣйшаго живота человекъ! И онъ состроилъ себѣ домъ:—что голуби по шелому ходили—съ неба звѣзды клевали! у этого дома былъ дворъ:—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, меженинъмъ днемъ, голубь не могъ перелѣтывать!—И на этомъ дворѣ былъ выращенъ быкъ:—на томъ рогу сидѣлъ пастухъ, на другомъ—другой; въ трубы трубятъ и въ рѣги играютъ, а другъ другу лица не видно и голоса не слышно!..

«Слыхали-ль эту сказку вы, господа бояре, и ты, надежа—великій царь»? — Нѣтъ не слыхали!»

Шапку взялъ, да и шелъ.

Царь видить, что это человекъ не путный, — жаль стало царевну отдать,—гово-ворить господамъ:

«Что, господа бояра?— Скажемъ-те, что слыхали эту сказку, и подпишемъ-те!» Господа согласились, что—слыхали эту сказку, и подписались.

На третій день приходитъ этотъ портной и говорить:

«Ваше царское величество! Извольте меня напоить—накормить: я вамъ буду сказки сказывать!»

И напоили и накормили, и на стулъ посадили.

И сталъ онъ сказки сказывать:

«Какъ досюль былъ у меня батюшка: пребогатаго—богатаго живота человекъ! И соорилъ онъ себѣ домъ: что голуби по шелому ходили—съ неба звѣзды клевали!— У этого дома былъ дворъ:—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, меженнымъ днемъ, голубь не могъ передѣтывать.—И на этомъ на дворѣ былъ вырощенъ быкъ: на томъ рогѣ сидѣлъ пастухъ, на другомъ—другой; въ трубы трубятъ и въ рога играютъ, а другъ друга лица не видно и голоса не слышно!—И на дворѣ была вырощена кобыла: по трои жеребятъ въ сутки носила, все третьяковъ, т. е. сразу трехъ лѣтъ возраста!—И ѣтъ во тѣмъ пору жилъ весьма богато!

И ты, надежа—великій царь, занялъ у него сорокъ тысячъ денегъ!..

«Слыкали-ль вы, господа бояра, такую сказку? и ты, надежа—великій царь?»..

Господа видятъ, что ничего дѣлать,—говорятъ всё, что слыжали.

«Ты, великій царь? Занялъ у моего батюшки сорокъ тысячъ денегъ—вижь, господа все слыжали!—А ты мнѣ денегъ до сихъ поръ не отдаешь!»

И видитъ царь, что дѣло не хорошее:—надо отдать царевну и полцарства— либо сорокъ тысячъ денегъ!

Отдалъ ему сорокъ тысячъ денегъ.

И пошелъ этотъ портной опять въ кабакъ, съ пѣснями!..

Вотъ-те, и сказка вся!..

Съино-Губскій Поостъ, въ За-Онежь.

2.

О царь - дѣвицѣ.

Одинъ разсказъ.

Нѣ у какого царя было три сына, первый сынъ—Федоръ-царевичъ; другой—сынъ Дмигрий царевичъ; третій—Иванъ-царевичъ...

Нѣ у коего царя былъ почестный ширъ...

И говорить своимъ собранннмъ генераламъ и графамъ:

«Что, господа! У меня три сына: кто бы могъ моихъ цвѣтовъ порвать и слѣдовъ поискать?»

И выходитъ большій сынъ, Федоръ-царевичъ:

«Батюшка, дай мнѣ прощеніе и благословеніе твоихъ цвѣтовъ порвать и слѣдовъ поискать!»

Этому царь радостенъ сдѣлался, и отпускаетъ;—велитъ съ конюшни наилучшаго коня дать.—И обсѣдали, и обуздали; и поѣхалъ во чисто поле по времени молодець.

И прѣзжаетъ ко столбу: на столбѣ подпись:

«Кто въ правую дорогу поѣдетъ—самъ сытъ, а конь голоденъ; а кто въ лѣвую дорогу поѣдетъ—конь сытъ, а самъ голоденъ; кто середнюю дорогу поѣдетъ—голова на плаху!»

Тутъ Федоръ-царевичъ пораздумался, и поѣхалъ въ правую дорогу.

И прѣхалъ къ мѣдной горѣ. Поставилъ коня у своего коня, и вѣсталъ на гору. Ходилъ по горѣ—ничего йнаго не могъ найти, окромѣ мѣднаго гада, весьма красиваго. И клалъ себѣ въ карманъ, и поворотъ дѣлалъ въ свое государство.

И прѣзжаетъ къ своему отцу, и входитъ въ тайныя комнаты своего отца, и кажетъ сего змѣя мѣднаго.

На это царь гнѣвенъ сдѣлался:

«Какую скверность ты привезъ! и може наше царство расточить!»

И послѣ этого сдѣлался царь очень грубъ, многовременно время.

Потомъ царь временно сдѣлался веселъ, въ саду гуляючи, и такожде приказалъ сдѣлать балъ.

И всѣ на пиру напивались.

Въ этомъ веселіи царь выходитъ и говоритъ:

«Господа генералы и графы! Какоежды у меня дѣти выращены до полного возросту, и такожде—говорить—никто не нашелся моихъ цвѣтовъ поломать и слѣдовъ поискать»!..

И потомъ выходитъ Дмитрій-царевичъ; поклонился и благословился у своего батюшка, что

«Дай мнѣ, батюшка, благословенія, твоихъ цвѣтовъ поломать и слѣдовъ поискать»!

Этому царь радостенъ сдѣлался, приказалъ наилучшаго коня дать.

И сѣлъ на добра коня и поѣхалъ во чистое поле.

И ѣздивъ по чистому полю и подѣхалъ къ этому столбу, и на этомъ столбу подпись:

«Кто въ правую дорогу поѣдетъ—самъ сытъ, а конь голоденъ; а кто въ лѣвую дорогу поѣдетъ—конь сытъ, а самъ голоденъ; кто въ серединю дорогу поѣдетъ—голова на плеху».

Пораздумался добрый молодецъ, и порасплакался:

Куда-жъ я поѣду?.. Поѣду въ лѣвую дорогу: конь будетъ сытъ, и меня вывезетъ»!

И ѣхалъ, близко ли—далече,—стоитъ велика прихоромнина; и заѣхалъ вокругъ дому, и подъ воротá, на дворъ заѣхалъ:—столбы точёные, кольца золочёныя.—И поставилъ своего добраго коня въ шены, и идетъ въ верхніе понои по лѣстницѣ.—И на встрѣчу ему жѣнка; и бѣжить—вѣжливо пріятно принимаетъ его. И всякой благодати на столахъ наложено кушанье. Увѣщаваетъ, кормитъ, и поитъ добраго молодца; и послѣ хлѣба—солъ на спокій ложитъ на кровать его. Какъ скоро на кровать положила, доску повернула, и улеталъ онъ въ погребъ!..

И царь многому времени дожидалъ этаво сына и много времени печаленъ былъ.

Потомъ сдѣлалъ царь балъ, и развеселился, говоритъ графамъ и генераламъ:

«Что, господа графы и енералы! вырастилъ трехъ сыновей, а какъ ни рачительныхъ, ни пошечительныхъ для службы, для своего царства; а нѣкому моихъ цвѣтовъ поломать и слѣдовъ поискать!»

И выходитъ Иванъ-царевичъ, и проситъ благословенія у своего родителя.

«Ахъ, Иванъ-царевичъ, царской сынъ! Лучше тебя братья были, да что сдѣлали?—Зналъ бы ты за пецкой лежать: нечего тебѣ не въ свое дѣло пихаться!»

И сдѣлался этому Иванъ-царевичъ очень яръ:

«Батюшка, великой надежда—государь! дашь прощеніе и благословеніе—поѣду; не дашь прощеніе и благословеніе—поѣду!»

И царь приказалъ наилучшаго коня дать, когда пушай по охотѣ поѣдетъ.

И вышли конюхи: что ни лучшаго коня ему выбираютъ и выдаютъ. Онъ самую водовожную лошадепочку, что ни есть похуже, выбираетъ. И сѣлъ доброй молодецъ къ хвосту рожею. И всѣ господа засмѣялися, что царской сынъ такъ не ладно поѣхалъ...

И выѣхалъ Иванъ-царевичъ въ чистое поле; и дернулъ за хвостъ, и кожу клалъ на гвоздь, и—

«Вотъ, вамъ, вороны и сороки: обѣдъ вамъ Богъ далъ!»

Самъ рѣкнулъ по-звѣриному и свистнулъ по звѣиному:—конь бѣжить, мать-сыра земля дрожитъ; со рта пламя машетъ, съ ноздрей искры сыплеть; съ ушей чадъ и дымъ столбомъ валить, съ . . . горячія головешки выкидываетъ!

Потомъ Иванъ-царевичъ взялъ добраго коня, угладилъ и—трлѣтняго младѣнчика кладъ, такъ и этотъ ѣздитъ!

И тутъ Иванъ-царевичъ шелъ въ свой великой, глубокой погребъ, который дѣдушкой имъ жалованъ погребъ—и наѣлся-напила добрый молодець; взялъ себѣ лучшіе тесьменные брозье и черкасско сѣдло. И подтягивалъ своего добраго коня, и бравъ себѣ вострый мечъ; и садился на добра коня—поѣхалъ въ чисто поле.

И ѣздя по чистому полю, прѣхалъ къ евому столбу. И на этомъ столбѣ подпись:

«Кто въ правую дорогу поѣдетъ—самъ сытъ, а конь голоденъ; а кто въ лѣвую дорогу поѣдетъ—конь сытъ, а самъ голоденъ; кто середнею поѣдетъ дорогой—голова на плаху!»

Тутъ добрый молодець Иванъ-царевичъ, и порасплакался—пораздумался:

«Не честь—хвала богатырская доброму молодцу тутъ ѣхать, гдѣ голова на плаху!»

И поѣхалъ добрый молодець въ чистое поле, взялъ поскакивать, и взялъ надъ добрымъ конемъ помахивать:—рѣки и озѣра между ногъ несетъ; грива колесомъ завивается—хвостъ по земли разстиляется!..

И выѣхалъ на зеленые луга, и увидѣлъ фатѣрку на веретѣнной пяткѣ: туды тынцѣмъ, сюды крыльцѣмъ. И соскочилъ добрый молодець съ добра коня:

«Мнѣ не вѣкъ вѣковать, одну ночь почевать:—я въ тебя иду, и выйду!»

И шелъ добрый молодець въ сѣю хоромину, кладеть крестъ по-писанному, поклонъ кладеть по учёному.

И сидитъ старая мать роженá: носомъ въ печи поваруетъ, и глазами гусей въ полѣ пасеть; руками шёлковъ кужель тѣчитъ черезъ грядкѣ:

«Фу-фу-фу: досель черной ворогъ кости росѣйской не занашивалъ; а нынѣ въ очи вѣржетъ!—Что ты, дитятко, волею иль неволею ѣздишь?»

Тутъ добрый молодець какъ прискочетъ къ старухѣ:

«Дамъ тебѣ поушину—будетъ отъ отдушина! а тамъ какъ песокъ посыпется—будетъ съ песокъ!—Ты бы, старушка, неучилась-то много богатыря спрашивать:—училась бы кормить да поить!»

Старушка на столъ собрала и накормила и напоила и постель постлала;—стала у Иванъ-царевича спрашивать.

«Волей ли ты, дитятко, ѣздишь иль неволей?»

И сталъ сказывать:

«Волей, а втрое неволей.—И насъ было у царя три брата: первый ѣздилъ—только мѣдны горы мѣднаго гада привезъ,—я засадилъ того брата; и дрѹгой въ безвѣстность ѣхалъ; потомъ наложилъ на меня службу,—его цвѣткъ ломать и слѣдовъ разыскивать.—Скажи, бабенка, далеке ли нашъ татенка ѣздилъ, въ бытность его?»

—Ложись, дитятко, спать: утро мудро, а день прибыточень!—

По утру бабенка будила добраго молодца; и накормила, напоила—дала свою добраго коня и на путь дорожку проводила:

«Матерѣе меня сестра живетъ впереди и про это дѣло она знаетъ»...

И поѣхалъ добрый молодець въ чистое поле опять: съ горы на гору, съ холма на холму; и взялъ поскакивать добрый молодець—взялъ помахивать:—рѣки да озѣра промежъ ногъ несетъ; грива колесомъ завивается, хвостъ по земли разстиляется!..

И выѣхалъ на зеленые луга. И день ко вечеру приближается. И увидѣлъ фатѣрку въ полѣ, на тѹры ножки, на веретѣнной пятки.

«Устойся, фатѣрка! Мнѣ въ тебѣ не вѣкъ вѣковать—одну ночь почевать: я въ тебя иду, и выйду!»

Фатѣрка устоялась:—туды тынцѣмъ, сюды крыльцѣмъ.

И соскочилъ со своего добраго коня, идетъ въ егѣ хоромину:—ашшѣ старѣй той сестры сидитъ! черезъ грядку шёлковъ кужель тѣчитъ, въ печи носомъ поваруетъ и глазами въ полѣ гусей пасеть.

«И дѣсель — говоритъ — черной воронъ русьской кости не нашиваль — одинъ царь російскій проѣзживаль; а вынѣ русьска кость сама въ очи вѣржетъ! — Что ты, дитятко, волей ли ты ѡиздишь иль неволею?»

И царскій сынъ, Иванъ Царевичъ, былъ очень томень, голоденъ, и очень сдѣлался яръ — прискочить къ старухѣ и захахается:

«Я тебѣ какъ дамъ поушину — будетъ изъ... отдушина! дамъ въ високъ — изъ... посыплется песокъ! А не училась бы ты много богатыря спрашивать — училась бы поить да кормить, на перинку спать положить!»

И старушка наполнила, накормила и спать положила и стала его спрашивать:

«Дитятко, волею ли ты ѡиздишь иль неволею?»

— Ахъ, бабенка! — говоритъ — вдвое неволею. Велѣлъ нашъ тѣтенька всѣхъ цвѣтовъ поломать, слѣдовъ поискать. Скажи, бабенка: — далече ль или близко нашъ тѣтенька ѣздилъ? —

«Утро мудро; день прибыточенъ: — утро мудренѣе вечера, дитятко; съ утра я тебѣ скажу!»

Тутъ бабенка будила его поутру ранѣшенько и кормила и поила его, добраго молодца, и дала своего добраго коня; а того оставила тѣто-ка и проводила въ чистое поле...

И взялъ доброй молодецъ поскакивать и помахивать: съ горы на гору, съ холмѣ на холму; рѣки да озѣра промежъ ногъ несутъ; грива колесомъ завивается, хвостъ по земли разгибается...

И выѣхаль на зелены луга. И день коротается, солнце къ вечеру приближается... И такъ увидѣлъ въ зеленыхъ лугахъ хвартерку:

«Устойся, фатерва, на турѣею ножки, на веретѣнной пяткѣ! мнѣ нѣ тебѣ не вѣкъ вѣковать — одну ночь почевать: я въ тебя ѡйду и выду!»

И прѣѣзжаетъ на своемъ добромъ кони ко крыльцу, и соскочилъ съ своего добраго коня — идетъ въ сю хрѣмину: — сидитъ старѣ матерая жена и точитъ черезъ грядку шѣлковъ кѹжель и восомъ въ печи поваруетъ, глазами въ полѣ гусей пасетъ: «Что ты, дитятко, волей аль неволей ѡиздишь?»

Прискочетъ какъ Иванъ-царевичъ къ старухѣ:

«Я тебѣ какъ дамъ поушину — будетъ отъ отдушина! какъ дамъ въ високъ — посыплется изъ песокъ»!..

Недосугъ стало старухѣ сидѣть: — стала кормить и поить, и спать положила; и тогда стала спрашивать...

«Ахъ, бабенка! всѣ тебѣ побѣдушки свои скажу: насъ у царя было три сына. Первый братъ былъ Федоръ-царевичъ, и спустил онъ за охотой его своихъ цвѣтовъ поломать — слѣдовъ поискать; и то онъ съѣхаль только къ мѣдной горы — одного привезъ мѣднаго гада. И за то нашъ батюшка сдѣлался гнивець — посадилъ его въ темницу. И другою братъ былъ Митрей-царевичъ; и послалъ его за охотой, и пропалъ онъ безвѣстно, назадъ онъ не воротился. И сталъ вымлекать по ино время нашъ батюшка, — принужденъ я выйдти, поклониться батюшкѣ, поѣхать его цвѣтовъ поломать, слѣдовъ поискать. Потому онъ мнѣ говорилъ:

«Куды тебѣ, Иванъ, ѣхать? было братьевъ лучше тебя! — сидѣть бы тебѣ на печи, а не поляковать ѣхать! другіе были старше тебя, да не воротились въ дождь!»

«И потомъ я вынужденъ, бабенка, выйдти и благословленія просить у батюшки своего: — Дашь прощеніе и благословленіе — поѣду! не дашь прощенія и благословленія — поѣду! — Тогда же принужденъ я поѣхать во чистое поле поломать его цвѣтовъ, поискать слѣдовъ. И потомъ царь этому былъ радостенъ — отпустивъ меня. — Скажи, бабенка, далече ли нашъ тѣтенька ѣздилъ или близко?»

— Утро, дитятко, мудро; день прибыточенъ; — утро мудренѣе вечера: — я тебѣ съ утра скажу! —

И тутъ онъ просыпался, будила его бабенка ранѣшенько и дала свою добраго коня, и на пугъ-дорожку провожала и наказывала ему:

«Пріѣдешь, мое дитятко, въ самое полуденное время, въ подсолнечное государство. И тамъ все дѣвица царѣтъ, Марья-Краса, Долга Коса. О девяти столбахъ кровать. Спитъ она на одри само полуденное время. Но поторопись—скачи прямо въ городовую стѣну. И въ саду молодováя яблоня, вода жива и мѣртва. И зѣ тымъ твой отецъ ѣздилъ туда, ты налепъ пузырьки живой воды и мертвой; испытай, котора жива, котора мертва:—розорви воронѣнка. На правой рукѣ живая вода, а на лѣвой мертвая»...

Пріѣзжаетъ Иванъ-Царевичъ въ подсолнечное государство и зашелъ въ садъ и поймалъ вороненка, и разорвалъ. И тутъ сыркнулъ мертвой водой—тѣло его слилось; и живой водой сыркнулъ—вороненокъ полетѣлъ!...

И тутъ захотѣлось добруму молодцу сходить въ покой, посмотрѣть: какожды спитъ въ полуденное время Царь-Дѣвица, Марья-Краса, Долга Коса?—И пошелъ по покоямъ—по комнатамъ, и всѣ дѣвицы по одрамъ своимъ снятъ. И дошелъ до покоя дѣвицы Марья-Красы и до Долгой-Косы. Такожды дѣвица очень прилѣпно красовита. И въ себя вздохнетъ—двери запрутся, и отъ себя отдохнетъ—двери отпрутятся... И—

«Что мнѣ не честь!» разгорѣлось у молодца ретивое сердце:

«Хочется мнѣ у дѣвицы своего коня напоить!»

И зѣ нею Красу, скрозъ рубашку тѣло видно, а скрозъ тѣло—мозгъ видно...

И пригорѣлся онъ, и захотѣлось ему своей охотой сдѣлать мысленной. И ся дѣвица не услышала, сію охоту сдѣлать мысленно...

И потомъ вышелъ твою, и смирно изъ покоевъ вонъ.

И выходитъ на широкой свой дворъ, и весьма его стоитъ конь утружденъ. Веди его къ роднику, излѣй его всего всего свѣжей водой, и набери молодovýchъ яблочковъ, наклади перемѣтныя сумки, и пузырьки налепъ воды живой и мертвой, и ускрай изъ царствія поѣхать скорою своею промышленностью.

И такожды садился на добра коня и, поторопивъ поѣхать, ударилъ коня по тучнымъ бедрамъ, и скочивъ прямо городовую стѣну, и зачепивъ конь лѣвою ногою за мѣдную струну. Вокругъ города мѣдныхъ струны и колокола зазвонили, и разбудилась Царь-Дѣвица, и взбудила всѣхъ своихъ служащихъ. И сдѣлала всѣхъ крылатыхъ—полетѣла вслѣдъ за нимъ, въ погоню.

«Что въ нашемъ государствѣ былъ воръ, и въ моемъ колодезѣ коня напоилъ. Обравъ наши яблочки молодovýchъ и живую воду и мертвую!»

Такъ сіе Иванъ-царевичъ доѣзжаетъ до бабенки, и бабенка выводитъ къ нему своего добра коня. И онъ, царевичъ, соскочи съ коня на коня, и гони впередъ...

И стала ей просить, рѣдной своей племянницѣ, Царь-Дѣвицѣ, къ себѣ въ гости, на чай и на кофе.

«Что жъ, бабенка! мнѣ не слободно и недсугъ; не видала ль какого дурака, проѣдуща?»

— Ахъ, мае дитятко!—говорить:—и никуда отъ твоихъ рукъ уйдетъ:—онъ коломъ погоняетъ; поди на малое время ко мни погостить!

И потомъ, поколь ее угощивала, онъ коня погоняетъ—ко дрѹгой бабушкѣ поспѣшаетъ.

А Царь-Дѣвица, вслѣдъ и поднялась со своей силой.

И прилетаетъ къ своей бабенкѣ:

«Что, бабенка? не видала ли дурака, проѣдуща или проѣдуща?»

— Дитятко!—говорить:—какой то дурачекъ ѣдетъ; бьетъ—лошаденка поткается; больше нейдетъ!

Начни убѣдительно просить сію царь-дѣвицу къ себѣ въ гости на чай и на кофе.

И зашла дѣвица.

Поколь угощивалась—Иванъ-царевичъ къ третьей бабушкѣ пріѣзжаетъ. И дѣла ему своего добра коня, отсылаетъ въ тую минуту со двора.

И царь-дѣвица отъ второй бабушки поднялась и его застать хочетъ. То долетаетъ до третьей бабенки—спрашиваетъ:

«Что, бабенка? не видала ль дурака, прѣйдущи или проѣдущи?»

— Подико въ гости!.. Какой-то дуракъ ужъ на кони кожу несетъ!

И стала ее убѣдительно просить:

— Жаръ этакой!—отдохнешь!..

Покѣль она прохладалась да угощалась, — потомъ за Иваномъ-царевичемъ вслѣдъ подымалась.

Иванъ-царевичъ той порой ускорилъ на святую Русь выѣхать; и не поспѣла своей спѣшностью его достать!..

И прѣехалъ Иванъ-царевичъ къ тому же столбу во чистомъ поли, на которомъ надпись есть...

Тутъ Иванъ-царевичъ пораздумался:

«Не честь-хвала да молодецка!—въ дорожку былъ справивши не въ вѣстимую, получилъ своего батюшка все прихоти, и—буде поискать своо рѣднанаго братца, Дмитрія-царевича!»

Тогда ладится поѣхать, своего брата поискать; и справился— «гдѣ конь сытъ, а самъ голоденъ».

И выѣхалъ въ зеленыи луга. И приогромный домъ увидалъ; и подѣхалъ къ сѣму; и подъ воротѣ заѣхалъ, и поставилъ коня въ бѣло-яровой шенѣ... Узналъ царскій конь своего наслѣдника—заржалъ во всю пору!—Идетъ онъ на столбы точѣныя, на ступенки золочѣныя. И выходитъ ему встрѣчу прекрасная жемщина; и встрѣчаетъ его—къ себѣ въ покой зазываетъ, и ведетъ его къ себѣ въ покой на угощеніе.

И кормила, поила, всѣмъ удовольствовала его—всякою благодатіею. И на кровать послѣ хлѣба-соли добра молодца ложить съ устаточку. Ложить его, Ивана-царевича, напередъ о стѣночку; а онъ еѣ. Долговременно корялися они этымъ. Хвати Иванъ-царевичъ за животъ ее, и брось о стѣнку!—поверни кроватку-самокатку—полеги ся женщина въ глубокой погребъ!..

Тамъ кричатъ прежніе сидѣльцы:

«Свѣжаго Богъ далъ!»

Кричитъ Иванъ-царевичъ:

«Котора вась сгубила, разорвите ю по одному суставу!»

Тутъ хватили добрыи молодцы:—кому рука, кому нога, кому попала голова!..

И подавае пмъ ко долу канать; и распускаетъ добрыхъ молодець на волю. Обдари своего брата Митрія—пріймаетъ его за ручки за бѣдныя, за перси злаченныя; цѣловалъ его во сахарныи уста, нарекалъ его братомъ, Дмитріемъ-царевичемъ.—И напоилъ, накормилъ своего брата и поѣхалъ съ нимъ въ свой градъ.

И выѣхалъ въ чистое поле. Оклони Ивана-царевича великій и несносный сонъ. Деветеро сутки ѣздючи, ни сыпѣючи, не ѣдаючи, не пиваючи... И роздернули свои бѣлые шатры, и начали опочивать.

Иванъ-царевичъ спитъ безъ прохвату...

И третьи сутки Митрій-царевичъ, обравъ молодѣвыя яблоки, живую воду и перемѣтныи сумки, уѣхалъ въ свое государство.

Иванъ-царевичъ проспался:—нигдѣ ничего не видно!—И сѣлъ на своо добраго коня, и подѣхалъ близъ своего государства. И снимаетъ свое церьквасьское сѣдло и тѣсьмяную узду, и—

«Стунай въ поле, на спокной, Сивка-Бурка, пока я тебя не потребую!»

Идетъ Иванъ-царевичъ пѣхотою въ свой градъ. И зайдя по питейнымъ домамъ, съ удалчамы на ряду...

Съ великою чѣстію принялъ царь Дмитрія-царевича, водить балы и короводы... Своро скажется—тихо дѣтается:—тѣмъ временемъ прошло три года. И прѣехала

Царь-Дѣвица середь самой середь ночи, съ полуночи во первомъ часу; и начини палить изъ пушекъ и изъ оружія; и прѣси виноватаго къ себѣ.

Не знаетъ царь, что и сдѣлать: кого отдать виноватаго?..

И собиралъ онъ царь думныхъ господъ:

«И господа вы, думчіе бояра! станемъ мы выдумывать: нѣтъ-ли у насъ кого виноватаго послать?»

— Милосердный государь! какожды вамъ полюбится, намъ сказать и говорить:— во дальнюю дорожку Митрій-царевичъ не напакостивъ-ли гдѣ? не сдѣлалъ ли чего худого въ какомъ государствѣ?

И посылали Федора-царевича на корабль. И увидѣла Марья-краса, Долга Коса,— выбросила сходни, постлала сукна красны... Бѣгають на корабли два вѣюноша прекрасныя, и кричатъ сн два вѣюноши малые:

«Маменька! маменька! нашъ татенка идетъ!»

— Нѣтъ, дѣтушки!—говоритъ:—не батюшка идетъ, вашъ дядюшка бѣльшій.— Возьмите-тка—говоритъ—вы дядюшку, розтяните вы его по палубы; вырѣжьте-ка съ лажки три пражки, съ хребта—три ремня.—Пусть не въ свое мѣсто не пихается!— столкните его прочь.

И начини опять палить день и ночь изъ пушекъ и изъ ружей, и прѣси виноватаго.

И собираетъ царь думныхъ господъ:

Что у насъ въ государствѣ, кто виноватый есть?

И такожды господа думчіе бояра удумали:

«Извольте, ваша милость, послать Митрія-царевича:—не его ли есть пригрѣшеніе?»

И царь посылаетъ своего сына на корабль.

Выкинули сходни, постлала сукна... Бѣгають два вѣюноша малые и говорятъ своей матери:

«Маменька! маменька! нашъ татенка идетъ!»

— Нѣтъ, не вашъ татенка идетъ; а вашъ средней дядюшка идетъ.—Возьмите-ка вы дядюшку за ручки бѣлыя, положите его на палубы: вырѣжьте-ка съ лажки три пражки, съ хребта—три ремня!—Пусть не въ свое мѣсто не пихается!—отошлите съ корабля вонъ!

И съ корабля отослали его, и начали палить изъ ружей да изъ пушекъ, прѣсать виноватаго.

И опять царь собралъ думныхъ господъ:

«Что, думчіе господа? кто у насъ согрѣшилъ?—Дайте мнѣ совѣтъ».

Нѣкакій выискался изъ нихъ,—снѣло отвѣчаетъ царю:

«Ваше Императорское Величество.—Ваша милость виновата!»

Такожды и говоритъ:

«Ванька-запѣчникъ—царской сынъ; хотя и не пристойно вамъ сказать—всякія премудрости онъ вретъ и представляетъ по кабакамъ и питейнымъ домамъ»...

— Отыскать его, и привести!—не его ли пригрѣшеніе есть!..

Того Ваньку отыскивали по кабакамъ, по всему городу;—отыскивали Ваньку за городомъ, «царскаго сына», и требуютъ его на личе къ царю. И приходитъ онъ къ своему отцу на личе, въ худомъ мундирѣ. И сильно восмылилъ на него царь:

«Охотникъ ты, Иванъ-царевичъ, приглаживать:—не твое ли пригрѣшеніе есть?— За свой ты грѣхъ самъ и отвѣчай; а насъ—чтобъ больше не тревожили!»

Ванька снѣло царю отвѣчаетъ:

«Какой бездѣличи безъ меня царю отвѣтять не могли!»

Такожды говоритъ:

«Отвѣтять не могли!»

Убирался Ванька скоро на корабль. И идетъ онъ на корабль, не самымъ чи-

стыжь парадомъ, а грязью и водой.—Тамъ того-то ве пытали—сходни вывинули, и сукна подостлали... И бѣгають два вьюноша:

«Маменька! маменька! не нашъ ли татенька идетъ?»

И говоритъ Царь-Дѣвица:

«Дѣтушки! возьмите за ручки за бѣлья, за перси злаченыя! и—вашъ кровный суцій батюшка идетъ!»

И принимала за ручки за бѣлья Марья-Краса, Долга-Коса,—называла парѣчен-нымъ мужемъ своимъ:

«По сѣмени своему, застѣнному, законный бракъ имѣть съ тобой хочу!»

И стали они пировать. Съ великою честью царь приглашаетъ его на пирь.— И всѣ свои побѣды Иванъ-царевичъ разсказалъ,—что случилось быть надъ нимъ. И такожды просилъ благословенія, нерушимо во вѣки, отъ своего отца, принять закон-ный бракъ съ Царь-Дѣвицей:

«Такожды мои мысли и силы хватали,—такожды я досталъ живой воды, и мерт-вой, и молодovýchъ яблоковъ,—чтобъ ты былъ, нашъ батюшка, аще моложе, и тебѣ дай Богъ многолѣтняго здравія!—И такъ прошу у тебя милосердія своего, отпустить меня въ подсолнечное царство съ Царь-Дѣвицей:—не вступаю въ свое государство»!..

И съѣхалъ въ подсолнечное царство;—и весьма хорошо живетъ, прокладно, и жалаетъ себи и дѣтямъ долговременный покой...

Кольво слыхалъ—только сказалъ.

Сынно-Губскій погостъ, въ За-Онежь.

Другой разсказъ.

Досколь было у отца да у матери три сына; и написавъ имъ отецъ и мать службу:—сѣздить въ подсолнечное царство, въ подсолнечное государство, къ Царь-Дѣвицѣ.

И поѣхалъ напередъ старшій сынъ.

И ѣхавъ—поѣхавъ—стоитъ по край дороги столбъ, и на немъ подпись:

«Вправо лорожка—съ дѣвкой спать на кровати; влѣво дорожка—самому живу не быть; а впередъ—долга, безконечна дорога»!

Думалъ—подумалъ: куда поѣхать?..

«И поѣду, съ дѣвкой спать, на кровать»!

И пріѣхалъ въ чистое поле: стоитъ палата бѣлокаменная.

И пріѣхалъ на своемъ добромъ кони къ палатѣ бѣлокаменной и привязалъ коня къ столбу точёному, къ кольцу золочёному.

Выходитъ красная дѣвица,—и насыпала коню ишенѣ бѣло-яровой...

И приходитъ добрый молодецъ въ эту палату.—Красная дѣвица его накормила, напоила, и говоритъ ему:

«Ложись, добрый молодецъ, спать, на кровать»!

И взяла добраго молодца охавкой, бросила о постель, и онъ въ погребъ улетѣлъ!..

И ждали-пождали отецъ и мать—нѣтъ сына съ этой дороги!.. Стали стары и древши, и назначили службу среднему сыну, сѣздить въ подсолнечное царство, по молодичныя ягоды, по живую воду.

И пріѣзжаетъ онъ ко столбу, и на немъ подпись:

«Вправо дорожка—съ дѣвкой спать на кровати; влѣво дорожка—самому живу не быть; а впередъ долга—безконечна дорога»:

Думалъ—подумалъ: куда поѣхать?..

«И поѣду, съ дѣвкой спать, на кровать»!

И пріѣхалъ, на своемъ добромъ кони, къ той палаты бѣлокаменной; и привязалъ коня къ столбу точёному, къ кольцу золочёному...

Туту выходитъ красная дѣвица, и насыпала коню пшениы бѣло-яровой...

И приходитъ добрый молодець въ палату;—красная дѣвица его накормила, напоила, и говоритъ ему:

«Ложись, добрый молодець, спать, на кровать!»

И взяла его, добра молодца, охажкой, бросила о постель,—и этотъ въ погребъ улетѣлъ!...

Ждали—ждали отца и мать—нѣтъ и среднего сына съ дороги!..

И налагають отецъ и мать службу меньшему сыну.

И тотъ не поѣхалъ отъ стога ни вправо, ни влево, а поѣхалъ прямо въ долгу дорожку безконечную.

И ѣхалъ—поѣхалъ:—стоитъ избушка на турей ножкѣ, на веретенной пяткѣ; туда тынцѣмъ, сюда крыльцѣмъ...

И говоритъ добрый молодець:

«Устойся, стойся, избушка на турей ножкѣ, на веретенной пяткѣ! Мнѣ не вѣкъ вѣковать—одну ночь ночевать!»!..

Избушка устоялась...

И приходитъ въ избушку—видитъ: сидитъ на стулѣ старá-матерá женщина.

«Фу! фу! фу! досель черной воронъ кости россійской не занашивалъ; а нонѣ сама кость въ глаза копаеть!»!

И эта старуха сидитъ, сама шелковый кудель тѣчитъ и черезъ грядку прѣсни (пряжу) мечетъ; глазами гусей въ полѣ пасетъ, носомъ въ печи поваруетъ (уголья ворочаетъ).

«Волею аль великою неволею ты ѣдешь, дитятко, въ подсолнечное царство, въ подсолнечное государство?»

Сколько, бабушка, волею—вдвое, втрое великою неволю!—И наложилъ царъ—батюшка службу, соѣздить по молодичныя ягоды, по живую воду.

Она говоритъ:

«Хоть и ѣдешь въ подсолнечное царство; а туда много ходцевъ—мало выходцевъ!»!..

— Не страшай, бабушка, а лучше накорми-напой и дай мнѣ своего коня—пусть мой поотдохнетъ!

И напоила его, накормила и дала ему бабушка коня:—своего оставилъ кормить и поить.

«И знаешь ли, бабушка, гдѣ живетъ Царь-Дѣвица?»

— Не знаю, дитятко!—Впереди живетъ моя середняя сестра, которая знаетъ больше меня.

И ѣдетъ—ѣдетъ добрый молодець—стоитъ вторая избушка, на турей ножкѣ, на веретенной пяткѣ!..

И устоялась избушка, и входитъ добрый молодець, видитъ: сидитъ старуха на стулѣ—сама шелковъ кудель тѣчитъ и черезъ грядку прѣсни мечетъ; глазами въ полѣ гусей пасетъ, и носомъ въ печи поваруетъ:

«Фу, фу, фу! досель воронъ кости россійской не занашивалъ; а мнѣ тая кость въ глаза копаеть!—Волею аль неволею ты ѣдешь, дитятко, въ подсолнечное царство, въ подсолнечное государство?»

— Сколько, бабушка, волею, вдвое—втрое великою неволю!.. И наложилъ батюшка службу—ѣду по молодичныя ягоды, по живую воду..

«Хоть и ѣдешь, дитятко, въ подсолнечное царство; да туда много ходцевъ—мало выходцевъ!»!..

— Не страшай, бабушка; а накорми—напой меня и дай мнѣ своего коня—этотъ пусть тутъ останется!

И напоила его, накормила и дала ему своего коня...

«И знаешь ли, бабушка, гдѣ живеть Царь-Дѣвица?»

— Не знаю, дитятко:—впереди живеть моя старшая сестра,—тая знает больше меня!

И ѣхалъ—поѣхалъ добрый молодець—доѣзжаетъ до третьей избушкѣ: стоитъ избушка на гурьей ножкѣ, на веретенной пяткѣ; туда тынцемъ, сюда крыльцемъ...

«Устойся, стойся, избушка! Мнѣ въ тебѣ не вѣкъ вѣковать—одну ночь ночевать!»!

И устоялась избушка.

И приходитъ добрый молодець въ третью избушку—видитъ: сидитъ третья старá-матерá женщина на стулѣ: сама шелковъ кудель тчить, черезъ грядку прѣсни мечеть; въ полѣ глазами гусей пасеть, а носомъ въ печи поваруётъ...

И говорить ему:

«Фу, фу, фу! досель чѣрной воронь и кости росѣйской не занашивалъ, а нонѣ кость въ глаза копаеть!—Волею аль великою неволею ты, дитятко, ѣдишь?»

— Сколько, бабушка, волею, вдвое—втрое великою неволею:—наложилъ царь-батюшка службу, ѣхать по молодичнымъ ягодамъ, по живую воду...

«Хоть и ѣдешь въ подсолнечное царство; а туда много ходцевъ—а мало выходцевъ!»!

— Не страшай, бабушка, а лучше напои, накорми да коня смѣни!

И напоила—накормила и коня смѣнила...

И говорить ей добрый молодець:

«А знаешь ли, бабушка, гдѣ живеть Царь-Дѣвица?»

— Пойдешь, дитятко, въ полудень—поѣзжай въ полуденныя ворота. И Царь-Дѣвица лежитъ на дугу, розлѣгавши; и отсюда ты её не трожь! А ежели тронешь её, смотри:—самъ обкатишься и коня своего обкати. Струны натянута и къ колоколамъ привязаны. Поѣзжай въ полуденныя ворота, выѣзжай въ сѣверныя.—Бери—направо живая вода и молодичныя ягоды, налѣво—мертвая вода.

И не утерпѣлъ добрый молодець и тронуть Царь-Дѣвицу, взялъ молодичныхъ ягодъ, и живой и мертвой воды, и поѣхалъ въ ворота: конь перескочилъ передними ногами, а заднею лѣвой ногой задѣлъ щѣткой за струну!—Струны заходили, колокола зазвонили. Царь-Дѣвица прохватила—мокра лежитъ!

«Какой невѣжа былъ въ царствѣ—лежалъ лежа? у ней.... свѣжа!

Поѣхала за нимъ въ погоню...

Пріѣзжаетъ къ первой бабушкѣ:

«Невидала ль бабушка невѣжы?—далече ль онъ ѣдетъ?»

— Только, что проѣхалъ, дитятко: лошаденка подъ нимъ такая плохая—ступитъ не ступитъ.... Молчи, дитятко: баенку вытоплю, ты у меня отдохнешь маленько, поѣдешь какъ разъ и достанешь!

Пока она парилась да отдыхала,—а добрый молодець на перемѣнномъ конѣ летитъ да летитъ!

Доѣзжаетъ Царь-Дѣвица до второй бабушки: и у той также. Парилась да отдыхала; а тотъ себѣ, на перемѣнномъ конѣ, летитъ да летитъ!..

Отъ третьей бабушки поѣхала, не парившись... на глаза взяла (завидѣла вдали)—и нагоняетъ добра молодца; а онъ отъ нея улечетываеть. Конь перенесъ черезъ рѣку:—она за хвостъ ухватила—хвостъ остался въ рукѣ, а конь безъ хвоста ушелъ съ нимъ!..

И пріѣзжаетъ добрый молодець къ столбу, и догадается, что его братья поѣхали съ красной дѣвкой спать, на кровать:—надо ихъ ему выручить.

И доѣзжаетъ онъ до палаты бѣловаменной—сходитъ съ коня, и привязалъ коня ко столбу, ко точёному, ко кольцу золочёному...

Выходитъ красная дѣвица, взяла молодца за ушкá, поцѣловала и дала коню пшени бѣлодровой!..

И приходит добрый молодецъ въ палату:— красна дѣвица его напоила, накормила, и говоритъ ему:

«Ложись, добрый молодецъ, спать, на кровать!»!

Только что она его въ охапку, а онъ ее поперекъ, да о постель и бросилъ:— полетѣла и сама въ погребъ!

Поглядитъ—а на двори два коня и стоятъ!

«Вотъ, куда вы забрались, мои любезные братцы!.. Эй, что вы тамъ?— живы ль еще?»..

Должно быть, что живы, коли дѣвку рвутъ на части!

И слободилъ онъ своихъ братьевъ и повѣхалъ съ ними домой!..

И прѣѣхалъ домой— далъ отцу и матери молодичныхъ ягодъ и живой воды:— стали лучше стараго и лучше прежняго!..

И Царь-Дѣвица съ этого разу понеслась и принесла троихъ мальчиковъ!..

И прѣѣзжаютъ эти молодцы, какъ подростли, съ матерью торговать въ городъ. Сходи съ судна выкинули на гору, сукна подослали: — ходить всякой народъ покупать.

И приходятъ дидовья: приходитъ одинъ—мальчики говорятъ:

«Матушка, матушка! нашъ дядюшка идетъ!»!

Она ничего не отвѣчаетъ:— все въ умъ беретъ.

Приходитъ другой:

«Матушка, матушка! нашъ дѣдушка идетъ»!..

— А гдѣ же вашъ отецъ?

И принялись мальчики бѣгать и давай отца искать.

И потомъ добрались до печника, до глиняника:— онъ идетъ въ лаптяхъ, весь въ глинь!..

Мальчики взяли серебряный тазъ—умыла, угладила, и на царство поставила:— стали жить да быть, добра наживать—лиха избывать!..

Вой-Каволокъ.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отвѣтъ.

Въ IV отд. «Жив. Стар.» ¹⁾ г. Соболевскимъ помѣщенъ вопросъ о томъ, «какія косметическія средства употребляются въ народѣ»?—вотъ какія свѣдѣнія по этому предмету сообщили мои знакомые.

Бабушка Марина Лыткина ²⁾, напр., завѣряетъ, что прежде «была мода дарить невѣсту зеркальцемъ и румянамъ». Такъ, она сама, послѣ просватанья, получила отъ своего жениха, пріѣзжавшаго «на гостинцы», въ подарокъ гостинцы—«зеркальце, румяна и бѣлила» (чаistica бѣлиль у ней сохранилась до сихъ поръ; этому подарку 50 съ лишкомъ лѣтъ!). Лыткина, однако, и невѣстой «не румянилась: потому была безъ румянъ краснолица и брала така». Прочія дѣвушки—не невѣсты—тоже никогда не румянились—«почиталось за стыдъ».

Д. Лопаткина, Казачинской вол.

«Мамонька, покойна головушка, свазывала, что женихъ дарилъ ей бѣлила и румяна. Встарину таки обнововеніе было. Оно уже вывелось. Дѣвки и прежде и теперь не румянятся, развѣ кака гуляца найдется, у той стыда хватить намалевываться. Богачки изъ мѣщанокъ по нашимъ селамъ бѣлятся пудрой и проч.»

Анна Казанцева изъ с. Усть-Тунгузски, Маклаковской вол.

«У насъ, въ Казачинскомъ, только о К—хъ дѣвицахъ поговариваютъ, что румяны наволятъ себѣ: будто натираютъ лицо бодягой (что растеть въ озерахъ). Таку дѣвушку всегда замѣтно; лицо ея красно, пока натерта бодягой, и постоянно въ прицахъ».

Ольга Казанцева. С. Казачинское.

Передаютъ, въ д. Падериной, Казачинской вол., дѣвушки иногда наводятъ румяна краской оберточной бумаги изъ подъ конфетъ.

Въ с. Ужурѣ, Ачинскаго окр., зналъ дѣвушку, о которой говорилось, что румянится фосфоромъ сѣрныхъ спичекъ (прежнихъ). Правда ли то была, не ручаюсь. Только для каждаго посторонняго было замѣтно, что въ дни праздниковъ и вечерокъ, напр., лицо этой любительницы косметики выдало необыкновенно ярко, потомъ румяны постепенно потухали и подъ конецъ вечера цвѣтъ лица ея дѣлался грязно-сѣрымъ. Вообще же дѣвушки Ужурской вол. обходятся безъ косметическихъ средствъ.

Веснушки, какъ утверждаютъ, исчезаютъ отъ «кислой березовки», что скопляется весной на пняхъ срубленныхъ березъ (когда течетъ березовка); сгусткомъ этого сока должно намазывать лицо.

¹⁾ Вып. I, 1892 г., стр. 153.

²⁾ «Ж. Ст.», вып. III и IV, 1895 г. стр. 351.

Отъ загара умываются свѣжей сывороткой и мажутся березовымъ дегтемъ. Дѣвуш-камъ енисейск. окр., можно сказать, не приходится пользоваться ни тѣмъ, ни дру-гимъ средствомъ: во время лѣтнихъ работъ онѣ носятъ, какъ принято всѣми деревен-скими жителями, сѣтки; каждая сѣтка имѣетъ личинку (передняя часть), кото-рая ткется изъ конскаго волоса чернаго цвѣта, къ ней пришивается ситковый сѣ-тошникъ—въ цѣломъ она похожа на глухой капшонъ и надѣвается на голову для предохранія лица отъ укусовъ несносной мошки, овода, комара и проч.; за личин-кой сѣтки, какъ за густой вуалью, лицо предохраняется отъ загара.

Прицы на губахъ, на лицѣ прижигаются сильно нагрѣтой отымалькой (тряпица для прихватыванья горшковъ).

Алексѣй Макаренко.

Г. Енисейскъ. 9 марта 1897.

ОТДѢЛЪ V.

С М Ъ С Ъ.

Дурачки и убогіе.

По улицамъ с. Ужура долгое время бродилъ «Вася-дурачекъ», привлекавшій вниманіе хорошимъ тѣлосложеніемъ своимъ, пріятными чертами лица, обрамленнаго черной окладистой бородой, и меланхолически-задумчивымъ взоромъ темно-сѣрыхъ глазъ. Вася былъ сыномъ довольно зажиточнаго крестьянина ближайшей деревни (Кудунъ). Общественное мнѣніе относило его къ числу «травувшихся умомъ». Эта «оказья» произошла съ нимъ уже на возрастѣ. Разказы ужурцевъ объ этомъ двойкаго характера.

Кто объясняетъ пошлѣшательство Васи «большимъ чтаньемъ», что, будто, онъ зачитывался книгами. Другіе приписываютъ это вліянію «тоски». Лучше было бы, конечно, обратиться за разъясненіями этого вопроса къ Васиной роднѣ,—но... Полагая Вас. Анаина, уроженка одной съ нимъ деревни, рассказала, между прочимъ, слѣдующее.

«Отецъ у Васи строгой такой былъ и приневаливалъ его жениться, даже плетью стегалъ. Вася супорствовалъ, будто другу любилъ, взять котору отецъ не велѣлъ. Такъ у нихъ и пошло дѣло на разладъ. Скоро стали замѣчать, что Вася началъ задумываться, словно тоскнѣтъ. Поѣхалъ онъ какъ-то къ обѣднѣ. Слышимъ-послышимъ, я уже жила въ Ужурѣ, Васю силкомъ вытащили изъ храма. Сперва молился онъ, потомъ, сказывали, ни съ того ни съ сего вскричалъ. Подошли къ нему, опросили,—онъ не слышитъ, пошевелили,—онъ ни съ мѣста, хватились—у него все тѣло ровно то одервенѣло. Лѣчить лѣчили, да толку не вышло».

Лѣто и зиму Вася ходилъ съ непокрытой головой, плохо одѣтымъ и обутымъ,—«самъ отъ себя, говорила П. А.—на, потому что братья одѣнуть, онъ растеряетъ все». Въ такомъ видѣ Вася бродилъ по всей волости, надо думать. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ на озерѣ Вѣлошапкинскомъ (въ 40 верст. отъ Ужура). Это было въ первой половинѣ октября 92 г. Хотя шла неводьба по льду, но озеро имѣло еще мѣстами полыньи; къ тому же, въ тотъ день, дулъ «хіусъ» (сѣв. вѣтеръ) и поросилъ снѣжокъ, изъ-за котораго едва различалась вдали человѣческая фигура, шедшая къ намъ отъ камышей. Усмотрѣнное отсутствіе на головѣ шапки, одѣтая внакидку дырявая шубенка и характерная походка парализнаго, помогли нѣкоторымъ рыболовамъ опредѣлить и самую личность пѣшехода. Только диву дались всѣ, когда узнали, а потомъ увидѣли воочию самого Васю. Онъ подошелъ молча. На привѣтственные возгласы усмѣхнулся только. Посмотрѣлъ недолго, какъ выбирался неводъ, и также молча поплелся къ группамъ другихъ неводчиковъ. Вѣлошапкиницы говорили, что Вася иногда опѣщалъ ихъ.

Постояннымъ же, кажется, мѣстопробываніемъ для него служилъ Ужуръ. Молчаливо ходилъ Вася по его улицамъ, волоча правую ногу. Иногда остановится бывало, пробурчитъ что-то, раскохочется и мигомъ застынетъ на мѣстѣ въ вѣжномъ созерцаніи одному ему только вѣдомаго міра. Онъ способенъ былъ подолгу стоять такъ неподвижно. Любилъ больше ходить по задворкамъ. Ночевалъ на сборнѣ. Никогда не просилъ милостыни и не заходилъ въ дома. Женщины и дѣвушки, однако, боялись Васи. Будто, когда «наватится на него» (въ порывѣ иступленія), онъ гонялся за женскимъ поломъ. Вася умеръ въ 1894 г.

Въ самомъ Ужурѣ съ недавняго времени имѣется свой «умомъ тронутый», Миша Фодотовъ. Родители его, братья и сестра, надо замѣтить, вполне здоровый и психически нормальный народъ. Самъ Миша, когда вернулся изъ военной службы въ 1887 г., въ чинѣ унтера, обладалъ завиднымъ здоровьемъ; солдатская выправка какъ нельзя лучше шла къ его стройному корпусу и молодому лицу съ свѣтлыми глазами. И никто бы не повѣрилъ, глядя на этого цвѣтущаго и браваго унтера, если бы кто вздумалъ, разумѣется, пророчить ему столь печальную судьбу, что черезъ годъ или даже меньше здоровье его пошатнется, смотрящія весело на міръ глаза потухнутъ, бойкая рѣчь замѣнится тихо-гнусявою, и сбивчивою, ясное сознание померкнетъ, и нынѣшній Михайло Фодотевичъ уменьшится до Миши съ обиднымъ придаткомъ «дурачка».

По семейнымъ обстоятельствамъ, обычнымъ въ крестьянскомъ быту, главнымъ образомъ по настоянію родителей, Михайло женился довольно рано. Жена оказалась, что называется, «не по дому». А тутъ подошло время въ солдаты идти. Михайло забрали. Вскорѣ послѣ его отъѣзда и жена ушла отъ свекра..

Возвратившись со службы, Михайло Фодотичъ поселился съ женой въ домѣ отца. Но скоро запросилъ раздѣла и былъ выдѣленъ.—Какъ-то отправился онъ по сѣно, наклавъ возъ, взлѣзъ на него, чтобы подтянуть быстрикъ, вдругъ неожиданно свалился оттуда и угодилъ головой въ снѣгъ. «Круженье како-то, рассказываетъ Миша, въ головѣ стало, я и свалился». За нимъ ѣздили домашніе на пашню и привезли домой безъ языка оставшимся съ дикимъ выраженіемъ лица.

Жена немного получила мужа. Сколько-то пожила съ нимъ и затѣмъ окончательно бросила. Родители приняли Мишу къ себѣ. Теперь онъ нѣсколько «отошелъ» и даже исполняетъ по найму (съ 93 г.) должность ночного сторожа. Но все-же нынѣшній Миша въ «находить» на прежняго Михайла Фодотевича. Даже по наружности сильно измѣнился, такъ сдѣлался тучнымъ, имѣетъ обрюзглое лицо и взглядъ соннаго человѣка. Оставаясь, какъ говорится, безъ десятой клепки въ головѣ, безъ «дѣйства въ рукахъ» (неспособнымъ къ работѣ), бывшій унтеръ,—былой предметъ почитанія солдатъ,—служитъ теперь мишенью для разныхъ шутокъ, позволяемыхъ въ отношеніи его всѣми, до мальчугана включительно.

Въ Ужурѣ есть свои убогіе: культяпы, слѣпые, недостаточные умомъ и др. Изъ числа послѣднихъ укажу на одного. Онъ ужурскій старожилъ. «Съ рожденья Богъ не далъ ему ума». Имя ему «Дѣма», по фамиліи Таскинъ, холостъ. Имѣетъ брата моложе себя, такого же холостяка. Съ ихъ смертью прекратится это колѣно немногихъ въ Ужурѣ Таскиныхъ; въ настоящее время Демѣ слишкомъ 50 лѣтъ.

Низкорослый, плотнаго сложенія, съ узенькими вѣчно-моргающими глазками, съ клинообразной головой, покрытой рыжевато-щетинистыми волосами, такого же цвѣта усы и борода окаймляютъ его плоское лицо съ картошко-образнымъ носомъ. Неряшливъ, любитъ украшенія, изъ разнаго тряпья и прутьевъ вьетъ «гайтаны», ихъ частью носить на тѣлѣ, такъ какъ это де, по его объясненію, «скребетъ тѣло», другими увиивается сверхъ бѣлья и верхней одежды; обувь, «хотя бы она была того новѣе», скрѣпляетъ прутowymi кольцами. Дѣлается это все въ томъ разчетѣ, чтобы лѣтомъ «мошка не залазила», а зимой—«морозъ не бралъ». Стоитъ труда отобрать у него кольца и другія украшенія или переодѣть въ чистое бѣлье. За свое тряпье, особенно за «гайтаны», Дема горой стоитъ и приходитъ даже въ неистовство; когда насильно отымутъ ихъ, тогда что попадетса подъ руку, тѣмъ и бросаетъ. Случалось верѣдко,

что онъ гонялся за обидчиками съ топоромъ, стяжкомъ и т. п. Въ баню Дема ходить, но рѣдко моется; вмѣсто мытья ищетъ наскромыхъ, гайтаны вьетъ или угли выбираетъ изъ каменки. Способенъ ѣсть много, но можетъ по суткамъ оставаться безъ пищи: «не накорми его, онъ скоро запроситъ»; въ пищу не разборчивъ. Рѣчь немногословна и состоитъ преимущественно изъ повтореній того же, о чемъ спрашиваютъ у него. На соображеніе туговать до чрезвычайности. Въ общемъ права довольно добродушнаго.

Дема умѣетъ выполнять почти всѣ крестьянскія работы, но справляетъ ихъ тихо, неушло и съ лукавствомъ. Онъ не отказывается отъ работы, но въ день нажнетъ не больше десяти сноповъ безъ вязанья, накоситъ копну, дровъ нарубить на истопель. Захочетъ работать, особенно если распевалять похвалою, посудкой чего-либо, работаетъ до того, что прихватываетъ даже ночи: «лучше ночью—мошки нѣтъ», говоритъ Дема тогда. Жилъ онъ безотходно гдѣ 10—15 у крестьянина Ал. А—на, помогая ему по мѣрѣ силъ; пріемный зять того выжилъ Дему, какъ «неспособнаго» къ работѣ. Въ «благодѣлку»¹⁾ было опредѣлили его, но онъ чуть «не замеръ» тамъ, такъ какъ не умѣетъ просить милостыни. Принять въ домъ одноподервенцемъ Пр. Машизеровымъ.

Съ личностью Демы тѣсно связанъ его братъ Михайло или Михайло Гаврилычъ, какъ чествуютъ его при встрѣчахъ. Мужиками онъ считается «простоватымъ» парнемъ, на самомъ же дѣлѣ Михайло Гаврилычъ способенъ понимать людей и общественныя дѣла своей среды. Объ этомъ предметѣ онъ часто и охотно толкуетъ, отставвая всегда мысль, что «не должно зорить крестьянъ и надо пособлять другъ дружку».

Однажды пришлось прочитать въ его присутствіи Щедрина — «Идеальный карась». Михайло Гаврилычъ первымъ указалъ на одного изъ слушателей, какъ на типъ щедринской щуки (бывшаго сельскаго старосту, заматавшаго 150 р. общественныхъ денегъ), чѣмъ вызвалъ въ остальныхъ взрывъ одобрительнаго хохота, а виновника заставилъ покраснѣть со стыда и повиниться въ грѣхѣ. Тутъ же Михайла Гаврилыча назвали «книжнымъ карасемъ», надѣющимся научить людей—жить по правдѣ. «Только щука-то съѣстъ тебя, Миша!»—кто-то добавилъ. И дѣйствительно, положеніе работника и собственная добросовѣтность побуждаютъ Михайла Гаврилыча «усердствовать» въ работѣ и изнашивать свои силы за переломленный грошъ. Въ недалекомъ же будущемъ его ждетъ одиноко-безпріютная старость и перспектива побираться по міру.

А. Макаренко.

¹⁾ Въ Ужурѣ давно существуютъ богадѣльни (благодѣлка—по мѣстному) жить въ ней допускаются только убогіе и нищіе изъ разряда поселонцевъ всей волости. Обитатели ея, получающіе и не получающіе казенное пособіе, питаются «Христовымъ имениемъ». Такимъ образомъ ужурская богадѣльня представляетъ собой лишь ночлежный домъ. На его ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе волость отпускаетъ небольшую сумму денегъ. Этимъ дѣломъ завѣдуотъ хозяйственный засѣдатель волости и но всегда, впрочемъ, добросовѣстно. Зачастую богадѣльщики сидятъ зимой въ топленной избѣ, съ выбитыми стеклами и т. п. терпятъ неудобства отъ плохаго хозяйственнаго распорядка завѣдывающаго.

Неспособные къ работѣ убогіе и нищіе крестьяно содержатся своими же родными или «сводятся по избамъ», когда лишены родни и т. п. обставловы обстоятельствами.

Урочливая.

Опасаясь, чтобы не перейти положеннаго себѣ предѣла зауряднаго наблюдателя и не вдаться въ пустыя толкованія по поводу кажущейся мнѣ общности чертъ затонутыхъ выше душевно-патологическихъ состояній индивида,—съ одной стороны состоянія мнительности, признаваемаго представителями научной медицины, съ другой— своеобразно понимаемаго темнымъ народомъ состоянія урочливости,—я ограничусь въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ наблюденій однимъ лишь нанесеніемъ фактовъ, взятыхъ непосредственно изъ жизни одной дѣвочки.

А. К.—дочь моего квартирнаго хозяина—имѣетъ 13 лѣтъ; низкоросла, щупленька, съ явственно обозначившимися на вискахъ синеватыми прожилками и блѣднымъ лицомъ; страдаетъ запорами, временами ощущаетъ тошноту и коликами на «сердцѣ»; среднихъ способностей и нервна. По увѣренію лѣкарницы, занятой въ данное время лѣченіемъ дѣвочки, у ней «испугъ стоитъ на нулѣ»¹⁾

Какъ-то прошлой зимы, въ одно изъ воскресныхъ богослуженій, съ кликушей произошелъ припадокъ; церковь наполнилась ея дикими возгласами, которые порядкомъ напугали молившихся. Вѣсть объ этомъ происшествіи быстро облетѣла село и долгое время не сходящая съ языка весьма склонныхъ къ повтореніямъ казачинцевъ.

Первою въ тотъ день вбѣжала въ избу А. К., выкрикивая неестественнымъ голосомъ: «Вотъ о-н-а, во-тъ-о-ни!» Мать бросила стиральню и кинулась къ ней съ успокоительнымъ увѣщаніемъ: «Что ты, Богъ съ тобой!» Дѣвочка, размѣявшись вѣроятно отъ внутренняго удовольствія, что счумѣла такъ неподражаемо поддѣлаться подъ интонацію голоса кликуши и буквальными восклицаніями ея вызвать въ матери ощущенія тревоги и безпокойства, только что пережитыхъ самою, стала пересказывать со свойственной жестикуляціей и захлебываясь, что довелось видѣть и слышать въ церкви. Сотни разъ семейные К. дѣлились потомъ съ посѣтителями впечатлѣніями столь, по мнѣнію ихъ, необычайнаго происшествія, и значительный процентъ передачъ подобнаго сорта приходится, по справедливости, на долю самой дѣвочки. При пересказахъ она каждый разъ старалась скопировать выраженіе лица и воспроизвести восклицанія кликуши, послѣ чего, содрагаясь отъ внутренняго ужаса, ежилась къ матери или залазила на печь.

На масляницу того-же года въ г. Енисейскѣ злоумышленники убили старуху С., которая состояла въ нѣкоторомъ родствѣ съ отцемъ дѣвочки. Все семейство сидѣло за вечернимъ чаемъ, когда пріѣзжіи изъ города передавали эту новость. Трагическая кончина родственницы видимо встревожила слушателей. Дѣвочка, оставившись въ разсказчика, расширившіеся глаза такъ и замерли отъ страха, личико ея поблѣднѣло, и дрожащей рукою она судорожно сжимала платье рядомъ сидѣвшей матери, какъ бы нища въ ней защиты отъ воображаемаго призрака убитой старухи. Когда пріѣзжіи окончилъ главную часть повѣствованія и отвѣчалъ уже на предлагаемые вопросы о деталяхъ убійства, дѣвочка, прижавшись еще сильнѣе къ матери, съ мольбой въ глазахъ, закидала ее вопросами о томъ, кого убили, кто и т. д., надѣясь, можетъ быть, услышать отъ нея отрицаніе факта смерти родычки. Но ожиданіе это не оправдалось. Мать могла, конечно, только подтвердить слышанное и, замѣтивъ возбужденное состояніе дочери, обозвала ее «дурочкой и трусихой». «Да вотъ наша Анна, — добавила она на любопытный вопросъ посѣтителя, о комъ это говорится, перепугалась вашего разсказа. Вотъ и разгорѣла. Бѣда, урочлива». Дѣвочка сконфузилась, однако

¹⁾ При полнолуніи и на исходѣ мѣсяца топала по три бани, правила животъ дѣвочки, накидывала горшокъ на лугъ, повла травами и т. п.

улики были на лицо. Яркій румянец игралъ на ея худыхъ щекахъ, слезы выступили на глаза, и все шупленькое тѣлце ея подергивалось нервной дрожью. Въ смятеніи дѣвочка встала изъ-за стола и забилась на печь, гдѣ то нервно посмѣивалась, то угрожо отдакивалась въ отвѣтъ на ласковую побранку матери.

Въ началѣ Великаго поста также посѣтила с. Казачинское какая-то горловая боль, принявшая было эпидемическій характеръ, преимущественно поражая дѣтей. Первый слухъ объ этомъ печальномъ явленіи, успѣвшемъ унести уже двѣ-три дѣтскихъ жизни, серьезно встревожилъ нашу дѣвочку. Съ приходившими въ домъ она первую заговаривала о свирѣпствующей хвори, обстоятельно выспрашивая въ то же время, что слышно о ней, кто и какъ боленъ, и съ убитымъ видомъ и глухимъ голосомъ въ свою очередь передавала извѣстные ей случаи смерти. А когда заболѣла горломъ ея ближайшая подруга, дѣвочка окончательно впала въ уныніе. Неохотно бралась за рукодѣлье, тоскливо слонялась по избѣ, задумчиво лежала на печи и надобдала брату, учащемуся съ ея больной подружкой, стереотипными опросами: «Что Зоя хворать? Горло болитъ? Сильно? Кашлять?».. При этомъ сама начинала откашливаться, пробуя, вѣроятно, состояніе своего горла. Выходя на улицу, тепло одѣвалась и укутывала двумя шалями голову и горло. Въ концѣ-концевъ искусственно-воспроизводимый кашель перешелъ въ дѣйствительный; у дѣвочки начались головныя боли и появились признаки лихорадки. Чуть защекаетъ въ горлѣ, ей казалось, что вотъ ее захватитъ и сразу удушитъ. Она дѣлала усплія, насильно и продолжительно откашливалась и кончала обыкновенно слезами, да ноющими взываніями къ своимъ родителямъ. Никакія утѣшенія не могли успокоить дѣвочку и доводы образумить. Только и слышишь, бывало, сквозь слезы выговариваемый упрекъ: «Да, вамъ не жалко меня!»

И каждый-то прищипъ у себя дѣвочка омоетъ слезами, каждую ямочку, бугорочекъ на своемъ тѣлѣ ощупаетъ, найдетъ ихъ злокачественными, служащими вещественнымъ предвѣстникомъ смертельнаго исхода, дастъ освидѣтельствовать матери и на ея обычное—«о, дурочка!» безпремѣнно возразитъ: «Для васъ все пустяки!» Когда ощутитъ она колики на «нутрѣ»... О, тутъ слѣдуютъ вышеописанныя сцены. Вѣдная дѣвочка! Ея душа, кажется, не знаетъ истинно дѣтской радости.

А. Махаренко.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ. *Ал. Макаренка*. 124—125
-

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

1. Дурачки и убогіе. *Ал. Макаренка*. 126—128
2. Урочливая. *Его-же*. 128—130
-